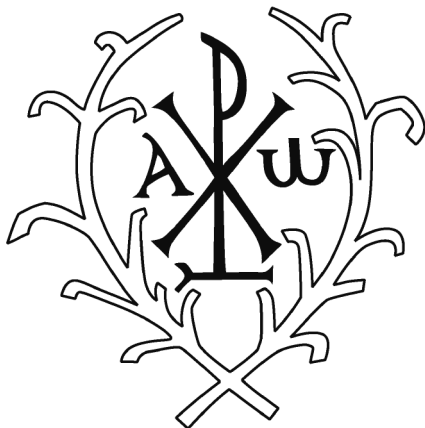

ΧΡΙΣΤΙΑΝΟΣ

XXXIV

АЛЬМАНАХ

ISSN – 1407-0898

Обложка работы архимандрита Зинона (Теодора)

Редакционный совет

Наталия Большакова-Минченко –
главный редактор

Протоиерей Владимир Зелинский
Андрей Десницкий

Ответственный за выпуск
Василий Минченко

*Перепечатка материалов альманаха «Христианос»
возможна только с письменного разрешения гл. редактора*

© Международное Благотворительное Общество
имени Александра Меня
Рига, Латвия, 2025

*Путям,
которыми идет душа
человеческая к Богу,
посвящен этот альманах.
Особенно значима для нас
жизнь христиан нашего времени,
войдем же и мы вместе с ними
в святое любовное
единение с Богом – Отцом,
и Сыном, и Духом Святым,
Троицей единосущной
и нераздельной.
Аминь.*

От редакции

В этом, 2025 году исполняется 90 лет со дня рождения отца Александра Меня.

Отец Александр считал, что день рождения – это всегда день благодарения.

И мы открываем этот выпуск альманаха, посвященный отцу Александру, молитвенным *Благодарением*, созданным его духовным чадом – отцом Михаилом Аксёновым-Меерсоном.

В этом *Благодарении* отец Михаил соединил нас всех – многочисленных детей, рожденных отцом Александром через его свидетельство о Христе Воскресшем и благодаря Духу Божию. И от имени всех нас звучит эта молитва *Благодарения*.

«...вот я и дети, которых дал мне Бог».

И вместе с нами отец Михаил благодарит отца за его мученическую кровь, пропитавшую дорогу, за его умирание в одиночестве...

Вслед за *Благодарением* мы публикуем текст выступления Владимира Илюшенко «Великий ученик Христа», прозвучавший на Вечере памяти о. А. Меня 21.01.2025 г. в храме свв. Космы и Дамиана в Шубине (Москва). И последним материалом в этом прологе «Христианоса-XXXIV» идет проповедь священника Иоанна Грузинова, произнесенная в храме Успения Пресвятой Богородицы на Успенском Вражке (Москва) 22.01.2025 г.

Но эти три текста объединены тем, что они все являются и молитвой, и проповедью, и свидетельством. Можно сказать, - одним духом наполнены.

Далее начинаются рубрики, как обычно бывает в альманахе «Христианос».

Рубрику «Наследие отца Александра Меня» начинают тексты выступлений участников международной конференции, посвященной 34-й годовщине мученической кончины прот. Александра Меня «Вызовы для человечества в современном мире», проходившей в Риге 11 сентября 2024 г.: Наталии Большаковой-Минченко, о. Игоря Прекупа, Михаила Меня, о. Владимира Зелинского.

Затем следуют статьи:

Евгения Рашковского «Прот. А. Мень: время нашей свободы / время нашей свободы».

Иеромонаха Иоанна (Гуайты) «Миротворчество Александра Меня».

Архим. Зинона (Теодора) «Миссия отца Александра».

Андрея Десницкого «По следам “Сына Человеческого”» – этот научно-популярный реферат дает нам представление о том, что было сделано разными авторами после о. Александра – в продолжение его книги «Сын Человеческий», или в споре с ним, или просто в том же направлении.

Далее идет рубрика «Письма отца Александра», включающая в себя 68 писем, ранее не публиковавшихся, касающихся самых разных тем и обращенных к разнообразным адресатам.

Публикацию писем предваряет *Комментарий* Наталии Большаковой-Минченко «Продолжение “взгляда”».

В рубрику «Воспоминания об Александре Мене» входят три материала:

Большой текст «Он навсегда остается с нами» Натальи Комаровой (1944–2023), присланный в редакцию альманаха ее сыном Дмитрием Барабановым, – охватывает период с 1962 г. до убийства о. Александра

9-го сентября 1990 г. и далее, до возрождения храма свв. Космы и Дамиана в Шубине.

Следом идет совсем небольшой рассказ Михаила Меня «Памятник погибшим за веру».

И завершает рубрику Павел Мень своими воспоминаниями о детстве, о семье Меней, об атмосфере в стране, вплоть до смерти Сталина, – назвав их «Наши праздники».

В 2025 г. исполняется и 35 лет со дня убийства отца Александра, и 20 лет со дня убийства брата Роже. Напомним, что 16 августа 2005 г. на юге Франции, в Бургундии, в Тэзе во время вечернего богослужения был убит 90-летний основатель общины Примирения брат Роже Шютц, возглавлявший общину более 60 лет.

В рубрике «Памяти брата Роже Шютца» есть много фотографий Сергея Бессмертного из паломничества в Тэзе в 1993 г., а также во время пребывания братьев Тэзе в Москве. И вместе с отцом Владимиром Лапшиным, автором текста «Брат Роже: жить миром и радостью» и глядя на лицо брата Роже и других братьев, мы погружаемся в ту блаженную атмосферу праздника, единения, братской любви, что неизменно охватывала нас в Тэзе.

Завершает альманах отец Владимир Зелинский. В рубрике «Фрагменты жизни» мы публикуем продолжение его текстов, что были опубликованы в «Христианосе-XXXIII».

«Избери жизнь...» – это все та же стая заметок, наблюдений, размышлений.

Пасха 2025

Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон

**БЛАГОДАРЕНИЕ
ОТЦУ АЛЕКСАНДРУ МЕНЮ**

Отец Александр, Отче, как мы называли тебя!

В день твоего Рождения мы собрались – твои дети, чтобы еще и еще раз, паки и паки, отблагодарить тебя.

За то, что через тебя и твое свидетельство родились мы не только от плоти и желания мужа, но и от Бога Отца, от Господа Иисуса Христа и Святаго Духа. Многих ты родил духом при твоей жизни, но еще больше продолжаешь приводить ко Христу, и после твой мученической кончины – ты снова в муках рождения,

Так что вместе с Исайей и апостолом языков можешь возгласить:

«Возвещу имя Твое братиям моим

Посреди Церкви воспою Тебя

И еще: вот я и дети, которых дал мне Бог».

Благодарим тебя за нас самих, собравшихся здесь, но и за тех, которых имена мы не знаем, но которые и на твоей и нашей родине, а теперь и по всему свету, через твое свидетельство и твое заступничество, вновь и вновь рождаются во Иисуса Христа и в Церковь, которая есть Тело Его.

Благодарим тебя за то, что нас, сидевших во мраке безбожия, то есть безотцовщины, обитавших в тени смертной, в убежденности, что мы заброшены в холодную, бесчеловечную и безразличную к нам вселенную, которая проглотит нас также тупо и бессмысленно, как

и породила нас на мгновение перед лицом вечности, подобно древнему Хроносу, пожирающему своих детей, ты явил образ Отца Вечного и Небесного.

Благодарим тебя за то, что обещание Иисуса: «Не оставляю вас сиротами, приду к вам», – Он исполнил для нас через тебя.

Благодарим тебя за просвещение, за то, что своими книгами ты являл нам в той тьме бессмыслицы Логос Смысла.

Благодарим тебя за отеческую теплоту, с которой ты открыл нам двери Отческого дома, Церкви, когда власти держали ее от нас закрытыми, а служители ее, сами запуганные, боялись или не умели нам ее приоткрыть.

Благодарим тебя за твое пастырское терпение, с которым ты снова и снова принимал нас, когда мы отпадали и уходили от Отца.

Благодарим тебя за ту мудрость и заботу, с которой ты опекал нас, когда мы впадали в ненависть к режиму, державшему нас во тьме и заточении, уберегал нас от самоубийственных бессмысленных поступков.

Благодарим тебя за твое бесстрашие, за то, что и твоих врагов, и твоих предателей, и будущих убийц, ты продолжал считать людьми, нуждающимися в спасении, и потому и для них держал открытым свое сердце.

Благодарим тебя за твою неизменную здравость, с которой ты удерживал нас от того, чтобы впадать в кликушество, в столь привычный в нашем православии мифологизм и экзальтацию, принимаемые за духовность.

Благодарим тебя за твою неизменную улыбку, которая разгоняла мглу депрессии и отчаяния, в которой мы так часто приходили к тебе, и она, подобно солнечному теплу, неизменно разгоняла эти тучи.

Благодарим тебя за твою неутомимость, с которой ты, как один в поле воин, старался заткнуть многочисленные прорехи в нашем ветхом православии, застигнутом врасплох современностью.

Благодарим тебя за то, что своим четким, понятным каждому, интеллигентным и с солью, языком, ты передавал нам сокровище древней веры, ничего ценного в ней не теряя, все сохраняя, и щедро раздавая другим.

Благодарим тебя за твою непостижимую щедрость, с которой ты делился всем своим богатством с каждым, приходящим к тебе.

Благодарим тебя за твое бесстрашие, когда зная, что время твоего отшествия уже при дверях, что уже ты окружен охотившимися на тебя, и что ты уже «становишься жертвой», ты продолжал свое свидетельство перед обществом, ополоумевшим от страха, на глазах которого рушилась громадина того мифа, которому все доверяли и который обваливался, грозя всех собой раздавить. Ты, казалось, оставался единственным утесом надежды и здравости, и столь многие обращались к тебе, что твои враги, как некогда фарисеи перед лицом Господа, говорили: «Смотрите, ничего не успеваем, весь мир идет за ним».

Благодарим тебя, за ту твою мученическую кровь, которой ты напитал свою дорогу от дома к Церкви.

Благодарим тебя за твое умирание в одиночестве, когда ты уже хладеющими устами читал сам себе отходную.

Благодарим же тебя и за то, что при всем этом ты никогда не искал славы себе, но всегда – славы Пославшего Тебя, Господа нашего Иисуса Христа, что через тебя «Его свидетеля верного», мы научились возносить

Благодарение Ему на всяком месте и на всякое время.

И в завершении вознесем благодарение за тебя и через тебя Тому, Кто дал тебя миру через твоих родителей и призвал тебя и нас через тебя. Возблагодарим словами поэта Вяч. Иванова, имя которого я впервые услышал от тебя еще в начале 60-х годов:

ТЕБЕ БЛАГОДАРИМ

Бог страждущий, чьей страстной Чаши жаждем
По Ком горим!
Зане в Тебе, зане с Тобою страждем,
Благодарим!

Зато, что Твой, и в ризе страстнотерпной,
Прекрасен мир;
Зато, что Жизнь из чаши неисчерпной
Пьет Твой Потир;
Зато, что Ночь во все концы пронзают
Лучи Креста,
Зато что всех зовут и всех лобзают
Твои уста:

Мы, что из солнц Разлуки совлеченный
Твой Крест творим, –
Тебя, с Собой на Древе разлученный,
Благодарим!

За боль любви, за плач благодаренья,
За ночь потерь,
За первый крик, и смертный пот боренья,
И смерти дверь, –

Зане прибой мятежный умирает
У кротких Ног, –
Зане из бездн Страданье прозирает,
Что с нами Бог, –

Зане Тебя, по Ком в разлуке страждем,
Разлукой зрим, –
Бог жаждущих, чьей страстной Чаши жаждем, –
Благодарим!¹

Нью-Йорк
22 января 2021 г.

¹ В стихотворении сохранена авторская орфография.

Вячеслав Иванов. Собр. соч. в 4-х тт. – Брюссель: «Жизнь с Богом», 1971. Т. 1. С. 704-705.

Владимир Илюшенко

ВЕЛИКИЙ УЧЕНИК ХРИСТА¹

90 лет назад в Москве родился мальчик – Алик Мень. Никто тогда не знал, кем он станет. Но мы теперь знаем: это христианский святой, апостол и священномученик, религиозный гений – отец Александр Мень.

Сказать, что он был властителем дум, – слишком мало. Он стал духовным лидером России. И не только России – духовным лидером вселенского масштаба.

Александр Мень – посланник из вечности. Он был послан на Землю с особой миссией. Она состояла в том, чтобы заново евангелизировать полуязыческую Россию, а начиная с неё – и всю ойкумену. Он приступил к исполнению этой грандиозной задачи, но его миссия была прервана. Продолжать её надлежит нам, его ученикам. Он передал нам огонь духа, огонь Христов. Таким образом, убийство отца не достигло своей цели, хотя и значительно отдалило исполнение его замыслов.

Отец Александр Мень ни на кого не похож. Это святой нашего времени. Не было ещё такого святого и, скорее всего, не будет, потому что он соединил в себе энциклопедизм Фомы Аквинского, дар слова Иоанна Златоуста, проникновенность и знание глубин человеческого сердца преподобного Серафима, миссионерский дар апостола Павла и Иннокентия Иркутского – можно долго перечислять. Отец Александр – святой XX века, каких ещё не было. И века такого не было в истории, и святого такого не было.

¹ Текст выступления на Вечере памяти отца Александра Меня накануне его 90-летия, 21.01.2025 г. в храме свв. Космы и Дамиана в Шубине (Москва).

Интерес к отцу Александру из года в год возрастает – не только к его наследию, но и к нему самому. В чём всё-таки секрет его воздействия? Очевидно, в том, что он был истинным христианином.

Если угодно – совершенным христианином. Сам он говорил, что христианство – это не новая религия, а кризис всех религий, суд над ними. Он говорил, что Христос принёс на землю не систему взглядов, не учение, а совершенно новое – Он принёс Самого Себя, Благую Весть.

Но кто способен воспринять Благую Весть во всей её полноте? Очевидно, тот, кто открыл себя Христу, кто принял Его слова всерьёз, а потому принял Его в себя. Такой человек становится иным, и это ощущают все, кто с ним общается. Человек, который посвятил себя служению Богу и людям, который живёт по Евангелию, который умножил свои таланты, и без того огромные, во сто крат, у которого слово и дело одно и то же, – такой человек наполняется светом и духом, он становится отображением Христа, Его иконой. Люди узнают Христа через него.

Именно это и явил отец Александр, великий ученик Христа. Он был сгустком, генератором духовной энергии, энергии любви, которая изливалась из него сама собой. Она воздействовала на всех при его жизни, она воздействует и сейчас. И это будет продолжаться потом, в будущем.

Отец писал моей сестре: «В малом Бог. Во всём. Это даст Вам сил перенести все трудности нашего короткого пути, где главное – крест (а крест есть страдание, помноженное на радость отдачи)».

* * *

...Отец Александр меня поразил с первой встречи и всегда поражал. И дело не в красоте его внешнего облика и не в том, что он имел такую способность отвечать на любой самый сложный вопрос мгновенно и исчерпывающе, так, как будто он специально готовился к этому вопросу. Нет! От него исходило необыкновенное обаяние, которому невозможно было противиться. Потом я понял, в чем дело: это было истечение любви. Она из него изливалась сама по себе, он даже об этом не думал.

Священник Иоанн Грузинов

Настоятель прихода храма Успения Пресвятой Богородицы на Успенском вражке (Москва).

ПРОПОВЕДЬ

Литургия

22 января 2025 года

Сегодня день рождения отца Александра Меня.

Я его не застал в живых. Я застал только эхо той удивительной жизни, которую прожил здесь, на земле, этот замечательный человек, замечательный священник. Но, вы знаете, мне даже этого эха, этого отблеска, этих бликов солнечных, когда оно играет в весенний день, — хватает для того, чтобы питаться тем живым примером человека, от которого меня отделяет, в общем, не так много лет. Я все время думаю, что сказать такого важного, возможно, сделать какие-то выводы, которые бы отвечали высоте жизни, прожитой отцом Александром.

В связи с этим мне важно поделиться с вами мыслью, как результатом всего прочитанного, всего просмотренного, этих записей замечательных, которые нам остались, и мысль эта в том, — к чему лично меня призывает отец Александр: я могу быть другим, я могу измениться, я могу здесь, при жизни, соответствовать тому высокому уровню, что дан нам в Священном Писании, и Священном предании, в Святом Евангелии. Я буду меняться, если я начну хотя бы немножко изучать то великое наследие, оставленное нам святыми отцами и данное нам Господом через Священное Писание, которое отец Александр, в свою очередь, как раз изучал всю свою жизнь до последнего своего часа. Вот он мне дает такую надежду — что я при помощи этого могу стать

другим. Чтобы не укореняться в заботах мира сего, а посмотреть на страницы Священного Писания, прийти в себя, как блудный сын из притчи, посмотреть вверх, начать общаться с Богом в молитве, общаться и приобщаться Богу в Его храме через Божественную литургию.

И опять же, эта любовь к Божественной литургии, которую я, как мне кажется, стараюсь наследовать и через пример служения отца Александра, потому что, насколько я знаю, отец Александр очень любил Божественную литургию, он считал ее средоточием всей христианской жизни. Так вот, этот пример служения, образ доброго пастыря, полагающего душу за пасомых даже до смертного часа, питает мой ум, мое сердце.

Приобщаясь к этому светлomu примеру, насколько возможно, я чувствую, что отблеск этого света, который нес в мир отец Александр, – в безбожный тогда, чудовищный советский мир, – этот огонек света, он сейчас рядом со мной, с нами, он сейчас в нашем храме.

В сей момент времени, когда мы скажем на Божественной литургии «Христос посреде нас!» – все мы, думаю, будем готовы услышать голос отца Александра, отвечающий нам: «И есть, и будет!».

Аминь.

**НАСЛЕДИЕ
ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**

*Протоиерей Александр Мень
(1935–1990)*

Наталия Большакова-Минченко

ОБЕСЦЕНИВАНИЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ И ПОПРАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ¹

Это началось не сегодня... Отец Александр не устал повторять, что наша главная беда – размывание нравственных ценностей, а они могут возродиться лишь на духовной, религиозной основе, на библейских основаниях, на этических идеалах.

«При этом людям было дано знать, что отход от идеалов ввергнет мир в хаос.

...Мы живем в последствиях колоссальной исторической патологии, которые и сейчас живут в душах людей. Мир стоит на распутье, дойдя до последней роковой черты... она может обозначать закат цивилизации... наше столетие может стать последним в истории. Не волен ли Творец начать ее сызнова?..»

«Стоит ли нам пассивно ждать нового всемирного потопа, или мы все же придем в себя и вернемся на путь разума, творчества, любви?..» «Я воспринимаю это время, как суд Божий» – писал отец Александр летом 1990-го года, незадолго до смерти.

Однако, несмотря на грозные знаки Апокалипсиса, отец Александр был полон надежды. Он любил повторять слова Альберта Швейцера: «Мое знание пессимистично, но моя вера оптимистична». Он говорил: «Надежды мои чисто мистические, потому что я все равно

¹ Текст выступления на конференции «Наследие прот. Александра Меня и вызовы для человечества в современном мире», посвящённой 34-й годовщине мученической кончины прот. Александра Меня, состоявшейся в г. Риге 11-го сентября 2024 г.

верю в победу светлых сил. Я убежден, что сила зла базируется на нашей трусости и глупости, но то, что на протяжении эры беззаконий всегда находились стойкие люди, праведники, мученики – утешает, это залог того, что дух непобедим и черные призраки все равно рассеются рано или поздно... Я верю, что история имеет смысл. Если она сейчас прервется, то будет скорее похоже, что она не удалась. И тогда многое теряет смысл. Евангелие не реализовано и не понято. Его осуществление может быть только впереди. Но знаю (по Библии) также, что и царство зла будет возрастать. Так что это не просто оптимизм...»

Мир, в котором мы живем, во все времена не был свободен от насилия. Со времен грехопадения, отдалившего человека от Бога и искажившего человеческую природу, со времен первого братоубийцы Каина, – «мир во зле лежит».

Но нынче, когда чуть ли не каждый день мы слышим о разгуле и бесстыдстве зла, – может показаться, будто «дьявола выпустили на свободу».

Кроме того, что разрушаются те основания (библейские!), на которых изначально создавалась европейская цивилизация и культура, – а, может быть, как раз вследствие этого, – знаком нашего времени стало и отсутствие надежды (все это на фоне невиданного технического прогресса, не спасающего от помраченности духа!). Но попрание библейских ценностей не может проходить безнаказанно. Ведь Библия – уникальный документ единства человеческого рода и свидетельство о равенстве всех людей перед Богом. Свой нравственный закон – Декалог или Десять Заповедей человечество получило через народ Ветхого Завета.

И в наше время уже ясно, что надежд на светский гуманизм не осталось никаких!

Отец Александр писал: «Люди рассчитывали на идеалы секулярного, светского гуманизма, которым так гордился 19-й век. Он считал, что уже не нуждается в свете Вифлеемской звезды, ибо нашел свои нравственные скрижали. Однако скрижали эти оказались хрупкими, как стекло, первые же удары мировой войны разнесли их вдребезги. Гуманизм был безжалостно раздавлен сапогами диктаторов, политических маньяков, разбушевавшихся толп. Оказалось, что зверь лишь притаился и, набрав сил, вновь понесся по планете, круша все на своем пути. И, опять-таки дело не в гуманизме как таковом, а в забвении высших, божественных истоков добра.

...Мы, люди, веками грезили о таком преобразовании общества, которое принесло бы всем благоденствие и процветание, где воцарятся свобода, равенство, братство.

Но еще опыт террора в дни Французской революции явился предупреждением, прообразом всего, что совершалось в двадцатый век. Если священным на земле становится не жизнь человека, не его права и достоинство, а общественный порядок, то во имя этого порядка можно истреблять тысячи, а потом миллионы, – словно ничтожную накипь и плесень. И снова нужно признать, что идея улучшения социального порядка, как таковая, обладает и величием, и ценностью. Однако, став самодовлеющей, претендуя на роль религии, попирая личность, она приводит к обратным результатам».

Сегодня многие люди задаются вопросом: почему так много зла в мире? Как будто оно вытеснило все

добро... И, кажется, что все дозволено, если нет пределов разгулу зла...

Очень трудно обрести способность здраво и позитивно мыслить, если мы оторваны от источника мудрости – Библии, которая как раз несет идею о параллельном нарастании двух противостоящих сил: добра и зла. О постоянной борьбе между ними. И человек в этой борьбе не может быть пассивным наблюдателем: он призван участвовать в ней. И он сам выбирает, на какую сторону встать.

Человек до сих пор нуждается – чтобы проснулась его совесть – в обличении и проповеди библейских пророков. Они тоже жили в мире, полном зла и страданий, но верили в нравственный миропорядок, в высшую Волю. Отец Александр считал, что они «совершили революцию в религиозном сознании своего времени, но значимость и актуальность их борьбы против обрядоверия, культового формализма тех, кто считал, что Творца можно задобрить священными церемониями и дарами – очевидна для нас и сегодня.

К любому нашему современнику – христианину, иудею, мусульманину, верующему или неверующему – могут быть обращены слова пророка Исайи: "...перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетенного; защищайте сироту; вступайтесь за вдову", или современника Исайи, пророка Михея: "О, человек! Сказано тебе, что добро и чего требует от тебя Господь: действовать справедливо, любить дела милосердия и смиренномудренно ходить перед Богом твоим". Сквозь окружающую тяжкую действительность, войны и дым пожарищ, пророки прозревали Царство Божие, – день, когда люди "перекуют мечи на

орала”» (выражение Исайи), день, когда сияние добра и истины привлечет к себе все народы».

Но, как мир отталкивает Библию, отдаляется от Бога, – так он теряет из виду и человека.

На наших глазах, в эти годы независимости Латвии, чей гимн начинается словами: *Dievs, svētī Latviju!* (Боже, благослови, Латвию!), из средних школ убрали уроки религии. Кто это сделал, и почему общество допустило такое? А теперь решают неразрешимую задачу: как убрать насилие из школы, что делать со школьниками-наркоманами, количество которых растет год от года?..

А кто-то негодует, требуя объяснений у Бога: почему Он допускает все это зло?..

Но отец Александр говорит, что мы «не имеем право переносить на Творца такие вот свойства надзирателя. Иначе мы были бы не людьми, не образом и подобием Божиим, мы были бы детским садом, марионетками. Нам очень хочется, чтобы наверху сидел большой господин, который бы все время наблюдал за нами и при малейшем нарушении тут же карал виновных и поощрял невинных. Этого не должно быть. Господь дает нам трудный дар свободы. Человек по замыслу является соучастником Божественного творения. Библия называет это словом “завет”, то есть, “союз”. Союз может быть с каким-то мало-мальски равноправным существом. Но если это существо – заводная кукла, то какой же может быть с ним союз?..»

Из опыта собственной жизни – и человеческой, и пастырской – а также, исходя из глубокого знания истории, отец Александр пришел к горькому выводу: «Люди не любят свободы и никогда ее толком не любили.

Свободу любят лишь избранные, и они сеют семена...». Духовная, внутренняя свобода человека, его осознанный нравственный выбор на пути к Богу были для отца Александра тем важнейшим, краеугольным основанием, которое он, как священник, пастырь старался воспитать в прихожанах, при этом благоговейно относясь к личности и свободе каждого человека. Если его не понимали или не слушали – никогда он не пользовался своим авторитетом духовного отца, чтобы «не быть жрецом, а только пастырем» (его слова).

И по поводу тайны существования зла и всех его порождений он писал:

«...иррациональное не может быть рационально объяснимо. Объяснить зло, дать логически ясную теодицею – значит, сделать зло обоснованным, а оно необоснованно, как слепая стихия бунта, как темное стремление против света.

...Темной стихии надо противостоять. Христос учит нас не тому, как произошло зло в мире, – это философия, а учит, как жить в мире, где есть зло.

Библейская история не кончена, борьба света и тьмы продолжается, в истории народов сталкиваются не только экономические интересы, не только политические страсти, а подлинные духовные полярности, и поэтому так важно, чтобы отдельные люди и духовные движения, и целые народы принимали участие в становлении Духа, в его борьбе против порабощения, косности, безличности, бездуховности, смерти».

Отец Александр в конце 80-х годов прошлого столетия, оглядывая трагедии минувшего, вынес четкий диагноз: «...Мир, потерявший Бога, поклонившийся политическим идолам, пожал полной мерой свое

идолопоклонство, плоды своего идолопоклонства. Человек отвернулся от Бога и поклонился идолу, и когда этот идол на него упал, мы хотим, чтобы Господь в это время определял, кто прав, кто виноват».

И еще он говорил: «...Надо понять, что перед людьми лежит самая высочайшая ответственность, что человек должен быть руками, глазами и сердцем Бога – и тогда он будет сеять добро! Если человек сеет зло, оно обязательно обернется, в конце концов, против него самого. Бог помогает действующим во имя добра, Он помогает тем, кто мужественно продолжает жить и идти вперед».

И еще об одной роковой иллюзии говорил нам отец Александр: «...когда-то люди думали, что стоит только измениться социальным условиям, стоит только положить начало развитию науки, техники, культуры – и мы все расцветем, мы станем лучше! Но теперь можем ли мы сказать, что мы стали лучше оттого, что вместо лошади у нас есть реактивный самолет? Стали ли мы счастливее оттого, что вместо печки у нас есть отопление? Стали ли мы счастливее оттого, что мы можем воевать теперь, используя вместо топоров термоядерное оружие? Нет, мы не стали лучше и счастливей.

Ни техника, ни наука, ни, так называемый, технический прогресс, ни перемены структур не могут полностью решить главных задач человечества. Эти задачи лежат в глубине человеческого духа.

Поэтому, если мы будем искать духовных корней, мы должны сегодня искать нового ренессанса. Уверяю вас, без нового ренессанса человечество способно погибнуть в очень быстрый срок, потому что, овладев силами огромной разрушительности, потеряв нравственную

ориентацию, потеряв то, что питало действительно корни культуры, человек пойдёт по пути самоубийства...».

Все сказанное отцом Александром более 30 лет назад, не только не потеряло своей актуальности, но порой звучит и как пророчество, и как откровение, и как указание пути. И, что на мой взгляд, очень ценно, – что он делится с нами своими верой и надеждой, глубоко укорененными в Св. Писании, в опыте духовной жизни: «Хочется верить в победу разума, свободы, человечности, даже если эта победа никогда не будет полной в этом мире, – пишет отец Александр. И далее, – Хаос и растущая на его дрожжах тирания все равно обречены. Об этом свидетельствуют великие прозрения Иоаннова Апокалипсиса. Сколько бы ни бушевала стихия тьмы, ночь не может быть бесконечной. Слово Божие учит нас верить в победу света.

В эпилоге Апокалипсиса есть потрясающие строки. Сам Агнец, сама вечная Истина и Любовь стоит у дверей человеческого сердца. Не требует грозно, не приказывает, а тихо стучит, словно путник, просящий ночлега. И как важно, чтобы этот тихий стук Любви был услышан. Пока еще не поздно...».

Протоиерей Игорь Прекуп

ЧЕЛОВЕК НОВОЗАВЕТНОГО ДУХА¹

Мы никогда не встречались с о. Александром лично. Так получилось. Хотел. Как обычно откладывал, надеясь выбрать наиболее подходящее время... Теперь уже только в День всеобщего воскресения.

Отец Александр был первым священником, с которым я, пусть косвенно, соприкоснулся. И я не преувеличу, если скажу, что именно он скорректировал направление моего внутреннего духовного поиска.

Его книги, записи интервью – это всё будет скоро, потом, уже после моего крещения в середине 80-х. А первая и последняя встреча наша с о. Александром, пусть и опосредованная, произошла в конце 70-х гг.

Я очень хорошо помню этот эпизод. Мне 16 лет. Дома застолье, собрались друзья, родственники. Среди гостей была мамина новая подруга со своим мужем – тогда ещё начинающим кинорежиссёром. Этот человек выделялся среди них не экстравагантной внешностью, хотя и она была интересной, не интеллектуальным уровнем (все гости были с высшим образованием, некоторые с учеными степенями), а какой-то нестандартностью мышления, каким-то другим кругозором, вызывающе вольным отношением ко многим аксиоматичным установкам советских людей. Но его нескрываемая оппозиционность распространённым штампам была вовсе не легкомысленной, а весьма взвешенной.

¹ Текст выступления на конференции «Наследие прот. Александра Меня и вызовы для человечества в современном мире», посвящённой 34-й годовщине мученической кончины прот. Александра Меня, состоявшейся в г. Риге 11-го сентября 2024 г.

Старшее поколение помнит, что в те годы человека записывали в религиозные мракобесы, если он только допускал существование чего-либо недоступного обычному зрению, осязанию и другим органам чувств. А он рассказывал о парапсихологии, о некой плазме, которая окружает наше тело, и приборы фиксируют и наблюдают её всплески на 3, 9 и 40 день после смерти. Также Борис Конунов, так звали смелого гостя, вспомнил эпизод во время съёмок фильма М. Калика «Любить» (студия Молдова-фильм, 1968 год). Он там был ассистентом режиссёра. В ленте идёт сочетание драмы, мелодрамы и документального кино. К проходим обращаются с одним и тем же вопросом: «Что значит любить?» А прохожие далеко не все были просто прохожими. Среди интервьюируемых оказывались и специально приглашенные люди, как, например, молодой священник Александр Мень.

Это был, как нынче говорят, «разрыв шаблона». Одним своим видом, тем более речью он разрушал ложное представление о церковнослужителях, бытовавшее среди советских людей (и до сих пор, кстати, неизжитое). Он был красив, обаятелен и интеллигентен. А сочетание высшего биологического образования со степенью кандидата богословия, которое сегодня не в диковинку, в советские времена вызывало когнитивный диссонанс.

И вот, Боря Конунов между съёмками обращается к нему со вполне естественным для тех времен вопросом:

— Отец Александр, неужели вы во всё это верите?

На что его мудрый собеседник, отвечает вопросом на вопрос:

– Молодой человек, а вы верите в любовь?

Насколько я помню, молодой человек на съёмки прилетел, едва женившись, и был на тот момент свежеспечённым мужем, то есть ещё не прошедшим через все кризисы супружеской жизни, а потому, не задумываясь ни на мгновение, он ответил утвердительно.

Священник продолжает:

– Так вот, Бог есть любовь.

И добавил очень поэтичную фразу, которая послужила своего рода оправой этим словам, но ее я не запомнил.

Все сказанное о. Александром Борис пронес через годы и воспроизвел во время того застолья. И мне подумалось тогда ясно и спокойно, знаете, так чётко и твёрдо: «Если Бог есть, это любовь». Причём как-то сразу понятно было, что речь не о романтической любви, а о любви, как таковой, о самой любви, как источнике всего многообразия ее проявлений. Это было, как откровение. Я не знал в то время, что это высказывание св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова, как, собственно, и само слово «евангелие» мне было незнакомо («библия» еще слышал, знал, что есть такая книга религиозная).

Так получилось, что апостольские слова, дошедшие до меня таким, вот, извилистым путем, стали моим внутренним ориентиром задолго до того, как я впервые взял в руки Священное Писание. И хотя далеко не сразу я определился в вере, и только семь лет спустя крестился, но вот эта установка «Бог есть любовь» оставалась неким стержнем, каким-то критерием и индикатором истины, в моем не скажу, что очень уж усердном, но достаточно последовательном духовном поиске.

Я тогда хорошо запомнил имя и фамилию, разрывающего шаблон, православного священника – Александр Мень.

С о. Александром, как я уже сказал, мне встретиться не удалось. Зато мне повезло познакомиться с некоторыми его духовными чадами: немногими, но *очень* разными. И в этом тоже особенность пастырства о. Александра, который был исключительно гибок в отношении всего, что не составляло сущность христианства. Это истолковывалось недоброжелателями превратно, как экуменическая всеядность, как непонимание православия, чуждость ему и т.п. Это неправда. Прекрасно понимал о. Александр православие как полноту христианства. Но это понимание, в его глазах, не могло служить ни причиной пренебрежительного отношения к религиозному опыту других конфессий, ни поводом к жесткому пресечению тяготения к этому опыту и вкусам среди его чад, некоторые из которых, после его кончины, нашли себя, кто в католичестве, кто в протестантизме. Ясно, что в православии они удерживались только личным примером и влиянием о. Александра, а он что мог, то и вкладывал в них. При всем разнообразии духовного вкуса, среди его чад я не заметил одного: лицемерия. Возможно, мне просто повезло, но вот этого самого богопротивного, если судить по Евангелию, порока ни в ком из них не было. И думаю, не случайно. У о. Александра к лицемерию была нулевая толерантность.

Поэтому он, как никто другой, чутко отреагировал на тенденции в церковной среде, которые он диагностировал как серьезные заболевания, разрушающие христианское, а стало быть, церковное самосознание.

В этом отношении наиболее важным для нас является его интервью испанской журналистке Пилар Бонет для журнала «Панорама». Отвечая на вопрос о течениях в Православной Церкви, о. Александр отмечает, во-первых, мощное консервативное течение, враждебное Западу, противящееся любым реформам и пытающееся реконструировать жесткие модели идеализируемого прошлого. Причину он видел в «искусственном отборе», осуществлявшемся в РПЦ в течение всей советской эпохи: «...все живые, экспериментирующие силы внутри Церкви беспощадно уничтожались в течение нескольких поколений. Если епископ проявлял дух свободы, независимости, экспериментаторства – его сразу отправляли в провинцию или на покой... [...] И поэтому сохранились, выжили и размножились самые правые, самые консервативные»².

Отец Александр возлагал надежду на новое поколение епископата 80-х гг. прошлого века, которое было уже менее консервативным, чем епископат 60-х гг. При этом он с тревогой констатировал, что клерикальным кругам очень свойственен этакый культурный нарциссизм, который «вреден... опасен, потому что заставляет общество идеализировать самое себя»³.

Стиль его пастырского руководства можно охарактеризовать, как путь евангельской свободы, допускающий посещение инославных общин, их богослужений, но, оставаясь «в рамках Московского Патриархата»⁴. Это не всем подходило. Человеку зачастую необходимо

² *Мень А., прот.* Интервью испанской журналистке Пилар Бонет для журнала «Панорама» // О себе... Воспоминания, интервью, беседы, письма. – М.: Жизнь с Богом, 2007. С. 274–276.

³ Там же. С. 278.

⁴ См.: Там же. С. 278–280.

находиться в каком-нибудь лагере, с позиций которого можно было бы уверенно выступать и оценивать предметы и события по готовым шаблонам, а не искать, напрягая ум и совесть, как применять евангельские критерии к каждой отдельной ситуации.

В рассматриваемом интервью о. Александр очень жестко называет вещи своими именами, отмечая, что консервативное течение в РПЦ «имеет отражение в военных и политических кругах», и это поддерживают нацисты, фашисты, которые «растут, как на дрожжах», а зарождение русского фашизма «очень активно поддерживают очень многие церковные деятели. Произошло соединение русского фашизма с русским клерикализмом и ностальгией церковной»⁵.

И если кому-то кажется, что о. Александр тут соскальзывает в политику, то ему это только кажется. У фашизма есть нравственное измерение. Зло этого явления не только в последствиях внешних: в убитых и искалеченных жертвах политического насилия. Это – само собой. Но первые жертвы фашизма те, чьи души он искалечил, те, кто попался на его пропаганду. А состояние души, ее здоровье, лучше сказать ее исцеление как процесс, в котором человек является соработником Богу – это превыше всех благ. ...*Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф 16:26)

Исцеление по-гречески – σωτηρία <сотирия>. Именно это греческое слово в Священном Писании и духовной литературе переводится, как «спасение». Происходит это слово от σώζω <созо> (спасать, сохранять), однокоренного с прилагательным σῶς <сос> – целый,

⁵ См.: Там же.

здоровый, невредимый, неповрежденный. Отсюда σωτηρία означает спасение, как оздоровление, как освобождение от болезни, от порчи. Спасение понимается как восстановление когда-то разрушенного человеком союза с Богом. Если мы говорим о спасении как об исцелении в христианском понимании, то мы имеем в виду исцеление духовное, оздоровление человеческой природы от поразившего ее насмерть греха и его последствий, и дарование ей способности к вечной жизни.

Желая нашего спасения и призывая нас к нему, Господь призывает нас к *исцелению*. Он – Врач. Но без нашего соучастия в лечебном процессе Ему нас не исцелить, то есть не восстановить изначальную *целостность* нашей природы, раздробленной грехом.

Обличая фашизм, проползающий в церковную среду, о. Александр действует именно, как врач, диагностирующий смертельно опасную болезнь с целью ее лечения и профилактики рецидивов.

В наши дни эта болезнь перешла в открытую форму. И оказалось, что ею заражены многие люди, которых никак не упрекнешь в человеконенавистничестве, жестокости и пр. – ни в чем, ассоциирующемся с представлением о фашизме. Мы столкнулись с дьявольской подменой, которую не так-то просто разглядеть. Пораженные ею наставники становятся «слепыми вождами слепых» (Мф 15:14), уподобляясь древним законникам, которые *взяли ключ разумения: сами не вошли, и входящим воспрепятствовали* (Лк 11:52), а также книжникам и фарисеям, которых Господь обличает в том, что они «обходят море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делают его сыном геенны, вдвое худшим их» (см. Мф 23:15).

Когда кто-то с кафедры или амвона, в студии или в зоне боевых действий высказывается в поддержку войны, оправдывая ее неуместными библейскими примерами или выдранными из контекста высказываниями святых – это, на самом деле, не православие, а, скорее, *квазиправославие* (приставка *квази-* указывает на подделку, которая может включать подлинные элементы). Это примерно, как фальшивые деньги напечатать на подлинной бумаге с водяными знаками, или картину подделать, используя и холст, соответствующий оригиналу, и технологию приготовления красок, и живописную манеру мастера воспроизводя так, что не отличить, но подделка даже при наличии некоторых элементов подлинности все равно остается подделкой. Отцу Александру хватило мудрости распознать ее и мужества изобличить.

Остерегайтесь подделок! Особенно духовных. Дабы нам не подсунули «змею вместо рыбы» и «скорпиона вместо яйца» (см. Лк 11:11-12), необходимо ориентироваться в Священном Писании и Священном Предании. Хотя бы не лениться проверять контекст приводимых цитат в источниках, благо в Интернете очень много святоотеческих книг. И тогда, нас не смутит высказывание того или иного святого, толкуемое во оправдание якобы «священной войны», понятия которой в христианстве нет и быть не может. Нас тогда уже не введут в заблуждение ни цитаты из Ветхого Завета, вырванные из священнойисторического контекста, ни высказывания кого-либо из канонизированных святых, превратно толкуемые в оправдание так называемой СВО.

Как показывает жизнь, чтобы понимать столь, казалось бы, очевидные вещи, необходимо простое сердце

и ясный ум. У о. Александра эти качества были. С тревогой наблюдая свыше 30 лет назад опасные тенденции в церковной жизни, ясно осознавая их бесовскую подоплеку, о. Александр не впадал в панику, но настраивал своих чад на ежедневное соработничество Богу. Его пастырское служение было целиком сосредоточено на их духовном выживании в мире сем, на помощи им не сбиться с узкого пути к тесным вратам в жизнь вечную (см. Мф 7:14).

Услышав о мученической кончине о. Александра (мученической, ибо несомненно она его постигла за свидетельство веры), прот. Владимир Залипский – таллинский старец в миру, у которого параллельно окормлялись некоторые чада о. Александра – сказал: «Он был новозаветного духа». На фоне преобладания среди христиан, в том числе среди духовенства, ветхозаветного сознания, а также в контексте широко бытовавших антисемитских интерпретаций высказываний о. Александра, эти слова о. Владимира о своем собрате звучат, как высочайшее признание.

Михаил Мень

**СЕГОДНЯШНИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ
НА ТЕМУ СТАТЬИ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ
«ДЕМОКРАТИЯ И ТОЛПА»¹**

В конце 1980-х годов правящий архиерей Московской епархии Митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий как-то спросил у моего отца – почему вы не баллотируетесь в Верховный совет СССР, ведь вы популярны и вас безусловно изберут. Да и церкви нужны свои представители в парламенте. Напомню, что тогда еще не было запрета на участие представителей различных конфессий в политической жизни страны. Но отец ответил: Владыко, нам некогда этим заниматься. Наша главная задача – проповедь Евангелия! Но это не означало, что его деятельность, книги, пастырское служение не влияли на общественное сознание людей, он был безусловным лидером общественного мнения! Если внимательно почитать и посмотреть его интервью последних перестроечных лет, то он там много говорит на социальные и даже политические темы, об образовании, переосмыслении истории, толерантности и т.д.

Через несколько дней после убийства отца я обнаружил в его печатной машинке начало статьи явной политической направленности, где он не просто давал оценку происходящему в нашей стране, но и предлагал некоторые методы лечения ее проблем. Жаль, что эта статья осталось не завершенной.

¹ Текст выступления на конференции «Наследие прот. Александра Менья и вызовы для человечества в современном мире», посвящённой 34-й годовщине мученической кончины прот. Александра Менья, состоявшейся в г. Риге 11-го сентября 2024 г.

Но осталась законченной его статья под названием «Демократия и толпа», написанная в конце 1980-х годов. Позвольте привести цитату из этой публикации:

«В нашем сознании давно прижилась мысль о том, что воля толпы, воля массы должна обязательно выражать подлинную волю народа. Служить демократии. Между тем события Нового и Новейшего времени, начиная хотя бы с французской революции, доказали, что на деле «восстание масс» способно скорее служить тирании, инстинктам, слепым социальным стихиям, «бессмысленным и беспощадным», нежели разуму или действительному благу народа... Души людей, вовлеченных в поток массы, беззащитны и уязвимы. В том смысле, что они утрачивают сознание ответственности и разумность. Вот почему все диктаторы так любят массу. Так беззастенчиво льстят ей. Масса не критична. Она всецело во власти настоячивых эмоций. Ничего не стоит повернуть ее в нужную диктатору сторону, манипулировать ею в выгодном для демагога направлении. Недаром евангельский образ толпы, которая сперва кричала «Осанна», а через несколько дней – «Распи Его!», остается и поныне бессмертным архетипом».

В развитие этих слов моего отца хочу сказать, что широко распространено мнение, что демократия – лучшее, что человечество изобрело в плане управления государством. Однако эксперты часто добавляют, что демократия, хотя и лучший, но далеко не идеальный принцип управления. Так что же не так с сегодняшней демократией?

Начнём с краткого исторического экскурса. Примерно с 594 по 321 гг. до н.э. в Афинском полисе существовала демократическая форма правления, считающаяся

первой в мире. Однако эта древнегреческая демократия была ограниченной: политические права имели только свободные граждане, тогда как метэки (иноземцы и освобождённые рабы), женщины и сами рабы были лишены таких прав. Предполагается, что соотношение свободных граждан к рабам составляло 1:3, таким образом в управлении государством участвовало не более 15% населения.

С тех пор в мире произошло множество реформ демократических институтов и принципов управления, но здесь мы не будем подробно их рассматривать, сейчас разговор не об этом. Очевидно, что к двадцатым годам ХХI века в демократических странах главенствует принцип: «один гражданин – один голос». Это стало ответом на запрос на справедливость, доминирующий в современном обществе. Но справедлив ли этот принцип на самом деле? Стоит задуматься над этим.

Система «один гражданин – один голос» далеко не идеальна и это сегодня очевидно. Рано или поздно это должно было быть сказано, несмотря на всю кажущуюся провокационность этой темы.

Приведу еще пару цитат известных людей по обсуждаемой теме:

Так Эдгар Алан По говорил: «Общественное мнение – заведомо ложное мнение, так как большинство людей полные идиоты»

А братья Стругацкие в своем знаменитом романе *Хищные вещи века* вообще писали, что «Дурак стал нормой, ещё немного – и дурак станет идеалом».

Сегодня очевидно, что правительства демократических стран показывают значительно меньшую эффективность в управлении государствами нежели

правительства авторитарных режимов. Это связано, в первую очередь, с тем, что лидеры демократических государств вынуждены постоянно оглядываться на мнение своего электората, а по сути, исходя из принципа один гражданин - один голос – на мнение толпы. В результате создаётся впечатление, что демократическими странами управляют не очень умные люди, не способные принимать решения и проявлять политическую волю. Однако хочется верить, что это лишь вынужденный популизм, а не реальная неспособность к управлению.

Из всего этого напрашивается печальный вывод: действующие демократические принципы изжили себя, и человечество должно искать новые подходы к управлению государствами. Если этого не произойдет, возможно, мир постепенно начнёт скатываться в сторону авторитаризма и далее по наклонной. Однако изменения в демократических процедурах возможны. Например, можно попробовать ввести, так называемый, «электоральный коэффициент», поскольку голос дворника, при всём уважении к этой профессии, не может равняться голосу академика, голосу крупного производственника или предпринимателя, создающего рабочие места. Это не справедливо! Сразу хочу оговориться, что данное предложение пока не претендует на детально проработанную реформу. Безусловно над деталями нужно будет работать большому профессиональному коллективу.

Итак, идея в следующем: человек, достигший 18 лет, получает один голос. В дальнейшем ему добавляются коэффициенты. Например, высшее образование даёт коэффициент +1, учёная степень – +2 и так далее.

Коэффициенты должны быть введены во всех сферах жизнедеятельности – в бизнесе, производстве, сельском хозяйстве, государственном управлении, творчестве, науке, культуре. Таким образом, управление государством перейдёт от толпы к народу, и политикам придётся ориентироваться не на обывателя, которого легко ввести в заблуждение, а на думающую и ответственную публику имеющую вес в обществе.

Нечто подобное, но в других социальных сферах, сегодня уже работает, например, в Китае. Еще в 2014 года власти КНР опубликовали план и цели внедрения некой «системы социального рейтинга» или «системы социального доверия». Система устроена так: жителям города начисляют равное количество баллов, потом они зарабатывают или теряют очки в зависимости от полезности или вредности их действий для общества, эти баллы постоянно изменяются на основании множества различных показателей. Помимо этого, в ряде стран уже работают банковские системы оценки рисков при выдаче кредита для бизнеса и граждан. А с 2023 года Казахстан при содействии программы развития ООН запустил «Цифровую карту семьи», которая основана на методе Оксфордского университета по автоматическому начислению баллов. Так что начало, по схожим процессам, на планете Земля положено!

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что современная демократия, основанная на принципе «один гражданин – один голос», нуждается в переосмыслении. Она сталкивается с вызовами, связанными с неспособностью принимать эффективные решения в условиях популизма и давления масс. Введение электоральных коэффициентов может способствовать более

справедливому и ответственному управлению, где голос будет иметь разную «весомость» в зависимости от компетентности и вклада гражданина в общественное развитие. Такой подход, возможно, сможет сохранить демократические ценности, избегая риска скатывания к авторитаризму.

Священник Владимир Зелинский

СЛОВО КАК МИССИЯ И МОЛЧАНИЕ КАК ОПЫТ¹

Во время своего выступления в одном из Домов культуры Москвы, в 1990 году, отвечая на вопросы, отец Александр Мень сказал: «Библейские пророки оказывались как бы потрясёнными и поражёнными той Истиной, которая сходила на них, брала их за руку и заставляла идти и говорить царям и властителям мира сего правду в глаза». По церковному чину своему автор этой цитаты был, хоть и необыкновенным, но обычным приходским священником, а такому чину обычно не свойственны пророческие возгласы и потрясения. Тем более, что был он человеком в высшей степени здравомыслящим, спокойным, веселым, неизменно хорошо настроенным, с неусыпающим чувством юмора на всякое время и место, но жила в нем эта глубоко скрытая пророческая потрясенность, которая сверкала, мерцала, искрилась всякий раз, когда он начинал говорить о Христе. Казалось бы, о чем следует еще говорить служителю алтаря? Но за сотни лет, однако, выработался некий церковный стандарт, рабочий стиль, не говоря, что он уж совсем трафаретный, и не то чтобы деревянный, но как-то привычный, профессиональный, и уж точно лишенный личного потрясения. У отца же Александра эта потрясенность была, она пряталась за его словами, проповедями, даже дружескими беседами,

¹ Текст выступления на конференции «Наследие прот. Александра Меня и вызовы для человечества в современном мире», посвящённой 34-й годовщине мученической кончины прот. Александра Меня, состоявшейся в г. Риге 11-го сентября 2024 г.

и всем его словам она сообщала какую-то тональность пророчества. И не в переносном смысле, а в самом прямом, библейском, как возвещения Благой Вести через Личность, как через Слово Божие, ставшее плотью. Подобная потрясенность передавалась и в словах митр. Антония (Блума), но, в общем, мало у кого. У отца Александра она не выражалась видимым образом, эмоционально: чувствами, интонацией, какой-либо внешней взволнованностью, нет она таилась глубоко внутри, ничем внешним себя особо не выражая. Она вырастала из молчания.

Она, эта потрясенность, была пророческой, можно сказать пророческой. Причем в самом первоначальном, библейском смысле. Отец Александр был верующим православным, верным традиции, имевшим духовные связи с катакомбной Церковью, и вместе с тем иудейские корни не завяли в нем, были живы, и это было его богатство, он это прекрасно осознавал. Помню разговор в такси, — не помню, куда мы ехали, — там был и Феликс Светов², который после своего обращения все время как бы допрашивал свое еврейство, отталкиваясь от него, вглядываясь, изучая и в то же время им дорожа. «Послушайте, Феликс, сказал отец Александр, мы все ищем как бы прикоснуться к Иисусу, разделить какую-то частицу Его жизни, Его присутствия, а тут мы соприкасаемся природой с Ним, общей кровью».

Все это не говорилось тогда, в конце 70-х вслух, да и сейчас тема национальности Иисуса, если не табу в православии, то уж во всяком случае не обсуждается и не поминается, однако для отца Александра она была

² Феликс Светов (1927–2002) — русский писатель, литературный критик, журналист, диссидент. (Прим. ред.)

частью его священнического служения именно как пророческого. Он не был ни иудео-христианином в современном смысле, ни тем более «постовым сионизма», каким могли назвать его только бесноватые уста, он как бы уже родился обращенным и православным, и вместе с тем каждый день как ветхозаветный пророк открывал для себя новизну Христа, которая, – как бы сказать? – его ошеломляла. Таким пророчеством была и вся история религий, которой отец Александр построил грандиозную панораму во многих томах, пророчеством, как и вопрошанием, на которое Христос пришел и стал ответом. В этом вопрошании «Отца всяческих», по выражению Платона, который приводит отец Александр в своей лекции, заключено оправдание всех исторических вер, пребывающих в разной степени полноты прозрения. «Я пришел проповедовать пленным освобождение, слепым прозрение...», – говорит Христос, цитируя книгу пророка Исаии, и эти слова можно было бы поставить эпиграфом ко всему могучему шеститомнику «В поисках Пути, Истины и Жизни». Это не просто история религий, но рассказ об освобождении религий от природной их слепоты, это история открытия их глаз, «удержанных» до времени для Христа. Нелепо даже полемизировать с якобы сионизмом отца Александра, потому что принцип сионизма – исключительность одного народа с его правом на землю и государство, но вся суть отца Александра – стирание границ между народами, поиск универсализма, того, что он всегда подчеркивал в служении пророков.

В Евангелии от Иоанна есть слова: «Я – дверь овцам, – которые произносит Христос. – Кто войдет Мною ... выйдет и пажить найдет».

Служение отца Александра заключалось в отвержении той двери, за которой начинается пажить христианской веры. Прибегаю именно к такому прилагательному, там, где дверь ко спасению есть Христос. Священник – Его привратник. И отец Александр исполнил эту роль привратника, наверное, как никто другой. Эта роль была им до конца продумана и осмыслена, так, чтобы не вносить ничего от себя, не навязывать неудобобносимых бремен.

В другом месте его спрашивают, как на личном опыте показать, что Бог есть. И он дает самый простой ответ, доступный разумению каждого. «Я бы сказал, что Бог – это жизнь. Не биологическая жизнь, не жизнь как ход событий, а это то, во что мы включены, то, о чём апостол сказал: “В Нём мы живём, и движемся, и существуем”. Бог – это Тот, Кто отражается в каждом из нас, Кто даёт смысл нашим поступкам, нашему бытию». Собственно, у нас нет более надежного доказательства бытия Божия, кроме нашей жизни. Но такое доказательство можно бесконечно развивать и переосмысливать. В жизни смешано все: и грешное, и преступное, и озаренное. Озарение отец Александр умел и других учил находить во всякой капле жизни, какой бы она ни была, да, собственно носил его в себе, потому вся его жизнь была таким обретением, и в этом секрет его пастырского искусства. К нему тянулись тысячи людей, и не только благодаря его проповедническому дару; ведь подобные слова можно было услышать и от других пастырей, хороших проповедников не так уж и мало на свете, но за множеством слов, книжных или устных, слышался «глас хлада тонка», тот прохладный ветер, в котором Господь явил Себя пророку Илии, глас

безмолвия, точнее безмолвного знания, о котором можно было сказать словами Библии: «И там Господь».

«И там Господь» – и в самой насильственной смерти, в умирании по пути в храм, но и в долгой, все углубляющей, все расширяющей памяти, которая теперь сопровождает его и в нас. В Православной Церкви массовое почитание, даже и без видимых чудес, считается достаточным основанием для канонизации. Но ведь были и чудеса.

Что такое чудо? Прорыв иной таинственной и благодатной реальности в реальность повседневную. Например, реальность болезни вдруг обрывается исцелением. Ангел проходит мимо и вызволяет от опасности. Он – посланец Божий, но столь видимые, ощутимые посланничества получаем мы редко. Отец Александр предлагает все наше существование в самых обыденных его проявлениях воспринимать как послание, как чудо, которое можно угадать и услышать. Увидеть след Его замысла, услышать Его слово, произнесенное именно в этом творении, в этих обстоятельствах. Чудо можно найти повсюду, хотя, конечно, это разные уровни присутствия: в тишине воды, в шуме волн, в красоте человеческих лиц, во всяком добре, которое мы приносим ближним, в любви, которая не ищет своего и сорадуется истине, наконец в самой истине, которая выходит из тайны безмолвия и начинает говорить, становится нашим знанием, таинствами, проповедью, миссией. Он жил в реальности Преображения и нес это ощущение всем его окружавшим. Но вся эта безмолвная или звенящая реальность восходит к Последней Реальности, которая есть Тишина Божия, которая есть Слово, которая есть Христос. Христос, сказавший: «Идите, научите все народы...»

Это сказано каждому из нас, но не каждый услышал. И еще Он сказал: «Блаженны слышащие Слово Божие и исполняющие его». Если пойдет речь о канонизации отца Александра, а когда-нибудь она непременно должна прийти, то, помимо чина страстотерпца, мученика, никак нельзя забыть и чина блаженства, слышащего Слово и исполняющего его, этот чин подходит ему как никому другому. Он исполнял волю Слова Божия «идите научите», откройте эту Весть в тишине каждого творения.

Трудно совместить эти понятия: отец Александр и тишина. Мы знаем его, что и как он говорил. Проповедовал, исповедовал, писал том за томом, а писание кажется тихим, но это на самом деле очень шумное занятие, наконец шутил, казалось, не умолкая ни на минуту. Но умер он в той тишине, в которой по словам апостола Павла, «изобразился Христос». Иконы всегда безмолвны.

Евгений Рашковский

**ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР МЕНЬ:
ВРЕМЯ НАШЕЙ СВОБОДЫ /
БРЕМЯ НАШЕЙ СВОБОДЫ**

*Века и поколения только после Христа
вдохнули свободно. Только после Него
началась жизнь в потомстве, и человек
умирает не на улице под забором,
а у себя в истории, в разгаре работ,
посвященных преодолению смерти,
умирает, сам посвященный этой теме.*

Борис Пастернак.

Доктор Живаго.

Первая книга. Ч. I. Гл. 5.

I

Мы начинаем это краткое исследование – исследование, по существу, о духовной и культурной истории второй половины XX столетия, – с рассуждения о категории свободы, столь важной для мироощущения, мирозерцания и всего склада деятельности о. Александра.

Согласно Бенедетто Кроче, свобода есть основное понятие, изъясняющее историю и человеческую жизнь, но понятие это, иначе как через самого себя, выразить и объяснить невозможно. Короче, свобода есть всегда недосказанная, но всегда насущная специфика человека¹. На идее невыразимости, недосказанности, *апофазы*

¹ См.: Кроче Б. Антология сочинений по философии. История. Экономика. Право. Этика. Поэзия / Пер., сост. и комм. С. Мальцевой. – СПб.: Пневма, 1999. С. 208–235.

свободы строились философские воззрения столь повлиявшего на о. Александра с его ранних юношеских лет Вл. Соловьева² и великих старших современников о. Александра – Кроче, Бергсона, Бердяева, Пастернака – мыслителей и поэтов, которые прямо или опосредованно, вопреки всем тоталитарным фильтрам и запретам во многом определили процессы становления этого великого российского священника.

Действительно, как без свободы выстроить мысль, искренне встать на молитву, написать и отшлифовать стих, объяснить в любви или утаить объяснение? И, в конце концов, как без свободы положить жизнь «за други своя»?³ – Чем, собственно, мученически и увенчалась жизнь о. Александра.

В посмертно изданных «Лекциях по философии религии» Гегель условно определяет эту самую неопределимую, апофатическую свободу как сознание человеком «своей бесконечности в себе». Такое сознание ставит человека над призрачностью его чисто эмпирического, повседневного существования, вводя его в область высших смыслов и высших порядков развивающегося во времени – и через время – Бытия. И, стало быть, – истории⁴.

² См.: Мень А., *прот.* О себе... Воспоминания, интервью, беседы, письма. – М.: Жизнь с Богом, 2007. С. 67–69.

Об апофазе человека и его культуры в трудах позднего Соловьева см.: Рашковский Е. Б. Осознанная свобода: материалы по истории мысли и культуры XVIII–XX столетий. – М.: Новый Хронограф, 2005. С. 114–136.

³ Ин 15:13.

⁴ Гегель Г. В. Ф. Философия религии в двух томах. Т. 1 / Общ. ред. и вступ. статья А. В. Гулыги. Пер. М. И. Левиной. – М.: Мысль, 1975. С. 396.

Возразить против этой мысли невозможно – разве только то, что она слишком широка и расплывчата. Однако опыт прошлого, XX столетия – опыт века о. Александра – опыт надрывный и вместе с тем плодотворный, указал нам еще один важный параметр свободы. Осмысление этого параметра отчасти подсказано философской рефлексией над двумя столь непохожими друг над друга производными гегелевской философии – марксизмом и психоанализом⁵.

Суть же этого параметра такова. Моя внутренняя бесконечность, «бесконечность в себе», связана и пересечена с бесконечностью других людей⁶. А за другим человеком, как и за мною, но только в каких-то иных, не всегда понятных мне преломлениях и сочетаниях, угадываются природа и история, Вселенная и Бог. Угадываются именно в той их бесконечности, которая не поддается нашему обиходному разумению, но требует для своего постижения немалых мыслительных и духовно-нравственных усилий.

⁵ Позволю себе свидетельства мемуарного порядка. В одном из разговоров со мной (1983) о. Александр отмечал, что считает Маркса философским гением, хотя и полагает, что наследие его нуждается в очищении от примесей социального реванша и злобных страстей. Что же касается психоанализа, то на одной из последних исповедей (весна 1990) о. Александр просил меня обратить серьезное внимание на наследие Эриха Фромма; во фроммовском различии Бытия и обладания он находил темы, созвучные христианскому взгляду на мир: темы, высвечивающие как раз остро современные стороны человеческого опыта и существования. С именем Фромма мы еще встретимся в ходе нынешнего нашего разговора...

⁶ В последние десятилетия прошлого века это обстоятельство особенно обстоятельно трактовалось в философии Эммануэля Левинаса.

Если угодно, это – переоткрытие Второй Евангельской заповеди, заповеди о любви к ближнему⁷, – но на качественно новом, современном уровне, когда интенсифицированы все наши социальные, территориальные и чисто человеческие связи, когда ближними, буквально «соседями», становятся не единицы, не десятки, не сотни, но воистину тысячи, когда полустерта сама грань между «ближними» и «дальними». Евангельская притча о Самарянине⁸, кому-то казавшаяся лишь эвристической фигурой или условным назиданием, превращается в неотступную заповедь сегодняшней жизни.

Этот новый параметр – параметр нашей непреложной и повседневно насыщенной коммуникации с другим человеком – с новой силой приоткрывает нам именно духовный, таинственный и далеко не идиллический аспект нашей свободы. Так что на новом, уже не умозрительном, но исторически выстраданном уровне мы возвращаемся и к гегелевскому определению свободы как «бесконечности в себе».

И не случайно же о. Александр в своих проповедях, исповедях, лекциях и беседах так много говорил о важности развития в человеке *культуры чувств и культуры мышления* как о непреложных духовно-исторических предпосылках взращивания и осознания в самих себе этой Божественной бесконечности. Бесконечности свободы.

II

Ужасы мирового и российского XX столетия преподнесли нам некий урок, предсказанный еще Достоевским – прежде всего в Эпilogue «Преступления и

⁷ Мф 22:39; Лев 19:18.

⁸ Лк 10:25-37.

наказания», но в особенности – в «Бесах». Это урок узурпации человеческой свободы ради, если вспомнить пушкинский перевод из Горация (1835), «призрака свободы». Т.е. свободы, редуцированной к лозунгам политического и социального отмщения и перераспределения материальных благ.

Фокус проблемы, однако, в том, что при отрицании многомерности свободы, ее внутренней бесконечности и недосказанности, при отрицании ее нелегкой ответственности – вместо свободы общественной торжествует лишь всестороннее порабощение. Социальный и духовный ГУЛАГ.

И вот этой-то тоталитарной узурпации свободы и бросил – еще с отроческих лет – свой мирный и духовный вызов о. Александр⁹.

Трудность пути поборника свободы – и прежде всего свободы духовной, свободы в Боге и во Имя Бога, свободы христианской – он осознавал на протяжении всей своей сознательной жизни. И не случайно, уже незадолго до мученической кончины, в цикле лекций по Ветхому Завету, которые он читал для студентов Московского государственного историко-архивного института (позднее ставшего ядром Российского государственного гуманитарного университета), о. Александр настаивал, что лишь Бог, действующий в истории как

⁹ См.: *Мень А., прот.* О себе... С. 41 и сл.; *Борисов А., прот.* Духовный реализм отца Александра Менья // Мeneвские чтения. Научная конференция. Церковная жизнь XX века: протоиерей Александр Мень и его духовные наставники. 2006. – Сергиев Посад: Изд. прихода Сергиевской церкви в Семхозе, 2007. С. 168–169; *Аман И.* Отец Александр: «Люди ждут Слова» // Двадцать лет без отца Александра. И с ним. – М.: Центр книги Рудомино, 2010. С. 32–36.

Сущий и Освобождающий, дает нам, людям, свободу. И вовсе «...не потому, что люди такие свободолюбивые (читайте об этом книгу Фромма «Бегство от свободы»). Люди не любят свободы и никогда ее не любили. Свободу любят лишь избранники, и они сеют семена – обратите внимание на стихи Пушкина:

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя...»¹⁰*

Но именно эта, столь часто отторгаемая нами свобода, сопряжена, согласно о. Александру, с «тайной бытия» и не мыслима без благоговения, на котором и строится сбывшаяся человеческая личность¹¹. Благоговейной – перед Богом, а не перед фикциями мира сего – свободой животворятся, или, если вспомнить евангельскую терминологию, «осоляются» и человек, и мир¹².

III

И что важно именно для исторического исследования, пусть даже фрагментарного и краткого: этот александров духовный вызов системе тотального порабощения вобрал в себя целый спектр непреложных потребностей многонационального российского народа и российского общества. Отмечу, по крайней мере, три

¹⁰ Мень А., *прот.* От рабства к свободе. Лекции по Ветхому Завету. – М.: Жизнь с Богом, 2008. С. 29.

¹¹ См. там же. С. 30-31.

¹² См.: Мф 5:13.

из этих потребностей. Или – другими словами – отмечу три измерения свободы в наследии о. Александра.

1. *Свобода веры* – самая фундаментальная из человеческих свобод. Русское православие заплатило за эту свободу миллионами уничтоженных, оскорбленных или растоптанных человеческих жизней. Да и сам о. Александр присоединился своей жизнью, судьбой и мученической кончиной к этим миллионам. Ибо и священнослужение, и проповедь, и повседневные труды о. Александра оказались некоторым концентрированным выражением этого беспрецедентно великого исторического борения за свободу веры, которое вынуждены были вести в условиях богоборческой диктатуры и Церковь, и народ.

2. *Свобода общественная, свобода гражданского общества* – одна из несомненных и существенных внешних предпосылок свободы веры.

На чаянии свободы гражданского общества строилось у нас в 60-е – 80-е годы диссидентское движение. Отец же Александр не был ни диссидентом, ни политиком: ему было предназначено Свыше служение более высокого порядка. Однако, создавая в условиях непрерывной слежки и травли православный *приход* на основе непринужденной солидарности людей в любви, на основе глубокого взаимного понимания и взаимной поддержки, о. Александр исподволь созидал и общественную свободу в России.

Как это многим не покажется странным (в нашем обиходном менталитете церковность и гражданственность разделены как бы «китайской стеной»), – но и эта столь рискованная в его время деятельность о. Александра связана с малоизученными, но, тем не менее, на-
сущными традициями Русской церкви.

Позволю себе один краткий исторический экскурс на сей счет.

Еще в 1917 г. – т.е. в краткий, драматический и многозначный период между Февралем и Октябрем – русская православная мысль в лице С. Н. Дурылина (не говоря уже о многих иерархах, рядовых священнослужителях и мирянах) осознала то обстоятельство, что без развитой приходской жизни в любви, в молитвенном общении, в процессах взаимопомощи и поддержки тех, кому трудно и больно, не может быть и прочной гражданской свободы¹³.

И потому, на мой взгляд, для будущего историка России и российской гражданственности так важно собирать по крупицам и изучать наследие приходской и каритативной деятельности о. Александра¹⁴. Однако, изучая этот комплекс мемуарных свидетельств (может быть, со временем к ним добавятся и свидетельства агентурные), всегда следует иметь в виду, что вся эта организационно-приходская работа о. Александра – и в условиях идеологического террора, и в условиях «перестроечной» полусвободы – основывалась на редкой человеческой отзывчивости, на редкостно бережном отношении о. Александра к людям.

Учет фактора человеческой отзывчивости о. Александра, как мне кажется, чрезвычайно важен для историка. Ибо без внутренней человеческой отзывчивости и никакой гражданской ответственности быть не может. Одних лишь формальных регулятивов (пусть даже самых

¹³ См.: Дурылин С. Н. Приход. Его задачи и организация. – М.: Универсальная б-ка, 1917.

¹⁴ См. труды С. А. Домбровской, А. А. Еремина, В. И. Илюшенко, Н. И. Фортунатовой и др.

необходимых и гуманных) для общественной свободы недостаточно. Ибо свобода, не мыслимая вне социальных и правовых ее основ, невозможна и без культурной и духовно-нравственной «почвы»¹⁵.

3. *Свобода мысли и творчества.* Отец Александр сам был живым примером такой свободы, ибо сумел – в условиях неимоверных перегрузок священнической службы на приходе, да к тому же и помноженных на непрестанную «войну нервов» со стороны властей, – работая с огромным объемом информации и теоретических знаний, выстроить целую и еще толком не исследованную христологическую философию истории, призванную обобщить весь комплекс современных библейско-богословских, естественнонаучных и гуманитарных знаний¹⁶. Он и сам многое сделал для развития российской духовной и философской прозы, церковного пения, иконописания, для поддержания интеллектуальной и эстетической преемственности православного богослужения. А изучение его влияния на весь нынешний комплекс российских гуманитарных знаний – еще только в самом начале¹⁷.

¹⁵ Таковую мысль высказал мне о. Александр во время одной из исповедей (1973 г.). И эта «почва», по его словам, требует особого человеческого служения, особых трудов.

¹⁶ Не случайным было благоговейное, хотя и не лишенное некоторых критических обертонов, отношение о. Александра к памяти и трудам двух великих христианских мыслителей-энциклопедистов прошлого века – о. Сергия Булгакова и о. Пьера Тейяра де Шардена (см.: *Рашковский Е. Б.* Осознанная свобода... С. 231–249).

¹⁷ См.: *Скороходова Т. Г.* Соловьевская траектория в восточковедной науке: индологические труды о. Александра Меня // Соловьевские исследования. Вып. 29. – Иваново, 2011. С. 62–76.

Особая – теплая и дружественная – контактность о. Александра, разумеется, отнимала у него много сил, отнимала много времени от творческой работы. Тем паче, что и люди нередко злоупотребляли щедростью его общения. Но, как замечает биограф, работа с людьми, контакты с духовными детьми, скрытые или полускрытые от властей контакты с духовенством и мирянами Русского зарубежья, с друзьями и коллегами из разных стран – всё это было неотъемлемой частью развития и оттачивания собственной мысли, собственного творчества о. Александра¹⁸. Вообще, само понятие *человеческого контакта* было одним из самых важных и насыщенных в жизни и творчестве о. Александра¹⁹.

Не случайно же он – вольно или невольно и к вящему ожесточению советских «начальников» – оказывался центром притяжения для многих сотен ученых, поэтов, художников, музыкантов, артистов – т.е. людей, кровно, как в живом воздухе, заинтересованных в творческой свободе. Да он и был – смею сослаться и на скромный опыт собственной жизни, на скромный опыт своего 22-летнего общения с о. Александром – этим живым творческим воздухом. Само его общение с творческими людьми (при всей его духовной требовательности!) было общением вдохновляющим, радостным, непринужденным, ничего общего не имеющим с тем навязчивым, бубнящим назиданием, которое лишь отталкивает людей от веры. Да и от мысли.

В самых трудных жизненных обстоятельствах он дышал осознанной христианской радостью. И в этом,

¹⁸ См.: *Аман И.* Отец Александр... С. 100–101.

¹⁹ См.: *Мень А., прот.* Трудный путь к диалогу. – М.: Радуга, 1992. С 209–220.

пожалуй, – самый главный человеческий его «секрет», в одних возбуждавший радость и признательность, а в других – темную и завистливую злобу.

IV

Попытаюсь подвести самый краткий итог всему, мною сказанному.

Личность и наследие о. Александра предстают нам и в ретроспективе, и в перспективе исторического времени как некое обобщение общечеловеческих и российских чаяний свободы. Но – обобщение через глубину христианской веры и христианского мышления. Евангельское же измерение свободы, как определил его апостол Павел – «свобода славы детей Божиих»²⁰ и составляет подлинное призвание человека, которому надлежит осуществиться в конкретных обстоятельствах истории, но – перед лицом неубывающей полноты Царства Божия.

Отец Александр возвращает нас к Богочеловечности евангельской Вести о свободе – однако, не на уровне простого повторения, но через глубину столь трагичного, но столь богатого человеческими смыслами опыта своего и нашего времени.

*13.06.2011.
(День Св. Духа)*

²⁰ Рим 8:21.

Иеромонах Иоанн (Гуайта)

МИРОТВОРЧЕСТВО АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Отец Александр Мень, вне всякого сомнения, принадлежал к числу тех деятелей русской Церкви XX века, которые по праву могут быть названы свидетелями и созидателями мира. Я познакомился с ним в 1988 году, и в тогдашних беседах со мной, молодым студентом, об обстоятельствах жизни Русской Церкви и ее отношениях с авторитарным государством, о. Александр высказывался удивительно честно и откровенно.

Отец Александр был миротворцем, в первую очередь, среди православных верующих, – в частности, в связи с позицией, которую следовало занимать по отношению к атеистическому государству. Воспитанный в «катакомбной» православной Церкви, став взрослым, он решил принять священнический сан в официальной Церкви, не отвергавшейся советскими властями, которая, так или иначе, должна была находить с ними *modus vivendi* – способ сосуществования. Аналогичный выбор сделали и некоторые другие видные деятели православия XX века, например, Антоний Блум, ставший впоследствии митрополитом Русской Церкви в Лондоне. Выбор о. Александра был продиктован реализмом и осознанием того, что он может принести гораздо больше блага своим советским соотечественникам именно изнутри Церкви, признаваемой государственными властями.

Полностью осознавая, с одной стороны, что государственные власти накладывают на Церковь серьезные ограничения, а, с другой, что священноначалие может подвергаться искушению проявить чрезмерную

политическую лояльность по отношению к советской власти, сам о. Александр оставался чуждым как компромиссу, так и публично продекларированной бесшабашной оппозиционности. С момента рукоположения в 1960-м году вплоть до мученической кончины в 1990, он, как пастырь и интеллектуал, всегда балансировал на грани законности, обустривая многочисленную и деятельную общину верующих, которая собиралась, чтобы поговорить о вере вне храма и богослужения, а также создавая книги, издающиеся за границей, и общаясь со свободомыслящей интеллигенцией и диссидентами. Его вызывали в КГБ и допрашивали несчетное количество раз, но он не участвовал в публичных акциях диссидентов, которые лишили бы его возможности продолжать свое служение. В то же время, *его мнение о советской власти и государственной идеологии всегда было четким и предельно ясным.*

Открытый диалогу со всеми христианами, инициировавший в России диалог с иудаизмом и исламом (в последний год жизни он первым затеял и провел в Москве публичный диспут с исламским богословом), о. Александр созидал мир между представителями разных вероисповеданий. Осуществлял он это своими произведениями, но не только: он воспитал целое поколение толерантных и открытых диалогу православных верующих. До сих пор наследники и продолжатели дела этой общины являют собой оазис мира и диалога в окружении довольно нетерпимого и изоляционистского православия.

Для о. Александра была совершенно очевидной связь между властью и насилием. В своем, безусловно, самом важном сочинении – жизнеописании Христа под

названием *Сын Человеческий* – автор так описывает искушение властью, которому Сатана подверг Иисуса в пустыне: «В другой раз Назарянин стоял на высокой горе. У ног Его лежали пепельные зубцы скал, за которыми угадывались “царства мира сего”. Где-то далеко двигались непобедимые римские легионы, плыли по морю корабли, волновались народные толпы. Что правит ими, что царит над миром? Не сила ли золота, не власть ли меча, не стихия ли эгоизма, жестокости и насилия? Кесарь потому лишь повелевает народами, что признал владычество темных начал в человеке. “Тебе дам всю эту власть, — сказал Сатана, — и славу их, потому что мне предана она, и я, кому хочу, даю ее”. Стань таким, как повелители империй, и люди будут у Твоих ног. Подобного Мессию-воина ждали иудейские zeloty. Однако Иисус не уступил соблазну меча; не для того пришел Он, чтобы идти по стопам поработителей. “Отойди от Меня, Сатана, — был Его ответ, — написано: Господу Богу твоему поклоняйся и Ему одному служи”»¹.

Столь же очевидным для о. Александра было то, что терпимость, открытость по отношению к инакомыслию – задолго до того, как превратились в тезис, отстаиваемый либеральной мыслью, часто вопреки интегралистским позициям Церкви – уходят корнями в Евангелие Христово. В эпилоге книги *Сын Человеческий* о. Александр пишет: «Даже когда многие христиане забывали, “какого они духа”, а их измены Завету Спасителя вооружали против Церкви множество врагов, Евангелие “неприметным образом” продолжало действовать на людей. Идеалы справедливости,

¹ А. Мень. Сын Человеческий <https://www.litres.ru/book/aleksandr-men/syn-chelovecheskiy-38565151/chitat-onlayn/>.

братства, свободы, самоотверженного служения, вера в конечную победу добра и ценность человеческой личности — словом, все, что противостоит тирании, лжи и насилию, черпает, пусть и бессознательно, живую воду из евангельского родника»².

Политика советского государства по отношению к религии и Церкви изменяется в преддверии празднования тысячелетия крещения Руси, в 1988 году. Александр Мень будет убит 9 сентября 1990 года. В самые последние годы жизни о. Александр первым, с огромным успехом, оседлал волну открытости и самокритики горбачевской «Перестройки», участвуя в бесчисленных дебатах и читая множество публичных лекций везде, где только это было возможно. Он был одним из немногих представителей Русской Церкви, которые обладали способностью вести широкомасштабный диалог и откликаться на большие ожидания людей, под конец долгой эпохи борьбы с верой и маргинализации Церкви. В заключительной части своих лекций о. Александр обычно отвечал на вопросы слушателей. По прошествии 35 лет интересно сегодня перечитать эти спонтанные ответы на непредвиденные вопросы, чтобы уловить как пророческие прозрения, так и новую, обжигающую актуальность этих ответов. Желая высветить активную миротворческую позицию Александра Менья и его недвусмысленное осуждение тирании, я приведу ниже несколько таких ответов, почти без всякого комментария, чтобы дать слово самому Меню.

Один из присутствовавших на этих выступлениях, цитируя апостольское изречение *Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от*

² Там же.

Бога; существующие же власти от Бога установлены (Рим 13:1), спросил о. Александра, должны ли верующие считать «властью от Бога» и тоталитарный режим. Вот ответ: «Что такое власть? Это принцип законного государственного устройства. Власть – от Бога, потому что безвластие, хаос – это от дьявола. Хаос приводит к пробуждению и к высвобождению самых тяжких человеческих стихий. Но в какой мере власть отвечает самому принципу власти, когда она становится не властью, а беззаконием, – это человек может судить уже по своим нравственным меркам и критериям. И здесь нам даётся другой ответ в Писании: если закон попран, то, в Деяниях апостольских сказано, “надлежит более повиноваться Богу, нежели человекам” (см.: Деян 5:29). Если власть превращается в беззаконие, она уже не власть, она карикатура, мрачная пародия, она гротеск власти»³.

На закате советской эпохи о. Александр разделял энтузиазм значительной части интеллигенции по поводу «Перестройки». Как он считал, «то, что происходит сейчас у нас в стране, является важным шагом к возвращению власти к её нормальной функции. ... мы сейчас счастливые люди в том смысле, что мы без иллюзий, мы видим плоды этой катастрофы. И ещё не поздно одуматься и многое изменить»⁴. Говоря о той катастрофе, которая бывает, когда сами власти нарушают закон, о. Александр Мень весьма прозорливо предвещал, что перемены будут долгими и трудными: «Правда, это безумно трудно! Вы знаете, это трудно так же, как лечить застарелую болезнь. Захваченная вовремя, болезнь, в общем, сдаётся иногда легко. Но когда она

³ *Александр Мень, прот.* Поиск истины. Ответы на вопросы. – М.: Издательский дом «Жизнь с Богом», 2022.

⁴ Там же.

становится хронической (а у нас это болезнь поколений), то справиться с ней трудно... Здесь потребуется огромная нравственная работа, я думаю, не одного поколения. Но если не работать сейчас, если мы все не будем сейчас как-то в этом участвовать, то наши дети опять попадут в капкан, и наши внуки попадут в ловушку»⁵. Явный пророческий характер этого предсказания делает лишним любой комментарий.

Анализ, которому о. Александр подвергал произвол советской власти и злоупотребления режима, был суровым, безжалостным и недвусмысленным: «У нас были извращения принципа власти, проявления болезни власти, тяжёлые и мучительные для миллионов людей. Я не буду вам напоминать те “установки”, которые у нас появлялись в литературе, в прессе, которые нарушали принципы законности, принципы человечности, нарушали элементарные вещи, с которыми мы мирились. Целые поколения с этим мирились. Более того, это оправдывали. Итог должен был быть? Конечно, да! ... Нельзя сеять драконовы когти, чтоб не выросло новое стадо драконов. Это закон. Это от Бога, но не в том смысле, что Бог наказал нас (хотя, может быть, мы того и стоим), а в том, что зло, по высшему нравственному миропорядку, порождает новое зло. Вы помните, что на Соловках был такой плакат: “Железной рукой загоним человечество в счастье!” Отлично сказано. Так вот, после таких “железных рук” могли быть самые тяжёлые последствия. Когда человек берёт на себя право загонять других куда угодно, даже в счастье, он уже переходит ту черту, за которой начинает нарастать катастрофа»⁶.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

Сильные слова, которые, к сожалению, сегодня приобретают пугающую актуальность. В заключительном обмене вопросами и ответами на той же встрече кто-то поинтересовался у о. Александра позицией матери Марии (Скобцовой) – русской монахини в эмиграции, принявшей мученическую кончину в концлагере Равенсбрюк – за спасение евреев в оккупированном нацистами Париже. Права ли была она в своем политическом активизме, и не входил ли он в противоречие со словами апостола Павла о покорности существующим властям. «Я думаю, что [мать Мария] была права. Апостол Павел, когда говорил о покорности властям, имел в виду важность для человеческого общества принципа законности. Потому что нарушение закона ведёт к следующему нарушению закона и т.д., то есть общество начинает разваливаться. Поэтому всюду, где только возможно, власть, которая стоит на законе, должна его соблюдать. Естественно, когда те, кто узурпировал власть, выступают в нарушение всех законов, человек должен защищать истинный закон и истинную власть. И те, кто сопротивлялся нацистам, и те, кто в эпоху сталинизма по возможности отстаивал право и свободу, были перед Богом правы. Всякая власть от Бога – власть, которая осуществляет законный порядок. Апостол Павел жил в эпоху Римской империи, когда всё строилось на римском праве (мы до сих пор на нём стоим). Сейчас, спустя две тысячи лет после расцвета римского права, мы начинаем возвращаться к правовым нормам, которые изобрели ещё во времена Цезаря»⁷.

К этим словам стоит добавить, что те самые римские христиане, которым Апостол горячо рекомендовал быть

⁷ Там же.

покорными властям «ибо нет власти не от Бога» и которых учил тому, что «существующие же власти от Бога установлены» и что «противящийся власти противится Божию установлению» (Рим 13:1-2), *те самые римские христиане* все же не покорялись и открыто сопротивлялись властям всякий раз, когда то, чего требовали власти, было несовместимо с их верой.

Должен ли отдельный человек самостоятельно противостать злу? Ответ о. Александра: «Да, должен! Я лично убеждён, что отвечаем за это мы, потому что побеждать мировое зло поставлены люди. И восстание против зла заложено в нас. “Мир во зле лежит” (1 Ин 5:19), и ведь не слоны или обезьяны понимают это, а понимает это только человек. Человек призван бороться со злом».

Всегда ли насилие и убийство грех? Ответ о. Александра: «Насилие и убийство есть зло, как и война есть зло»⁸.

Когда вокруг насилие или постоянные злоупотребления со стороны власть предержащих, достаточно ли для христианина воздерживаться от личного участия в этих злых делах? Или даже лично не участвуя в них, он всё равно разделяет общую ответственность? Ответ о. Александра: «Закон человеческой солидарности даёт возможность передавать от человека к человеку добро, свет, правду и жизнь. Но раз этот закон существует, то может по этим же каналам передаваться и зло. Поэтому, когда человек один творит зло (или не один, а группа лиц), то это автоматически начинает передаваться другим людям. Отсюда вывод: *на всех на нас лежит великая ответственность*. И человек отвечает за

⁸ Там же.

ближних. Вот почему Достоевский говорил странные слова: что все перед всеми виноваты. Но тот, кто находит Христа, находит в себе силы противостоять этому миру, находит в себе силы нести Его свет, освещать им повседневную жизнь, потому что истина Божья – она побеждает... Церковь никогда не отрицала настоящей борьбы со злом. Поэтому святой митрополит Филипп открыто выступил против Ивана Грозного. *Поэтому Максим Грек выступил против злоупотреблений властью, за что был посажен в тюрьму.* Поэтому многие христианские святые, подвижники, учителя боролись со злом открыто, а иногда даже со злом военным»⁹.

В заключение я хотел бы привести несколько слов Александра Меня из предисловия к его книге *На пороге Нового Завета*. «Когда Церковь как совесть общества встанет на защиту слабого и будет бороться с бесправием и войнами, когда она будет сохранять духовное наследие народов, утверждая человеческое достоинство женщины, раба, крепостного, – она явится подлинным орудием Господним. Когда апостол Павел и другие миссионеры, вплоть до наших дней, одолевая бесчисленные преграды, понесут людям весть о “свободе чад Божиих”, когда Климент Александрийский или Фома Аквинат скажут, что вера – не враг разума, когда апологеты первых веков провозгласят принцип терпимости, а св. Мартин и преп. Нил Сорский осудят казни инакомыслящих, когда свт. митрополит Филипп или Дитрих Бонхёффер сложат головы в борьбе с тиранией, когда Отцы Церкви назовут богачей грабителями, а государство, пренебрегшее правом, – шайкой разбойников, когда мученики всех стран и времен – от

⁹ Там же.

Рима до Японии, России, Мексики, Германии, Эфиопии и Албании запечатлеют своей кровью верность Христу... – то *все они будут представлять собой истинное христианство*¹⁰.

Так Александр Мень, свидетель мира в советской России, сумел удержаться в «постоянно неустойчивом» равновесии с агрессивно атеистическим и тоталитарным государством, *никогда не идя на компромиссы, которые были бы равнозначны попустительству деспотичному режиму*, открыто обличая злоупотребления, ложь и беззаконие. Его предсказания оказались пророческими, его уроки не только не потеряли актуальности, но звучат сегодня на редкость злободневно. Если бы 35 лет назад русская Церковь придала большее значение Мeneвскому Православию диалога, если бы в 1990 году топор неизвестного убийцы не обрушился на голову отца Александра, история страны, несомненно, пошла бы по другому пути.

Как говорят в Италии, «если» и «но» к истории неприменимы, или, как говорят в России, история не знает сослагательного наклонения. Однако, обращая взгляд *не назад, а вперед*, я думаю, позволительно прибегнуть к *желательному наклонению* и пожелать, чтобы завтрашняя Россия сумела заново открыть и усвоить урок этого великого миротворца.

2025 г.

¹⁰ А. Мень. На пороге Нового Завета. От эпохи Александра Македонского до проповеди Иоанна Крестителя. В поисках Пути, Истины и Жизни. Т. 6. См.: https://royallib.com/book/men_aleksandr/na_poroge_novogo_zaveta.html, p.312.

Архимандрит Зинон (Теодор)

МИССИЯ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

В 1980 году, когда я жил в Троице-Сергиевой Лавре, мне кто-то впервые привез две книги брюссельского издательства «Жизнь с Богом» – «Истоки религии» и «Вестники Царства Божия. Библейские пророки», автор – Эммануил Светлов. Я сначала не знал, кто он, но сразу понял, что это то, что мне нужно. И прочитал за поем. Эти книги помогли мне точнее понять церковную жизнь, осознать свою роль в ней. Мне было 27 лет. Не все окружающие меня в то время монахи одобряли эти произведения, но я давно привык не ориентироваться на чужие вкусы, и ни с кем особенно открытием своим и не делился.

Уровень образования в монашеской среде был невысокий. Я считаю, что надо поощрять произвольную молитву. Это диалог в присутствии Бога. Чем вреден церковнославянский язык? Он мертвый. Заучивают штампы и формулы – как заклинания произносят, и думают, что они молятся. А своими словами молиться считают дерзостью неслыханной. Получается такое вычитывание. В Лавре – три канона и акафист. Гуляют по саду монахи, читают, читают, читают, поговорили, дальше пошли читать. После ужина выбирают монаха, у которого язык ворочается с невероятной скоростью, чтобы это все прочитать. Иеродиакон Сафроний, старый, из деревни Владимирской, тот вообще на скамью ложился, руки за голову, и все правило лежа слушал. Соответственной была и реакция на всё выходившее за узкую рамку сложившейся традиции. Один монах

плясал, когда узнал, что митрополит Никодим Ротов скончался. В Псково-Печёрском монастыре об отце Александре Мене тоже знали мало. Там никто ничего не читал. Все разговоры были, в основном, про бесов, про кончину мира, да про Антихриста.

Очень для меня печально, что я жил буквально в 5 километрах от отца Александра, но с ним не встречался. Всю жизнь я искал себе друга, того самого, единственного, да так и не нашел. Об убийстве о. Александра таким первобытным способом (как только себе представишь – мороз по коже) я узнал в Псково-Печорском монастыре. Первым эту новость сообщил братии отец Иоанн Крестьянкин, сказавший, что надо непременно произнести на литургии заупокойное прошение. Отторжения от отца Александра, о чем написано в «Несвятых святых»¹ отец Иоанн не испытывал. Никогда ничего подобного я от него не слышал.

Думаю, что убийца отца Александра – это либо какой-то одиночка, фанатик или агент КГБ. Это точно не было случайностью. И то, что убийцу не нашли – тому подтверждение. Может, исполнителя злодеяния самого устранили сразу же. Для того времени отец Александр был слишком яркой фигурой. Залы, в которых он читал лекции, были переполнены.

Как я оказался в Семхозе? Мне в деревню позвонил Павел Вольфович Мень, и спросил, не смогу ли я сделать проект иконостаса и написать иконы для храма, построенного на месте убиения отца Александра. Это был 2004 год. И в 2005-м я уже здесь работал. Пришлось отложить все начатые дела. Отказаться я, конечно, не

¹ Шевкунов Тихон, архим. «Несвятые святые» и др. рассказы – М., 2017.

мог. Мне сразу захотелось сделать что-то особенное, и я придумал не совсем привычный для русских храмов иконостас. Древняя традиция – фрески на известняке. Берешь живой камень и кладёшь на него раствор. Живопись выполняется по сырой штукатурке. Весь фокус в том, что штукатурка впитывает краски четыре-пять часов, не больше, поэтому к моменту окончательного высыхания вся работа должна быть завершена. По мелочам еще что-то там допускается, но в целом икону нужно успеть написать. Цейтнот! Но ничего, я вроде справился – шесть икон написал за неделю. Кстати, использовался материал, специально привезенный из Пскова. Есть у нас там прекрасные известняки – долговечные, чистые по цвету... На мой взгляд, получилось то, что надо. Я против роскошных золочёных иконостасов, потому что икона в таких иконостасах попросту пропадает. Справа стоит клирос, и я предложил написать Иоанна Дамаскина, так как большинство богослужебных текстов, которые читаются и поются в храме, принадлежат ему. А с левой стороны проходит исповедь, поэтому я предложил Ефрема Сирина, так как он считается учителем покаяния, по традиции Восточной Церкви. Вверху архангелы.

Но если в Сергиевском храме иконостас почти традиционный, то в часовне Иоанна Предтечи он абсолютно необычный. Этимосия – это чистый символ, намек на пришествие Христа во славе, парусия; в алтарной части символ Евхаристии – рыба с хлебом и гроздь винограда. Эти сюжеты я взял из римских катакомб. Так как отец Александр проповедовал возвращение к истокам христианства, я думаю, что росписи и храма и особенно часовни, ему бы понравились.

Ив Аман, французский историк, который был близок с отцом Александром, в своей книге² ещё в начале 1990-х годов называет отца Александра пророком, апостолом и мучеником, и это очень верное определение и характеристика его миссии в этом мире. Мне кажется, что христианство современным людям надо проповедовать именно так, таким языком. И, конечно, отец Александр – это явление совершенно уникальное и выдающееся. Это был титан. Интерес к его книгам нисколько сегодня не уменьшается. То, что он сделал, переживет много поколений. Я его очень почитаю и надеюсь, что придёт время, когда он будет причислен к лику святых. Вот для меня две такие фигуры – это мать Мария (Скобцова) и отец Александр Мень. Никаких даже рассуждений не может быть по поводу их канонизации. Но, очевидно, в России время ещё не наступило для этого.

² *Аман Ив.* Отец Александр Мень – Христов свидетель в наше время – М.: Рудомино, 1995.

Андрей Десницкий

ПО СЛЕДАМ СЫНА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Более полувека прошло с тех пор, как молодой Александр Мень, тогда еще не священник, взялся за написание книги об Иисусе Христе под названием «Сын Человеческий»¹, и более трети века с тех пор, как он был убит. В этой статье мы кратко поговорим о том, что было издано на русском языке за эти годы – сначала об оригинальных русских работах, потом о самых главных переводных. Было бы неверно сказать, что все они продолжают труд о. Александра – напротив, одни с ним спорят, другие его не замечают. Но такой обзор позволит понять, что было сделано за это время и что может быть сделано в будущем.

Разумеется, о. Александр был далеко не первым автором книги о Христе на русском языке. Но его книга предлагала взглянуть на Него именно как на человека, жившего в определенное время в определенной стране, не отказываясь при этом от церковной традиции. Книга подводила промежуточный итог тому направлению, которое иногда называют «поиском исторического Иисуса», и это действительно была первая такая книга на русском, но далеко не последняя.

Своеобразным возражением на книгу о. Александра стала другая, под точно таким же названием, написанная в 1990-е молодым неверующим писателем Русланом Смородиновым, взявшим псевдоним Хазарзар². Он при

¹ *Мень Александр, прот.* Сын Человеческий. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1983.

² *Хазарзар Руслан.* Сын Человеческий. – Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2004.

этом совершенно не стремится следовать христианской традиции и скорее опровергает ее; книга, завершается кратким публицистическим очерком о его отношении к «православному возрождению» тех лет (сугубо отрицательном). Собственно, сама книга во многом была отзывом на него, указанием, насколько отличается это православие от раннего христианства.

Куда более традиционный подход представлен в труде одного из иерархов Русской Православной Церкви, митрополита Илариона Алфеева³. Он стремится как раз подтвердить правоту православной традиции и в самом начале отмечает, что его труд предназначен для сомневающихся в ней. Он, безусловно, прибегает к научным данным и современным теориям, но не будет ошибкой сказать, что лишь в тех случаях, когда они не противоречат традиции.

Совсем другой взгляд представлен в книге журналиста Юлии Латыниной, она формулирует свою задачу так: «Представьте себе, что вы – журналист, делающий репортаж о человеке, который претендует на то, чтобы быть Сыном Бога, лечить наложением рук и воскрешать мертвых. Если вы приведете в этом репортаже свидетельства только его поклонников, ваш репортаж вряд ли можно будет считать объективным»⁴. Но журналист обычно обладает возможностью посетить места недавних событий, опросить очевидцев, взять интервью у выразителей разных мнений. К сожалению, вплоть до изобретения машины времени эта возможность закрыта для всех, кто занимается древней историей. Но

³ Алфеев Иларион, митр. Иисус Христос. Жизнь и учение. – М.: Сретенский монастырь, 2017.

⁴ Латынина Юлия. Иисус. Историческое расследование. – М.: ЭКСМО, 2018. С. 213.

Латынина проводит свое сенсационное расследование так, как будто всё это ей доступно, и приходит к выводу: первые христиане были иудейскими экстремистами и радикалами, они вели вооруженную борьбу против римского господства, что и привело к репрессиям со стороны Римской империи. Она тоже прибегает к научным данным и научному методу, но опять-таки отбирает лишь то, что подходит для ее целей⁵. По сути, оба исследования призваны подтвердить заранее заданный вывод, что каждое из них и делает с успехом.

К отказу от безусловного следования традиции призывает и игумен Иннокентий Павлов⁶. Он откровенно спорит с о. Александром, называя его подход «просвещенным охранительством». При этом он оптимистично полагает, что в библеистике возможны строго доказательные методы, которые позволят получить результаты той же степени убедительности, что и в естественных науках. На этом основан его поиск *ipsissima doctrina Jesu*, «собственного учения Иисуса» (Павлов предпочитает латинское выражение как строгий термин). За основу он берет один-единственный памятник, «Дидахе», который он считает свидетельством наиболее раннего христианства, еще не испытавшего влияния Павла⁷.

⁵ Стоит упомянуть, что вскоре после первой книги у Латыниной вышла вторая в развитие темы – *Латынина Юлия. Христос с тысячью лиц*. – М.: ЭКСМО, 2019.

⁶ Павлов Иннокентий, игумен. К изучению раннего христианства в XXI веке // Страницы. – М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2015. № 19 (4). С. 483–494.

⁷ Павлов Иннокентий, игумен. Как жили и во что верили первые христиане: Учение двенадцати апостолов. – М.: ЭКСМО, 2018. С. 57–58.

Возможен ли в такой ситуации относительно нейтральный подход? Пожалуй, ближе всего к этому идеалу исследование Глеба Ястребова, которое уже в заглавии ставит главный вопрос «Кем был Иисус из Назарета?»⁸ Для многих потенциальных читателей этот вопрос, по сути, звучит так: был ли он Мессией, Спасителем, Богом – или же нет, и можем ли мы это доказать научно. Ястребов перебирает разные модели, критически оценивая их с научной точки зрения.

По сути дела, можно сказать, что ключевым вопросом для подобных исследований будет вопрос о том, воскрес ли Иисус из мертвых. Нет ни малейших сомнений, что со стороны о. Александра и вл. Илариона ответом будет «да», а для Хазарзара и Латыниной «нет».

Ястребов говорит осторожнее, почти в самом конце книги пишет про свидетельства встречи с воскресшим Иисусом: «Мы сейчас оставляем в стороне вопрос о том, как объяснить эти видения: массовой галлюцинацией, выдачей желаемого за действительное или реальным явлением Иисуса»⁹. И возвращается к ней в последнем абзаце: «...говорить о доказательстве воскресения Иисуса невозможно. Но необходимо признать корректной более осторожную формулировку: удовлетворительного рационалистического объяснения пустой гробнице, особенно в сочетании ее с “явлениями Воскресшего” очень большому числу людей, пока не найдено»¹⁰. По-видимому, это самое большее, что можно сказать об этом событии, оставаясь хотя бы отчасти

⁸ *Ястребов Глеб*. Кем был Иисус из Назарета? – М.: ЭКСМО, 2008.

⁹ *Ястребов Глеб*. Кем был... С. 353.

¹⁰ *Ястребов Глеб*. Кем был... С. 363.

на научных позициях, т.е. однозначного и подтвержденного наукой вывода здесь не будет.

В самом деле, такие понятия, как «Сын Божий», «Царствие Небесное» или «воскресение из мертвых» полностью выпадают из научного дискурса, тогда как для подавляющего большинства читателей Нового Завета они имеют первостепенную важность. Если оставить их в стороне – что, собственно, можно реконструировать, что исследовать? Явно не подробности внешней биографии Иисуса (когда именно и сколько раз он посещал синагогу в Капернауме), но скорее суть его учения, его соотношение с другими идеями того времени, его восприятие и передачу учениками Иисуса.

Примерно по этому пути идет большинство современных исследователей, и труды некоторых из них тоже доступны русскому читателю. Для полного обзора всей современной научной литературы здесь не хватит места, даже если ограничиться только переведенными на русский язык изданиями, но можно обратить внимание на наиболее характерные и значимые публикации.

Из недавних переводных изданий стоит упомянуть книги Йозефа Ратцингера¹¹, более известного как римский папа Бенедикт XVI, и режиссера Пола Верховена¹². Первый, как и можно ожидать от римского понтифика, предлагает некоторую апологию традиционной христианской веры, связав ее с вызовами нового времени. В предисловии к первому тому он пишет: «Начиная с 1950-х годов... стал ощущаться разрыв между

¹¹ *Ратцингер Йозеф. Иисус из Назарета.* – С-Петербург: Азбука-классика, 2009; *Ратцингер, Йозеф. Иисус из Назарета. Часть вторая. От входа в Иерусалим до Воскресения.* – М.: Издательство Францисканцев, 2014.

¹² *Верховен Пол. Иисус из Назарета.* – М.: Весь мир, 2017.

историческим Иисусом и Иисусом веры – разрыв, который постепенно настолько углубился, что оба понятия оказались противопоставлены друг другу... Попытки реконструировать образ Иисуса на основании относимых к разным традициям евангельских текстов и их возможных источников привели к множественности вариантов прочтения образа Иисуса, причем сами варианты представляли порой как прямо противоположные версии: от пламенного революционера, провозвестника антиримской идеи, выступающего за свержение господствующей власти и терпящего в конечном счете крах, до кроткого моралиста, который все приемлет и со всем смирится, но который по непонятным причинам все же становится жертвой и погибает... В итоге сложилось впечатление, будто мы не располагаем достаточными и надежными сведениями об Иисусе и что вера в Его Божественность была соотнесена с Его образом ретроспективно. Это мнение постепенно укоренилось в общем сознании христианского мира. Такое положение дела весьма пагубно для веры, ибо это знак того, что поколебалось ее главное, сущностное основание: внутренняя, доверительная связь с Иисусом»¹³.

Многие скажут, что такой подход скорее относится к области религии, нежели науки, но мы не должны забывать, что наука, в свою очередь, нуждается в некоторой апологии и в том, чтобы ее достижения встраивались в контекст иных форм интеллектуальной деятельности человека. Задача Ратцингера, по-видимому, не столько в том, чтобы сделать некоторые свежие открытия, но в том, чтобы способствовать установлению диалога между наукой и религией на общепонятном для обеих

¹³ Ратцингер Йозеф. Иисус... 2009. С. 5–6.

сторон языке. И делает он это достаточно деликатно и ненавязчиво, вероятно потому, что в западном мире этот спор идет уже достаточно давно и ничего решить кавалерийским наскоком (как у Латыниной) просто невозможно.

В книге Верховена, напротив, предложен крайне субъективный взгляд – и он тоже отталкивается от научного дискурса. Верховен пишет, что уже в детстве был увлечен образом Иисуса, а в зрелом возрасте захотел снять о нем фильм и наблюдал вблизи за работой «Семинара по Иисусу», о котором мы еще скажем дальше.

Заметим, что два этих подхода прекрасно дополняют друг друга. В середине XX века разделение между «Христом веры», которого проповедует церковь, и «историческим Иисусом», которого реконструируют ученые, в западном обществе стало очевидным и едва ли преодолимым. Ратцингер остается на стороне веры и стремится преодолеть разрыв, Верховен не обращает на веру никакого внимания, но к общепризнанному и однозначному историческому конструкту не приходит уже просто потому, что такого не существует.

Вполне достойный выход из этой ситуации предлагает нам книга англиканского епископа и ученого Никласа Райта¹⁴. В ее первой части он излагает историю поисков исторического Иисуса, связанную, как мы уже поняли, с широким интеллектуальным и религиозным (или атеистическим) контекстом, с представлениями различных авторов и тем, что принято называть веянием времени. Вторая часть посвящена реконструкции внешней канвы событий, а третья – намерениям и верованиям Иисуса. И когда он кратко подводит итоги

¹⁴ *Райт Николас. Иисус и победа Бога.* – М.: ББИ, 2004.

своего исследования в третьей части, то характеризует не столько предмет исследования – жизнь и воззрения Иисуса из Назарета – сколько самих исследователей. Он пишет: «Швейцер сказал, что Иисус приходит к нам как неизвестный. Если я прав, то дело обстоит как раз наоборот. *Мы* приходим к *нему* (курсив Райта) как неизвестные, добираясь ползком из далекой страны, где мы промотали средства на мятежный, но бесплодный историцизм. Рожки для свиней – “несомненные результаты современной критики” – напомнили нам о том знании, которое чуть не стерла из памяти гордыня, и мы отправились к дому»¹⁵.

Если серьезно подходить к этой красивой метафоре, которая уподобляет исследователей исторического Иисуса персонажу евангельской притчи о блудном сыне, можно подумать, что итогом этого важнейшего труда для Райта стало признание его полной бесполезности: поиск исторического Иисуса приводит его к вере во Христа, для встречи с которым никакой научный анализ не нужен по определению, да и едва ли возможен применительно к нему такой анализ. Однако было бы, пожалуй, наивностью воспринимать этот красивый заключительный образ как отчет о результатах многолетнего научного исследования. Скорее, это признание человека, который одновременно является христианином и ученым: научный анализ рассказал об ищущих не меньше, чем об искомом, и не изменил его изначальных религиозных убеждений.

Однако все эти книги были написаны не на пустом месте, они продолжают давнюю традицию т.н. «поисков исторического Иисуса», причем на русском языке

¹⁵ *Райт Николас*. Иисус... С. 600.

она, помимо переведенной книги Райта, была довольно подробно изложена в книге Алексея Андреева¹⁶. Более краткий, но содержательный обзор можно найти в статье Глеба Ястребова¹⁷, в ближайшем будущем должна появиться и его новая книга, посвященная именно этой теме. Не пытаясь пересказать всё, что в них написано, имеет смысл кратко сказать о том, чему, собственно, посвящены эти работы, сосредоточившись прежде всего на тех авторах, которые доступны русскому читателю.

Попытки согласовать между собой свидетельства Евангелий предпринимались еще в первые века христианства, а в новые времена, начиная с Германа Реймаруса, который постарался составить свою версию биографии Иисуса уже в середине XVIII в., хотя сам не решился открыто высказывать свои взгляды (мы знаем о них лишь из посмертных публикаций). Для него, как и для многих других после него, вопрос о биографии Иисуса был не чисто теоретическим рассуждением: Реймарус выстраивал свою систему верований, в основе которой был деизм (совмещение веры в Бога как первопричину всего со стремлением объяснить происходящее скорее с точки зрения логики и научного анализа). Время, когда он жил — эпоха Просвещения и становления национального самосознания европейских народов, активно обсуждавших формы своей государственной жизни (сам Реймарус был немцем). Примерно так видел Реймарус и Иисуса: он стремился к национальному освобождению иудеев от римского господства, что и называл

¹⁶ *Андреев Алексей*. Поиск исторического Иисуса от Реймаруса до наших дней. — М.: Новое литературное обозрение, 2022.

¹⁷ *Ястребов Глеб*. «Поиск исторического Иисуса»: выход из тупика? // Альманах Свято-Филаретовского Православно-Христианского Института 12 (2014). С. 11–33.

«царством Божиим». В дальнейшем церковные деятели неправильно поняли его и перенесли это название на трансцендентную реальность.

С утверждения Реймаруса начинается рационалистический подход к исследованию жизни Иисуса. Для него характерно полное неприятие любых рассказов о сверхъестественном, прежде всего о чудесах, и стремление выстроить логически непротиворечивую биографию. Например, воскресение понимается так, что на самом деле Иисус и не умирал, а лишь впал в забытие. «Царство Божье» понимается при этом обычно в этическом смысле как царство добра и справедливости – принципов, которыми Иисус призывал руководствоваться своих учеников.

Один из характерных представителей этого направления – Давид Штраус¹⁸. Он ввел в исследования исторического Иисуса важнейшее понятие «мифического» (*das Mythische*): если для остальных либеральных авторов рассказы о чудесах отвергались как недостоверные или получали естественнонаучные объяснения, то Штраус предложил видеть в них прежде всего средство передачи определенных идей, прежде всего – мессианства Иисуса, причем Штраус был уверен, что Мессией он осознавал себя и сам. Иными словами, вопрос «что тем самым говорит нам автор?» для Штрауса важнее, чем «было ли такое на самом деле?»

Впрочем, гораздо большую известность у русских читателей, получил труд Эрнеста Ренана под тем же названием «Жизнь Иисуса», изданный в том же 1864 г., его принято относить к т.н. либеральному

¹⁸ *Штраус Давид. Жизнь Иисуса.* – М.: Республика, 1992 (русский перевод второго, переработанного издания).

направлению¹⁹. Это уже довольно развернутая биография. Ренан разделяет интерес предшественников к этической стороне учения, но рассматривает ее через призму «эволюции самосознания Иисуса». Ренан видит в нем прежде всего реформатора, который хочет заменить обрядовую религию этической, но вскоре осознает, что проповеди для этого недостаточно и потому решает принести себя в жертву ради этой высокой цели.

Книга Ренана обрела широкую известность благодаря его литературному мастерству и имела немало продолжателей, чьи реконструкции, впрочем, не вполне совпадали с его собственными; наиболее известен Адольф фон Гарнак, который изложил суть учения Иисуса так: «Это, во-первых, царство Божие и его пришествие. Во-вторых, Бог-Отец и бесконечная ценность человеческой души. В-третьих, новая, лучшая справедливость и заповедь любви»²⁰. При этом, что неудивительно, для Гарнака «Евангелие действительно возродилось в ... главных моментах протестантизма – в его внутреннем и духовном характере, в его основной идее о милосердном Боге, в его служении Богу духом и истиною и, наконец, в его представлении о церкви, как об общении в вере»²¹. Во многом под влиянием Ренана и его последователей находился и Лев Толстой, составивший под конец жизни свой «перевод» (а точнее, сводную и сильно отредактированную версию) Евангелий, а позднее Михаил Булгаков.

¹⁹ Ренан Эрнест. Жизнь Иисуса. – М.: Амрита-Русь, 2004.

²⁰ Гарнак Адольф фон. Сущность христианства. – М.: Красанд, 2010. С. 11.

²¹ Гарнак Адольф фон. Сущность... С. 208.

Иной подход предложили Иоганн Вайс и затем Альберт Швейцер, для которых ключ к пониманию личности и служения Иисуса лежал в области эсхатологии²². Иисус не стремился к переустройству земной жизни, будь то в политическом или в нравственном плане, а к подготовке людей к наступлению Царства Божьего, т.е. той реальности, которая возникнет после конца земной истории. Он использовал уже сложившийся до него образ Сына Человеческого как Мессии, чтобы возвестить скорое наступление этих событий, но потерпел поражение и был казнен.

Как нетрудно убедиться, Иисус представал у разных исследователей совершенно в разном свете. Выражаясь библейским языком, Иисуса сотворяли «по образу и подобию своему», точнее – по той идеальной картине духовного наставника, которая сложилась у исследователя в голове.

Не удивительно, что на этом фоне стали появляться и гиперкритические работы, в которых говорилось, что об Иисусе нельзя сказать ничего определенного, а затем пришли к выводу, что его вообще никогда не существовало, что это совершенно сказочная фигура. Понятно, что такой взгляд очень понравился официальному советскому атеизму и в СССР считался единственно научным²³; в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» именно эту точку зрения пропагандирует Берлиоз,

²² Их теория разобрана в *Ястребов Глеб*. Иисус как апокалиптический пророк (гипотеза Вайса-Швейцера): критическая оценка и перспективы // Вестник Свято-Филаретовского Института 32 (2019). С. 29–47.

²³ Сводное изложение этих представлений предлагает *Древс Артур*. Отрицание историчности Иисуса в прошлом и настоящем. – М.: Атеист, 1930.

тогда как в произведении самого Мастера видна скорее школа Ренана.

Барт Эрман, современный американский автор, чьи книги о раннем христианстве издаются на русском языке немалыми тиражами, некогда сам эволюционировал от фундаментализма до атеизма, он комментирует эту точку зрения так: «Мифологиисты приводят двусторонний аргумент: поскольку, с одной стороны, нет надежных свидетельств, которые упоминают об историческом Иисусе, а с другой стороны, его история выглядит построенной по образцу сказаний о других божествах, проще считать, что Иисус не существовал. Его выдумали как еще одно сверхъестественное существо. Соответственно, христианство основано на мифе»²⁴. Однако затем сам Эрман отвергает эту гипотезу (и так же считают почти все современные ученые): учитывая тот огромный след, который оставил Иисус, логично предположить, что он все же существовал и что евангелия в общих чертах верно описывают многие события его жизни, хотя не каждый рассказ о его жизни и учении нужно принимать за чистую монету.

В начале XX в. интерес к этой проблематике стал постепенно угасать, поскольку становилось всё очевиднее произвольность методик и несовместимость выводов. Так завершился этап, который позднее назовут «первым поиском исторического Иисуса». Конечно, говоря об этапах, мы имеем в виду очень условную и относительную периодизацию; можно добавить, что поиск никогда на самом деле не прерывался, просто падал и интерес исследователей, и значимость их выводов.

²⁴ Эрман Барт. А был ли Иисус? Неожиданная историческая правда. – М.: ЭКСМО, 2014. С. 57.

Своеобразной революцией в поисках исторического Иисуса стали в середине XX в. работы Рудольфа Бультмана. Это был своего рода итог позитивистских исканий XIX – начала XX века, когда казалось, что наука может, опираясь на наблюдаемые факты и правильные методики, исчерпывающим образом описать и объяснить этот мир, только для этого надо отказаться от «детских сказок», например, архаичной мифологии. Бультман предложил иное решение: христианское мировоззрение не стоит списывать в архив, но его надо пересказать новым языком, далеким от мифологии. Характерно, что эти идеи Бультман высказал в нацистской Германии (лично он никогда не поддерживал нацизм), т.е. в государстве, идеология которого была построена на своеобразной мифологии расового превосходства.

Бультман назвал свой подход «демифологизацией». Он формулировал главную задачу так: «Новозаветная картина мира мифична. Мир считается разделенным на три этажа: в середине находится земля, над ней – небо, под ней – преисподняя. Небо – обиталище Бога и небесных существ, ангелов; подземный мир – это ад, место мучений... А коль скоро эта речь мифологична, она недостоверна для сегодняшнего человека, ибо для него мифическая картина мира отошла в прошлое. Таким образом, христианское провозвестие стоит сегодня перед вопросом: следует ли, призывая человека к вере, принуждать его к признанию мифической картины мира прошлого? Если же это невозможно, возникает вопрос: не содержит ли новозаветное провозвестие истину, независимую от мифической картины мира? В этом

случае задачей теологии была бы демифологизация христианского провозвестия»²⁵.

При этом необходимо оставить керигму (от греч. κήρυγμα «возвешение»), т.е. суть той вести, которую нес людям Иисус и которая была воспринята ранней церковью, а затем понималась каждым новым поколением христиан несколько по-иному. Важно не восстанавливать те или иные исторические подробности, но понять суть вести, которую нес людям Иисус, чтобы применить ее к своей собственной жизни.

В значительной мере его позиция противопоставлена либеральной теологии XIX – начала XX века, которая, по сути, отказалась от основ христианского вероучения. Бультман видит свою задачу в том, чтобы сохранить христианскую идентичность, не вступая при этом в неразрешимое противоречие с данными науки и доводами здравого смысла.

При этом понятие «миф» Бультман строго не определяет и использует это слово в довольно разных значениях, которые объединены разве что противопоставлением мифа современной научной картине мира. Стоит отметить, что в 1940-е гг., когда он высказывал свои идеи, «мифом» обычно называли некое недостоверное древнее повествование. Наука о мифе и мифологическом мышлении возникла, по сути, в 1960-е гг. и заставила его последователей пересмотреть многие прежние оценки.

В любом случае, Бультман, пожалуй, произвел в новозаветных исследованиях примерно такую же революцию, какую Карл Маркс произвел в социальных науках

²⁵ Бультман Рудольф. Новый Завет и мифология // Социально-политическое измерение христианства, под ред. С. В. Лёзова и О. В. Боровой. – М.: Наука, 1994. С. 302.

или Зигмунд Фрейд в психологии: сегодня едва ли кто следует их моделям дословно, но все вынуждены на них оглядываться и их учитывать. И споры с идеями и моделями Бультмана изменили картину новозаветных исследований в не меньшей мере, чем сами эти идеи и модели. Может быть, самое главное возражение состоит в том, чтобы вернуться к конкретной культурно-исторической реальности, в которой был создан этот текст. В России 1990-х гг. наиболее известным последователем и популяризатором Бультмана стал Сергей Лёзов, переводивший некоторые его труды, но он вскоре отошел от теологии и занялся лингвистикой.

Новый этап этого поиска начался во второй половине XX века, его связывают прежде всего с именем Эрнста Кеземанна и с той самой демифологизацией. Если «старый», или «первый» поиск был связан со становлением исторической науки именно как науки со своими методами и стимулировался различными идеологическими баталиями начала XX века, то этот поиск был во многом вызван необходимостью ответить на вызовы, порожденные Второй мировой и Холокостом. Одновременно этот поиск – ответ на вызов со стороны последователей Бультмана, которые видят в текстах Нового Завета всего лишь некий набор мифов, которые могут иметь или не иметь реальных исторических прототипов, но в любом случае нуждаются в переводе на современный рациональный язык.

Для этого этапа характерен прежде всего поиск критериев реконструкции: на каком, собственно, основании одно объявляется историческим, а другое недостоверным? Ряд таких критериев был предложен, но они тоже порой вызывают споры. Например, это критерий

«двойного несходства», который считал важным Каземан: изречения или поступки Иисуса можно считать достоверными, если они отличаются и от последующей христианской, и от предшествующей иудейской традиции. Правда, при таком критерии подразумевается, что Иисус стоит вообще в стороне от той и другой, а с этим трудно согласиться. Поэтому о критериях спорят до сих пор.

Этот этап завершился, как обычно считают, работой Эда Сандерса об Иисусе как иудее, который стремился реформировать иудаизм изнутри²⁶. Начиная с его работы, принято говорить о так называемом «Третьем поиске» (все периоды и временные рамки тут достаточно условны). Для русского читателя можно рекомендовать прежде всего фундаментальную работу Мартина Хенгеля и его ученицы Анны-Марии Швемер²⁷. Кроме того, есть книги Давида Флуссера²⁸ и Хаяма Маккоби²⁹ – впрочем, Маккоби обращает больше внимания на политику, в особенности на освободительное движение, нежели на религию (именно этим путем и пошла Латынина, дойдя при этом до крайних и зыбких выводов). Крейг Эванс, в свою очередь, рассказывает об «Иисусе и его мире», описывая каждую сферу жизни, значимую для евангельских повествований³⁰.

²⁶ Сандерс Эд. Иисус и иудаизм. – М.: Мысль, 2012.

²⁷ Хенгель Мартин, Анна Мария Швемер. Иисус и иудаизм. – М.: ББИ, 2019.

²⁸ Флуссер Давид. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск: Урал, 1999.

²⁹ Маккоби Хаям. Революция в Иудее (Иисус и еврейское Сопротивление). – М.: Мосты культуры / Гешарим, 2006.

³⁰ Эванс Крейг. Иисус и его мир: Новейшие открытия. – М.: ЭКСМО, 2015.

Хенгель и Швемер завершают свое фундаментальное исследование выводом: «Оглядываясь назад, мы убеждаемся в справедливости нашего тезиса о том, что фрагментарность дошедших до нас источников, а также “своенравие” четырех евангелистов в отборе материала преданий, его оформлении и расположении, иными словами, их богословская воля делают невозможным такое изображение Иисуса из Назарета, которое действительно удовлетворило бы наше современное “историческое любопытство”... Однако, как мы уже неоднократно подчеркивали, возможны конкретные “попытки исторического приближения”»³¹. То есть многое из того, что мы хотели бы узнать об Иисусе, нам не удастся достоверно определить с помощью научного анализа, а некоторые вопросы вообще лежат вне сферы научного знания (был ли Иисус Сыном Божьим). Однако это не означает, будто научный анализ евангельских текстов бесполезен — он помогает уточнить и полнее понять многие частности.

В середине 1980-х гг. в рамках этого третьего этапа начал работу уже упоминавшийся выше «Семинар по Иисусу», который в значительной мере занят уже поиском критериев для отбора критериев подлинности речений Иисуса и записи о совершенных им действиях. О том, как он вблизи наблюдал работу семинара с самого начала, рассказал Пол Верховен: «В 1985 году я переехал в Америку и там услышал про “Иисусов Семинар”. Его тогда как раз организовал Роберт Функ, специально чтобы заняться этой проблемой. Большая группа теологов, в основном американских, из протестантов, взялась исследовать всё, что Иисус якобы

³¹ *Хенгель и Швемер. Иисус...* С. 663.

говорил и делал, и дважды в год обсуждать на четырехдневной конференции, в самом ли деле Иисус так говорил, так делал или нет? И в течение пятнадцати лет семинар голосовал “за” или “против”. Итоги конференций были зафиксированы в двух книгах»³².

Казалось бы, столь сложные вопросы неуместно решать простым количественным голосованием, тем более что самих участников семинара никто не выбирал, и они никак не могли претендовать на то, что представляют мировую науку, но, с другой стороны, выводы семинара и не являлись ни для кого обязательными. В любом случае, голосование не было произвольным, его участники применяли на практике как раз те самые критерии, о которых выше шла речь, обсуждали их, а также критерии для отбора самих этих критериев (понятно, что такая рекурсия тоже может быть бесконечной).

Ястребов завершает свой краткий обзор выводом, с которым стоит согласиться: «Попытка заменить евангельский рассказ на какой-либо альтернативный исторический сценарий не увенчалась успехом... Различие в версиях обусловлено отсутствием четких методологических критериев... Не следует, однако, рисовать смысл и результаты «поиска» в сугубо негативных красках. Удалось прояснить ветхозаветно-иудейскую специфику евангельских преданий, лучше осмыслить учение Иисуса в контексте I века»³³.

Если суммировать, в чем согласны все или практически все исследователи, у нас получится совсем немного. Иисус – реальная историческая личность, иудей, живший в Галилее в начале I в., проповедовавший

³² *Верховен Пол.* Иисус... С. 14–15.

³³ *Ястребов Глеб.* Поиск исторического... С. 29.

своим ученикам и другим слушателям, а затем распятый в Иерусалиме. Тексты Евангелий содержат его настоящие изречения и поступки, но в то же время эти тексты были переосмыслены, отредактированы и дополнены первыми христианами в соответствии с их верованиями и представлениями. Практически во всем остальном исследователи исторического Иисуса далеки от консенсуса.

И это не удивительно. Как формулирует это Павлов, «В отличие, скажем, от Юлия Цезаря, бывшего крупным политическим деятелем и выдающимся полководцем в течение достаточно длительного времени, отчего его жизнь изобилует бурными событиями в разных регионах Средиземноморья, вошедшими затем в историю, Иисус предстает как учитель нескольких сотен последователей, чья общественная деятельность не превышала самое большее двух с половиной лет, ограничиваясь небольшой территорией Галилеи, да и то не всей, с вероятными паломничествами в Иерусалим»³⁴.

Тогда мы просто вынуждены признать, что задача реконструкции жизни и учения Иисуса из Назарета просто не имеет на данный момент удовлетворительного научного решения (что не мешает ее решать с позиций веры или неверия). И, по всей видимости, такое решение не станет возможным вплоть до появления каких-то принципиально новых исследовательских методов, вроде изобретения машины времени.

Здесь стоит упомянуть о еще одном направлении, к которому привел поиск исторического Иисуса. Итак, полностью «демифологизировать» Иисуса оказалось

³⁴ Павлов Иннокентий, игумен. Как жили... С. 57–58.

просто невозможно, потому что и он сам, и его ученики, и те, кто рассказывал о них, видели его жизнь теснейшим образом соединенной с мифами своего времени.

Но можно перейти от «исторического Иисуса» к «Иисусу свидетельств» – это предлагает сделать Ричард Бокэм, чья книга тоже доступна на русском языке³⁵. Имеется в виду, что мы не можем достоверно установить, «как это было на самом деле», но можем постараться определить, как именно сохранялась и передавалась память об этих событиях. При этом не нужно бояться и стесняться того факта, что свидетели небеспристрастны, что они сами были вовлечены в те процессы, которые описывали – собственно, так всегда и писалась, отмечает Бокэм, история в древнем мире. Можно лишь добавить, что обычно так пишется она и сейчас. Избавиться от субъективности невозможно, но ее можно осознавать и учитывать.

Той же теме посвятил две своих книги, переведенные на русский, и Эрман³⁶. Его позиция остается крайне критичной. Вот как он комментирует одно из древнейших свидетельств об авторстве первых двух Евангелий: «Уму непостижимо, что некоторые современные ученые, вроде Бокэма, видят в словах Папия ценное свидетельство того, что первые два Евангелия написаны Матфеем и Марком. Почему-то они думают, что на его свидетельство можно положиться. И начисто

³⁵ Бокэм Ричард. Иисус глазами очевидцев. Первые дни христианства: живые голоса свидетелей. – М.: ЭКСМО, 2011.

³⁶ Эрман Барт. Как Иисус стал Богом: Откуда взялись и как развивались представления о Христе, ставшие догмами. – Москва: ЭКСМО, 2016; Эрман Барт. Иисус до Евангелий: Как обрывочные воспоминания нескольких человек превратились в учение о Господе, покорившее Мир. – М.: ЭКСМО, 2017.

упускают из виду *другие* слова Папия, в надежность которых сами не верят»³⁷.

Но ученые, которые работают с античными и средневековыми источниками, едва ли могут позволить себе такую щепетильность и полностью отказаться от источников, которым доверяют не полностью, ведь мифологический и легендарный материал там нередко переплетается с достаточно достоверными сведениями. Собственно, этими вопросами занимается отдельная историческая дисциплина под названием «источниковедение». И Бокэм ровно такой анализ и проводит в своей книге, посвящая анализу краткой реплики Папия целую главу³⁸.

Подобным образом устроен и небиблейский пример, который приводит Эрман – это память о президенте США Аварааме Линкольне. Эрман отмечает, что он вошел в историю как борец за равноправие чернокожих³⁹, хотя на самом деле он этого равноправия не желал и даже не считал его возможным. То есть, если оценивать некоторые его высказывания по критериям нашего времени, они будут выглядеть вполне расистскими. Это, действительно, так, но нужно понимать, что полный отказ от расизма в США был не одномоментным событием, а долгим процессом, и что Линкольн во многих отношениях был сыном своего времени, когда о черных принято было говорить как о низшей расе. Т.е. современный тест на политкорректность Линкольн явно не проходит, но сама эта политкорректность возникла в ходе долгого процесса, у истоков которого стоял,

³⁷ Эрман Барт. Иисус до... С. 145.

³⁸ Бокэм Ричард. Иисус глазами... С. 229–265.

³⁹ Эрман Барт. Иисус до... С. 145.

в частности, Линкольн. Видимо, нечто подобное можно сказать и о многих ранних христианах.

Но Эрман исходит из позиции: христианская традиция меня обманула, поэтому я буду обличать ее во лжи. Он остается в рамках научного метода, приводит факты и интерпретирует их в рамках возможного и допустимого, просто он при этом субъективен и пристрастен не меньше христианских апологетов.

Разговор об этом направлении (реконструкция раннехристианской традиции) у нас еще впереди, но стоит для начала отметить, что анализ устной традиции, которая позднее была положена в основу евангельских текстов, представляет сейчас одно из самых перспективных направлений в новозаветных исследованиях. К примеру, еще один знаменитый современный библиист Джеймс Данн обращает наше внимание на сходство устной традиции об Иисусе, лежащей в основе евангельских повествований, с ближневосточной традицией устных повествований (*хафлат самар*), которые передаются с некоторыми вариациями из уст в уста, но при этом очень устойчивы⁴⁰. Иными словами, устная традиция вовсе не является недостоверной.

В заключение Данн говорит: «Осознание характера традиции Иисуса как устной равноценно осознанию ее как *живой* традиции. Традиция Иисуса вначале не была записанным текстом, предназначенным для индивидуального прочтения в тиши кабинета... Ее не столько сохраняли, сколько использовали»⁴¹.

⁴⁰ Данн Джеймс. Новый взгляд на Иисуса. Что упустил поиск исторического Иисуса? – М.: ББИ, 2009. С. 127.

⁴¹ Данн Джеймс. Новый взгляд... С. 170.

Полагаю, что этот напряженный процесс, который одни назовут поиском исторического Иисуса, а другие – стремлением пройти по следам Сына Человеческого, тоже относится к продолжению этой традиции. Ведь даже те, кто отвергают ее, тем не менее, вступают с ней в диалог.

Еще одна книга, как я надеюсь, появится в ближайшем будущем, собственно, в этой статье вы познакомились с частью того материала, который в нее войдет. Ее рабочее название – «Какими были первые христиане и откуда мы это знаем», а ее автор – тот же, что и у этой статьи. Третья глава будет давать обзор поисков исторического Иисуса.

Словом, всё еще только начинается.

ПИСЬМА ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

*Отец Александр
в кабинете церковного дома.
Новая Деревня, 1975 г.
Фото В. Андреева*

Наталья Большакова-Минченко

ПРОДОЛЖЕНИЕ «ВЗГЛЯДА»

«Христианос», из года в год публикуя тексты отца Александра Меня, воспоминания о нем, размышления о его творчестве и т.д., нередко публиковал и его письма. А в 2020 г. в «Христианосе-XXIX» в статье «Открытие реальности духа. Взгляд на эпистолярное наследие прот. А. Меня» я попыталась выявить несколько основных направлений этой большой части наследия о. Александра, а также разделить на группы (условно, разумеется) адресатов писем, проиллюстрировав свои выводы конкретными примерами и цитатами.

Это – огромная тема, которой никто, насколько мне известно, не занимался.

Письма о. Александра – явление уникальное (и в литературном смысле, и в духовном), и в русской эпистолярной культуре у них особое место.

Кроме того, порой его письма являют нам очевидный пример продолжения раннехристианской и святоотеческой традиции, – когда о. Александр пишет одному человеку письмо на нескольких страницах, говоря, например, об избрании – личном, каждого человека, или народа, общины и в Св. Писании и в истории. Подобные тексты из Отцов, обращенные к одному человеку, дошли до нас в виде книг, сборников святоотеческих поучений. И во второй половине XX века о. А. Мень продолжает эту традицию.

В этом номере альманаха мы продолжаем публикацию писем о. Александра. К сожалению, почти не сохранились письма самих адресатов, отсутствие которых

затрудняет, порой, понимание написанного о. Александром. Ибо темы его, связанные и с библейской текстологией, особенно ветхозаветной; проблемами иудаизма, христианства, их взаимоотношений и т.д., обсуждаемые с людьми сведущими, с которыми о. Александр советуется при написании своих трудов, как, например, с Анри Волохонским, – далеко не всегда вполне ясны обычному читателю. Содержание писем очень насыщено и богословской проблематикой, историческими экскурсами и пр., и чтобы читателю было интересно и понятно, мы постарались снабдить письма примечаниями, сносками, краткими преамбулами – и не только относительно тем, затронутых о. Александром, но и касательно его адресатов и обстоятельств, явившихся поводом к написанию письма. Поскольку информация о человеке, которому пишет о. Александр, помогает понять, каким мог быть их диалог, их взаимоотношения, и какие события стоят за этим.

Далеко не всегда нам удавалось найти необходимые сведения о людях, датах и пр. подробностях. Но мы надеемся, что это не повредит чтению этих разнообразных 68 писем, касающихся и пастырской педагогики, и кратких рассказов автора о себе и своей семье, и эмоциональных переживаний, и надежд, выраженных с удивительным чувством юмора, присущего о. Александру. И на всем лежит печать его неповторимой личности, исполненной любовью к Богу и к человеку.

Рига

11.04.2025

Письма отца Александра Меня архиепископу Киприану (Зёрнову)

Архиепископ Киприан (в миру Михаил Викентьевич Зёрнов, 1911–1987) – будучи протоиереем, в 1948 г. был настоятелем храма иконы Божией Матери «Всех скорбящих радости» в Москве, на Ордынке; в 1961 г. хиротонисан во епископа Подольского; в 1963 г. возведен в сан архиепископа. Входил в ближайшее окружение святейшего патриарха Алексия I. В 1964 г. стал архиепископом Берлинским и Среднеевропейским. Приложил немало усилий к тому, чтобы уберечь храмы от закрытия и разрушения. В 1966 году уволен на покой и до своей кончины оставался настоятелем Скорбященского храма на Ордынке.

Дорогой Владыко!

От души благодарю за изложение ваших мыслей по вопросу столь непростому и для многих спорному. Рад был, прежде всего, тому, что за исключением некоторых частных (на которых, впрочем, не очень настаиваю) Вы своим словом подкрепили мысль о возможности и необходимости восстановления Христианской Церкви Обрезания. Ее наличие в апостольские времена дает для этого все церковные и канонические основания. Столь же драгоценным для меня было ваше утверждение, что для израильтян христианство есть «вера отцов». Иные, наверное, воспримут этот тезис как парадокс, но мне он вполне созвучен.

Будучи принципиальным и глубоким противником любого национализма я полагаю, что преломление единой христовой истины через призмы национальных традиций – факт естественный и положительный. Ведь

имеем же мы церковное своеобразие в русской, греческой, грузинской и других формах Православия.

Над этим вопросом я (размышляю) задумываюсь и сейчас, хотя разговор со мной, записанный позднее как «интервью» происходил давно: более полутора лет назад.

Должен ли я вернуть вам текст? И могу ли показать его интересующимся?

Прошу архипастырских молитв

Ваш прот. Александр Мень

П.С. Еще раз спасибо за прямоту и одновременно такт, проявленные в Вашем суждении. В одном только, дорогой Владыко, Вы ошиблись: я единоплеменник апостолов с обеих сторон; восьми дней отроду прошел через ветхозаветный обряд, а восьми месяцев был крещен своей матерью, которая крестилась вместе со мной, хотя и уверовала во Христа с юности. Думаю, что не без ее молитв удостоился я стать у престола Божия для служения в Русской Православной Церкви. Им обоим: Церкви и матери обязан я своим воспитанием. При этом, любя Церковь, культуру и страну, в которой вырос, я никогда не считал нужным «притворяться русским», сознавая христианство «религией своих отцов», если пользоваться выражением Вашего Высокопреосвященства.

21/IX 76 г.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Для меня все же остается загадкой то пристальное внимание, которое Вы уделяете моей персоне. Чем уж я таким отличился? Но, прежде всего, спасибо за то, что

не усомнились в моем личном к Вам отношении. Это мне дорого.

Постараюсь, как могу, ответить Вам по трем пунктам, которые Вы затронули в своем письме. Начну с конца.

1. Обвинения меня в «католицизме» исходят, как правило, или от людей меня не знающих, или плохо знающих, или искаженно излагающих мои слова. Что же на самом деле? Просто я всегда придерживался экуменических (слово это не люблю) взглядов и не считал нужным укреплять вражду между конфессиями. Не считал нужным и закрывать глаза на то положительное, что есть у наших братьев по вере. И не только по вере, а – по апостольскому преемству, силе таинств и основным традициям. Вот и весь мой «католицизм». Это отнюдь не моя личная прихоть. Здесь наша иерархия идет впереди многих других православных Церквей (в частности греков). Все, кто стоит на этой позиции, лишь хочет сделать молитву «о соединении всех» не пустой фразой, а жизненным делом христиан.

2. Я не верю, что где-либо и когда-либо «врата адовы» могут смертельно угрожать Церкви. Она родилась при рабовладельческой формации, жила при феодализме, капитализме, существует и будет существовать при любом строе. Думаю, что и в рамках нашего законодательства у нее много возможностей. Речь идет лишь о строгом и неукоснительном его соблюдении. Люди, которые высказывают пожелания и недовольство, часто имеют в виду именно разрушение этих законов отдельными лицами и организациями. Например, если какое-то ответственное лицо не разрешает открыть храм там, где в нем есть нужда, и это вызывает инцидент – то кто

виноват: протестующие или нарушающие люди? Словом, «законность» есть общая почва для всех, кто хочет вести честный и конструктивный диалог. Тех же, кто ошибается, полагаю важнее не ругать, а доказать им их неправоту, если они действительно неправы.

Я отнюдь не диссидент¹. Напротив, считаю себя полезным членом общества, в котором живу. Оно, как и всякое другое, нуждается в нравственных силах, а их питают христианские корни. Наши основные этические нормы не чужды и людям неверующим. Значит, и здесь есть общая почва для сотрудничества и диалога.

3. В вопросе о евреях и христианстве я согласен с Вами в основном. Для меня оно есть «вера отцов». Но дальше у нас есть расхождение в оценках.

Увы, не из каких-то светских источников, а из самого Писания мы знаем, что Иерусалим «не узнал времени посещения своего». (Лк 19:44). Эту трагедию видел и глубоко переживал св. ап. Павел, когда говорил об «ожесточении Израиля», хотя твердо верил, что произошло оно «отчасти, до времени, пока не войдет полное число язычников» (Рим 11:25).

Общеизвестно, что тысячи израильтян приняли Христа (наприм., Деян 2:41). Мало того, они послужили первыми «строительными камнями» для здания Церкви. Часть из них продолжала соблюдать ветхозаветные обычаи Закона. Вплоть до IV в. Израильтяне, исповедовавшие Христа, составляли органическую часть

¹ Приводим цитату самого о. Александра: «На вопрос архиепископа Киприана (Зёрнова), в целом хорошо ко мне относившегося, не диссидент ли я, — ответил: “Нет. Считаю себя полезным членом общества, которое, как и всякое другое, нуждается в духовных и нравственных устоях”». (Цит. по кн.: *Александр Мень. О себе*. М. 2007. С. 178.) (Прим. ред.)

вселенской церкви, имели своих епископов и храмы. Но, как видно хотя бы из Деяний и Посланий, та часть народа, которая сохранила себя в дальнейшем как целое, осталась при Ветхом Завете. Именно перед лицом этого факта ап. Павел высказывает уверенность, что в будущем «весь Израиль спасется» (Рим 11:26). Но поскольку какая-то часть Израиля все же стала христианской с самого начала Церкви, Ваш тезис о «вере отцов» остается для нас в силе.

Вот, дорогой Владыко, основные соображения по поводу ваших высказываний

Не думаю, что в них есть что-то новое и неожиданное. Напротив, они вполне традиционны.

На сем остаюсь преданный Вам А. Мень.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Мне жаль, что у вас создалось впечатление, будто я чем-то раздражен. Напротив – мне интересно и поучительно беседовать с вами. Спасибо за то, что вы даете мне столь лестную характеристику. Но все равно: почему именно я? Я не столичный священник, не преподаватель Академии, не работник ЖМП или ОВЦС. Разве среди них мало людей разумных и культурных? Разве, например, настоятель Елохова или отец Всеволод Ш[пиллер] не более влиятельны? А моя хата с краю. И нет у меня ни склонности, ни желания менять этот статус.

Думаю, что мы являемся единомышленниками уже потому, что вы епископ, а я священник, и каждый посвоему служит делу Христову. Но мы люди разных поколений, и конечно, у нас могут быть различные

подходы к одним и тем же проблемам. Скажем, вопрос о христианском единстве – я согласен, что настоящее соединение может явиться лишь в результате чуда. Но я в это чудо верю, как верю, что вообще Церковь построена на чуде и чудом существует. Но раз это вера, то здесь трудно что-либо доказывать. Вашей статьи, к сожалению, не читал, но полагаю, что вы не станете осуждать дружественное и открытое взаимопонимание разных конфессий. Этого требует не только наше время, но и само Евангелие. Христос не разделяет, а объединяет. Об этом постоянно говорили представители нашего Патриархата на встречах с инославными.

Теперь о законности. Прежде всего – внутренний мир в Церкви и ее благополучие только способствуют международному престижу нашего государства. Поэтому в нем должны быть заинтересованы все стороны. Вы говорите, что идеей законности часто злоупотребляют. Допустим, но разве сама идея, сам принцип от этого становится плохим? Люди злоупотребляли и многими другими великими и прекрасными идеями.

Не считаю себя компетентным в вопросе о «церковных диссидентах», но боюсь, что нередко их просто «делают», не пытаюсь решить вопрос мирным путем. С людьми нужно говорить, постараться их понять, а не зачислять скоропалительно в разряд «врагов». Это принесло бы больше пользы; а прещение и пр. только создают стену, и все растет, как снежный ком. Мы с вами об этом говорили, и вы, кажется, были согласны.

Совершенно непонятны мне ваши слова о моей «деятельности», которая якобы «льет воду на чью-то мельницу». Бог свидетель, дорогой Владыко (я говорю вполне искренно), что никакой «деятельности», выходящей

за пределы обычного священнического труда, у меня нет и никогда не было. Что вы имеете в виду? Я служу, проповедую, совершаю требы, руковожу духовной жизнью прихожан по мере своих ограниченных сил. Я внушаю им жизненные принципы, которые способствуют их становлению как искренних христиан.

Добросовестные литературные занятия тоже находятся в рамках церковно-религиозных. Более 40 публикаций (начиная с 1959 года). В нашем журнале и церковных изданиях демократических стран – тому свидетельство. И все прочее, написанное для близких также не касается сфер иных. Никому я не доставлял осложнений внецерковными выступлениями. Никто и никогда не мог использовать меня в посторонних целях и, надеюсь, не сможет использовать. Это всегда был мой твердый принцип, и я хотел бы, чтобы меня не сбивали с него.

Мне, конечно, было приятно получить Ваши фото. А нестандартную надпись я сделал также в надежде на чувство юмора, которое в вас всегда ценил.

Прошу молитв и остаюсь преданный Вам
5/XI 1976 г.

П.С. Думаю, что, честно выполняя свой непосредственный пастырский долг, я больше буду способствовать авторитету нашей Церкви и атмосфере разрядки, чем какими бы то ни было выступлениями.

**Переписка
между владыкой Иоанном (Шаховским)
и отцом Александром Менем**

Архиепископ Иоанн (в миру князь Дмитрий Алексеевич Шаховской; 1902, Москва – 1989, Санта-Барбара, Калифорния, США) – епископ Православной Церкви в Америке, архиепископ Сан-Францисский и Западно-Американский.

В 1920 году уехал из России; жил в разных странах Европы; получил прекрасное образование, в том числе, окончил Свято-Сергиевский богословский православный институт в Париже; принял монашеский постриг с именем Иоанн, и в 1927 г. был рукоположен в сан иеромонаха.

В 1946 г. переехал в США, где вскоре стал архиепископом Сан-Францисским и Западно-Американским. Архиепископ Иоанн (Шаховской) – автор множества богословских трудов, бесед и проповедей, издававшихся на многих языках; писатель, поэт, свои стихи публиковал под псевдонимом «Странник».

* * *

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!
Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова.
Прошу молитв.
Прот. А. Мень, 8 янв. 1979

* * *

Письмо вл. Иоанна о. Александру:

Всечестнейший и дорогой о. Александр, благодарю Вас за Ваше доброе приветствие и пожелание. Оба письмаца дошли. Если бы я когда собрался в места московские, где увидел свет сей земли благословенной,

несомненно захотел бы повидать Вас и навестить Ваш Семхоз (сколь понимаю, это Семенное хозяйство?). Очень нужное, для страны и для души, место. Все мы работники в наивысшей квалификации этого дела... А к Моск. Дух. Академии это совсем подходит, это как раз «Семенное Хозяйство».

Недавно я получил хороший фотографический снимок – Крестный ход вокруг одного из северных храмов России. Какие хорошие, чистые лица, отсвет жизни настоящей на них и, словно, внутрь смотрят себя. И два священника – еще молодые (лет по 35–40), тоже молитвенно идут. Это хороший подарок мне родины земной – поглядеть на ее лица. Прошу Господа благословить вас всех, тружеников дела Его... А если будете посланы (с какой-либо делегацией М. Патриархии) в С. Ш. – надеюсь, встретимся. Впрочем, думаю, главное дело Ваше – не братски-дипломатические разговоры с иностранцами в разных странах, а кормление детей своих, слетающихся к Вам. Вам дал Господь этот дар хождения не среди отвлеченностей (хотя бы самых священных), но среди лиц бессмертных... (В юности моей много утешало в этом именно меня мое священство).

Надеюсь, я правильно разобрал Ваш адрес на конверте, и письмо дойдет без проволочек.

Обнимаю Вас и желаю сил и радости в служении Вашем. И дому Вашему мир.

С любовью.

+ А. Иоанн 1 февр. 1979 г.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Был глубоко тронут Вашей открыткой и молитвенной памятью о маме. По удивительному «совпадению»,

за несколько дней до смерти, она читала одну из Ваших старых, еще довоенных брошюр и очень ею восхищалась. Вообще, она прочла у Вас все то же, что и я. Мне трудно оценить – чем я ей обязан, с того дня, когда восьмимесячным младенцем привезла меня крестить – в Загорск. Тем самым она как бы отдала меня под покровительство преп. Сергия, которое ощущаю и теперь, на пятом десятке лет. Еще в детстве прочел я о нем лекцию Ключевского и осознал, что нужно делать (единое на потребу). Возращивать незаметно те духовные богатства, которые нам завещаны. В этой глубине посева могут взойти еще не скоро, но, как сказал апостол: «один насадил, другой поливал, а взрастил Господь». И то, что преподобный не замыкался в своем лесу от проблем жизни (тогдашних), тоже послужило мне уроком. Эта сторона поразила меня и в Вашей «Биографии юности», которая свидетельствует, насколько автор ее был открыт к людям и течениям (это видно и в последующих этапах его трудов). В *таких* ключах стараюсь решать все и благодарю Бога, что нашел в Вас пример и молитвенника.

Посылаю Вам привет от родных сосен и елей, которые смотрят в мое окно (лес стоит здесь со времен преподобного).

Пусть пошлет Вам Господь сил и здоровья. Прошу архипастырского благословения. Всегда Ваш
прот. А. Мень. 16 марта 1979 г.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Давно собирался написать Вам, радуясь тому, что отношения между нашими церквами нормализирова-

лись². «Биография юности» послужила еще одним стимулом. Она производит глубокое впечатление своим светом и гармонией, какой-то органичностью избранного пути, без резких ломок и ударов, хотя времена были кризисные. Меня всегда привлекал такой опыт, он казался глубоко подлинным, желанным – противоположным той болезненности веры, которая порой теперь культивируется под влиянием книг Кьеркегора, да и вообще из-за невротической атмосферы века. Это я чувствовал и в других книгах Ваших. Читал все, кроме «Разговора о бессмертии». Читал и стихи Странника и думал, что ему пришлось быть отцом для скитальцев иных поколений (об этой Вашей заботе мне тепло писали).

Как-то я получил Вашу открытку и был этим тронут. Молитвенная связь такая драгоценная вещь. И она помогает. Я часто думаю, что держусь главным образом по молитвам других. Сил не всегда хватает. Бывает, что за неделю нет свободного часа сесть за стол. А при этом, я давно сузил рамки своего труда до пределов храма и дома.

Ваши замечания о книге по древним религиям весьма проникательны. Что касается критики Писания, то я полагаю, что она давно должна получить права гражданства в православной литературе. И не просто как «уступка веку», а как необходимый элемент познания Библии. Без нее очень многое так и оставалось за семью печатями и рождало соблазны. Когда Вы говорите о духовном ядре этой истории, то больше всего оно

² Северо-Американская митрополия в 1970 году была признана Московским патриархатом как автокефальная Православная Церковь в Америке.

видно в разделе о пророках. Культурно же – исторический фон есть своего рода пролегомены к проблематике, читателю часто чуждой и малопонятной. Во всяком случае, книга менее «рационалистична», чем многие современные католические труды. К слову сказать, для меня «рационализм» не отрицательное понятие (если, конечно, его не брать в узком смысле). Слишком много греховного и злого порождало обратное – иррационализм. Разум – дар Божий, и страсти наши – это утрата «света Разума».

От души желаю Вам, дорогой Владыко, здоровья и долгих лет.

Прошу архипастырских молитв.

С любовью во Христе

прот. А. Мень 26 июля 1979 г.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, досточтимый Владыко!

Поздравляю Вас с праздником Рождества Христова. Всегда с любовью думаю о Вас, о Ваших трудах и удивительном жизненном пути. Дай Бог Вам и дальше оставаться светильником Церкви, чтобы Ваш голос был свидетелем ее высшей Правды. Ваше руководство по пастырству, хотя и давно написано, но продолжает играть роль для многих, кто начал и кто проходит путь служения.

Прошу молитв.

Ваш прот. А. Мень 27 дек. 1979 г.

* * *

Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыко!

Еще раз воспользовался случаем написать Вам не по почте, а с оказией, чтобы можно было говорить, не оглядываясь на бдительную цензуру.

Рискнул Вас побеспокоить вот по какому поводу: больше 15 лет назад я написал для новоначальных две книги, одну о Христе, другую о православном богослужении. Они разошлись по России в сотнях списков, ввиду явной нехватки у нас книг такого содержания. В 1968 и 69 гг. брюссельское издательство «Жизнь с Богом», которое и сейчас занимается апостольской и экуменической деятельностью, издало их (каждая книга имела два тиража за это время). Сейчас назрела потребность написать эти книги в новом ключе, для более подготовленного читателя. Об этом мне настойчиво говорили многие (как епископы и священники, так и миряне). Я последовал их совету. И вот теперь, по милости Божией, обе книги готовы (о Христе, кажется, уже в печати). Поскольку мне, православному автору, приходится, в силу ряда причин, публиковаться в католическом издательстве, мне очень было бы ценно иметь небольшое предисловие *православного* иерарха или богослова. Издатели снабдили первое издание книги о богослужении краткой преамбулой православно-го епископа, имени которого не назвали. Так вот: сейчас я осмеливаюсь обратиться к Вам с этим вопросом. Не могли бы Вы написать хотя бы несколько строк от своего имени? Александра Николаевна Чиликина писала мне и передавала благосклонный отзыв Ваш о моих опусах. Это-то и ободрило меня и побудило написать Вам. Если Вы сможете – я буду Вам бесконечно

признателен. Ваше имя для многих имеет значение авторитетное. Практически у меня нет возможности списаться с издательством. Остается только просить Ваше Высокопреосвященство написать им в Брюссель. Они смогут прислать Вам копию рукописи или гранки. Если книга о Христе уже издана, то – хотя бы – несколько слов к книге о богослужении. Я ее отправлю им вскоре.

Прошу Ваших архипастырских молитв,
прот. А. Мень 16. 2. 1980 г.

Р. С. В отличие от прежних изданий, эти планируются выпустить под моим именем. Об о. Д. пока ничего нового не известно.

* * *

От Редакции «Христианоса»:

Ниже мы публикуем текст Предисловия архиепископа Иоанна Шаховского к книге прот. Александра Меня «Таинство, Слово и Образ», вышедшей в издательстве «Жизнь с Богом» в Брюсселе в 1980 году:

«Эту книгу московского протоиерея о. Александра Меня, выходящую в христианском издательстве «Жизнь с Богом», – не нужно комментировать. Она сама выразительно комментирует себя, раскрывает нужную для многих тему.

Ее можно было бы назвать «Богослужебным Катехизисом», – так внимательно автор касается всех сторон церковной молитвы, ведет читателя по всему кругу двухтысячелетних молитв Церкви Христовой, льющихся от человечества к небу. Видно, как многого

лишают себя те, которые не входят в эту волну общей молитвы и таинств веры, о которых говорит о. Александр.

Читателям его книги открывается возможность лучше понять вселенскую молитву Церкви и погрузиться в высокий мир ее символов и реальностей, ведущих нас от временного к вечности.

Мы все, люди, имеем дар касаться сердцем и умом очищающего нас чудесного Бытия, Царства Божия, — данного вере и любви. Отец Александр Меня избегает абстрактных терминов, он говорит кратко и просто, языком понятным и точным.

Это книга пастыря и — добавлю — доброго пастыря. Он дает душам не только общие учительные истины, но и вводит в реальность самого Божьего дела в мире и нашего дела — быть открытыми благодати. Пастырь Единый Господь Иисус Христос чрез Своих добрых пастырей ведет, укрепляет и утешает души, готовые принять Его.

Пусть слова этих страниц о служении человечества Богу — слова живые и нужные — упадут не при дорогах суеты, не в терния страстей и не на камень бесчувствия, но на благодатную землю живых сердец.

Архиепископ Иоанн Шаховской».

* * *

Дорогой о. Александр, близится Пасха... Троекратно обнимаю Вас и всех близких Ваших: Христос Воскресе!

«И мертвый ни един во гробе» — для чистого ока веры и сердца очищенного... Получил я месяца три тому назад и на днях весть о Вас. И прошу Господа укрепить все Ваши пути по Его земле... Охотно, с радостью, что

в силах, исполню, «ad maiorem Gloriam Dei», как все мы хотим (и как дается нам радость – творить)...

Сейчас у меня пару дней прогостил в Калифорнии находящийся (ненадолго, «но с вдохновением»), горячий сердцем московский житель (о Москве помышляющий с любовью), бодрый, для своих 65-ти лет, друг Шаврова историка. Он с большой теплотой рассказал мне про покойную Вашу мать, близких и Вас и Ваши пути... Он еще удивлялся, как Вы все успеваете делать, помогать и ближним, и ближним-дальним. Это бывает, когда преломляется рыбка наша и хлебец... Да будет так в жизнях наших. И тех, кого мы поминаем пред Лицом Господа.

С любовью, Ваш

А. Иоанн

Иногда ночью слушаю интересные передачи Московской Радиостанции – морякам Севера дальнего, – их разговоры, приветы близких, утешение их музыкой, песнями... Хорошие передачи. Нужно людям – укреплять дух плавающих и путешествующих среди льдин и холода мира. Человечное это дело.

Не знаю, где сейчас живет (и жив ли, вообще) приезжавший несколько лет назад в Париж глубокий старец К. С. Р.* (быв. пчеловод). Он жил – некогда – в квартире писателя Пришвина, а после смерти его вдовы, может быть, и не живет там: [дан полный адрес]. Хотел бы сему доброму старцу сказать только «Христос Воскресе». В этом – вся любовь Божия и человеческая (он верит и в ту, и в другую): он ранее ездил на могилу моего отца в село Матвейково. Храм там был, но «не работающий». У меня есть фотография части храма

и около стены его три холмика: отца, его матери и ее сестры (от 20-х годов).

* Двоюродный брат наш Константин Сергеевич Родионов. Он жив и плодотворен и сейчас, на 97-м году пишет свои воспоминания. Пришвин написал о нем в рассказе «Заполярный мед».

26 марта 1980 г.

Источник: Вестник РХД, № 160, (№ 3, 1990).

Письма отца Александра Меня Анри Волохонскому

Анри Гиршевич Волохонский (1936 Ленинград, СССР – 2017 Рексинген (Rexingen), Германия) – поэт, прозаик, переводчик, ученый-химик и мыслитель-каббалист с особенным интересом к симметрии в устройстве мира. До 1973 года жил в Советском Союзе, занимался научной деятельностью. В 1972 г. был крещен прот. Петром Белавским, в Мариенбурге, под Ленинградом. В эмиграции сначала жил в Израиле, работал на Генисаретском озере, изучал химию воды и разрабатывал математическую модель экологии озера. В 1985 году переехал в Германию, где работал в Мюнхене на радиостанции «Свобода». Все, им написанное, – сборники поэм и стихов, два романа, переводы из Катулла, отрывков из книги «Зогар» и Кумранских свитков, – было опубликовано при его жизни в разное время в разных издательствах Израиля, Франции, России, Германии и США.

В 2012 году было опубликовано трехтомное собрание его сочинений (Новое Литературное Обозрение). Не вошедшие в это собрание переводы на русский язык богослужебных текстов и псалмов были опубликованы в 2016 году в издательстве ПРОБЕЛ-2000 и в 2018 году в издательстве АРТОС.

Волохонскому принадлежат слова песни «Рай», сочиненной им на музыку Владимира Вавилова и известной в России под названиями «Над небом голубым» и «Город золотой». Ему также принадлежат слова многих других популярных песен, написанных им одним или же в соавторстве с его другом Алексеем Хвостенко.

* * *

Переписку о. Александра Меня с Анри Волохонским (из которой нам доступны письма только о. Александра), по предположению о. Михаила Аксёнова-Меерсона, можно отнести к началу 80-х годов прошлого века.

Сам Михаил, друживший с Анри с конца 50-х – начала 60-х годов, последний раз был в Израиле летом 1982 г. и виделся там с Волохонским, о чем и упоминается в первом письме.

* * *

18.09. [19(?)]

Дорогой Анри!

Очень порадовало меня известие, что смогли Вы пообщаться с Михаилом, и что он Вам понравился в нынешнем его состоянии³. Я давно знаю о его мечтах, но за последнее время, рассуждая по-человечески, они кажутся малореальными. Хотя я, разумеется, их приветствую. Трудно представить, какое церковное основание он сможет положить в основу своей работы, ведь там нет опорных пунктов его автокефальной церкви. О своих трудностях он пишет мало и поэтому мне нелегко сравнить их с Вашими. Но о Ваших по крайней мере я знаю достаточно. Если он начнет работать, у него быстро найдутся сильные враги. Впрочем,

³ Отец Александр имеет в виду Михаила Аксёнова-Меерсона, своего прихожанина и ближайшего помощника, в декабре 1972 г. эмигрировавшего из СССР во Францию. В 1978 г. Михаил был рукоположен во иерея Православной Церкви в Америке и назначен священником в русскоязычную общину храма Христа Спасителя в Нью-Йорке. (*Прим. ред.*)

это удел всех, кто хочет исполнять Волю, невзирая на лица⁴.

Хотел узнать Ваше мнение по следующему вопросу. Во времена евангельские Имя Святого было табуировано. Христос Его не произносил. Правда, есть мнение компетентных экзегетов, что часто повторяемые Им слова «эго эми», «Я есмь» – не что иное как «ани-ху», которое тоже считалось запретным Именем. Теперь большинство переводов раскрывает тетраграмму как «Ягве». Так вот, у некоторых христиан возникает вопрос, какие можно привести аргументы в пользу этого раскрытия, кроме самого общего, что в Новом Завете разрушилось то средостение, которое требовало табуирования Имени.

Надо сказать, что вопрос застал меня самого несколько врасплох. Я никогда об этом не думал, зная, что табуирование возникло поздно (II в. до н.э.), а прежде не существовало. Поэтому я ничтоже сумняся употреблял Имя. Но теперь понимаю, что, либо надо от этого отказаться, либо выдвинуть серьезную аргументацию.

Обнимаю Вас всех и шлю Божие благословение.

Ваш А. Мень.

⁴ По словам самого о. Михаила, он говорил Анри, что они собираются вернуться в Израиль уже миссией. Анри на это надеялся и, видимо, обсуждал это с о. Александром, что видно из письма. По свидетельству о. Михаила, как христианин, Анри был очень одинок и без церкви. Приехав в Израиль, он поселился по месту работы в Тиверии, где из православных миссий была только греческая, и священник-грек служил литургию по ночам. Окармливал Анри отец Даниэль Руфайзен (1922–1998), с которым Анри очень дружил. (*Прим. ред.*)

* * *

Дорогой Анри!

Теперь-то я понял источник, из которого Вы исходили. Это действительно метод неожиданный, новый, плодотворный. Безусловно, теперь трудно обойти доктрину Сефер Йецира⁵ при комментировании Апок[алипсиса]⁶. Важно было бы проследить, насколько далеко в древность уходят корни этой книги. Это важно и для проблемы истоков гнозиса. Ведь до сих пор спорят: был ли он паракристианским явлением, ересью или дохристианским течением. Если С. Й. по существу древнее II в., то можно говорить об иудео-эллинистических истоках гностицизма. Гарнак изображал его как острую эллинизацию христианства и был частично прав. Но он не учел восточных, иуд. корней этого многоликого течения. Казалось бы, Апок. со своими **героизмами** очень далек от гнозиса. Но вот Вы показали, что дистанция эта не столь велика. Это все очень важно при его толковании. Очень интересно, что Вы пишете о свете, напоминает о словах Берешит: ихъе ор. Рад за Михаила, если увидит своих. Мне он пишет теперь почему-то редко. А хотелось бы знать, как он и каковы его планы. Поклон всей Вашей семье. Пишите. Очень отрадно быть в курсе ваших изысканий.

Храни Вас Бог. Ваш [подпись].

⁵ Сефер Йецира (Книга Творения) – каббалистический трактат. (Прим. ред.)

⁶ Анри в год переписки с о. А. Менем обдумывал развернутый трактат «Бытие и апокалипсис» («Бытие и Апокалипсис. Комментарий к книгам Бытия, Творения и Откровения Иоанна». – Иерусалим, Maler Publications, 1984). (Прим. ред.)

* * *

Дорогой Анри!

Вы тысячу раз правы насчет этнографии и социальных аспектов. Увы, это так. С амгаарцев, однако, я ничего и не жду. Но меня, увy, поражает фольклорное сознание у людей, казалось бы, «грамотных». В общем, они этим обнаруживают свою сущность и свою скрытую амгааречность. Конечно, разговор с Флуссером – нечто вроде монолога. Но ведь не один же он такой. И потом, я верю, что время сделает свое. Что никогда не успокоится народ (как это видно из истории). Стационарная модель ветхозаветного сознания порождение галута. Зажатые в щель галутные странники, вынуждены были, чтобы сохраниться, сковать себя системой. Но после перемен придет время внутренних взрывов и поисков. Танах чреват был, вернее Тора была чревата **Невиим** и апокалиптиками, и ессеями и прочим. Строго говоря, было много иудаизмов (во всех срезах), и, если рассматривать их изолированно, они оказываются замкнутыми мирами. Но они – стадии, аспекты, фазы. Ноцрут – тоже фаза и она была бы возможна даже тогда, но в эпоху войны с Римом она не смогла принять универсализма и **ждет** новой Торы (хотя эта идея жила у теологов: Мессия, дающий новую Тору). Идея новой Торы есть у Иеремии. Но она не такая (он сам пишет), как прежняя, она не система. Она только становится системой в руках законников всех мастей...

Об Откровении очень интересно, что Вы думаете. Я сам много им занимался. А теперь просьба. Сейчас пишу о Петре. Не могли бы Вы написать мне (по живым впечатлениям), как могло выглядеть рыболовство на Кинерете. Нужны краски, формы мне примерно ясны.

Живые детали. Словом, это только Вы можете мне дать (вроде того, что писали о скоплении рыб).

Обнимаю Вас и шлю приветы друзьям.

Мир и Божие благословение.

С любовью Ваш А. Мень.

* * *

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ, дорогой Анри, большущее спасибо Вам за это письмо с описанием Кинерета. Я все это использовал (и, по-моему, написал Вам, но б.м. мне это приснилось). Вы очень точно поняли мою цель: «увидеть» все детали, касающиеся ап. Петра, о котором пишу⁷. Ведь все приходится восстанавливать по ничтожным черточкам. А они порой драгоценны. Будет очень интересно познакомиться с Вашими мыслями об Апокал[ипсисе]. И вообще, мне интересно все, о чем Вы думаете и пишете, и чем живете. Мало, кто так хорошо понимает волнующие нас проблемы.

Обнимаю Вас и Вашу семью.

* * *

26.10. [19(?)]

Золотой мой Анри! Если бы Вы знали, как меня порадовало Ваше письмо, как надоели мне эти мракобесы и знахари с крестами и могоендовидами на медных лбах!

⁷ В это время отец Александр Мень писал книгу «Первые апостолы». (Издана в Москве в 1998 г.)

В первой главе этой книги «Они пошли за Ним», где автор описывает рыболовство на Кинерете, есть сноска 5: «Способы рыбной ловли на Галилейском море остались в настоящее время почти теми же, что и в древности. Сведения об условиях промысла на озере любезно предоставлены нам А. Волохонским, ученым из Тивериады». (*Прим. ред.*)

Наконец-то я услышал разумное слово. А то ведь, имея дело с лжехасидами всех мастей, кажется, что попал не в область живой веры наших дней, а на страницы «Золотой ветви» Фрейзера, где трактуется о дикарях из Дагомеи или острова Тасмании...

Я своим твердил то же, что и Вы пишете, но несведущие оглядывались на тех, кто пытается изображать себя «подзаконными».

К тому же вспомним слова апостола: «даровал Ему имя превыше всякого имени». Этим многое, если не все, сказано. (А с этим Б-г они уже перешли черту разумности, ибо слово это никогда не табуировалось; как писалось, так и читалось: Эль, Элохим). В общем, «детская болезнь»...

Относительно тезисов Флуссера⁸, я ему, кажется, писал, как дико тут их встретили новоортодоксы, которые еще вчера были невесть кем... Они весьма примечательные, полные смысла, понимания и на 80 процентов могут быть приняты христианским сознанием. Поистине

⁸ Давид Флуссер (нем. David Flusser, 15 сентября 1917, Вена – 15 сентября 2000, Иерусалим) – из ортодоксальной еврейской семьи; израильский историк, религиовед, исследователь иудаизма в его отношениях с христианством. Был профессором Еврейского университета в Иерусалиме, преподавал в нем иудейскую духовную историю, раннее христианство и античную греческую религию.

Автор многочисленных работ об Иисусе, Новом Завете и раннем христианстве, о рукописных свитках Мёртвого моря и об античном иудаизме.

На русском языке издана книга Давида Флуссера «Иисус свидетельствующий о себе». (Урал LTD, 1999.) Флуссер подчеркивал еврейское происхождение Христа и христианства, сближая фигуру Иисуса с традиционным для иудаизма образом цадика, а его страдания и мученическую кончину – с судьбами евреев в последующие века, включая Холокост. (*Прим. ред.*)

диалогическая вещь. Но увы, диалог, как всегда, остается уделом избранных. Остальные же предпочитают орать с пеной у рта. Мне тут, кстати, попалась интересная работа Г. Шолема, в которой он говорит, что раннесредневековая эсхатология выдвигала мысль, что Машиах даст новую Тору. Это в сущности то же, что в Нагорной проповеди («А Я говорю вам»).

Между прочим, я несколько раз писал Шуре, она молчит. Я послал ей греческий словарь, который она давно просила, и хотел бы знать, получила ли.

Привет Вашей семье. Всегда рад от вас получить что-нибудь о Вашей жизни.

С любовью [подпись]

* * *

Дорогой Анри!

Получил Ваше толкование и статью. Все это очень глубоко и интересно. Еще Л. Буйе призывал христианских богословов изучать постхристианскую вз-ную традицию, которая может быть полезной для богословия. Текста С. Йециры у меня нет и едва ли дойдет. Имею лишь общее представление по литературе. Относительно гнозиса вопрос, конечно, неясный. Корни гнозиса христианского в тумане, а тем более, иудейского. Мы слишком мало знаем о незаписанных преданиях, ритуалах Второго Храма. Но опять-таки структуралистски рассуждая, здесь может быть иное решение. Дело в том, что для эллинства есть два мира по вертикали (незримый, идеальный, и зримый). Для ВЗ они располагаются больше по исторической горизонтали (олам хаза и олам хаба). Т.е. Малхут Элогим находится не «над», а «впереди». Апокалипсис, казалось бы, вносит

коррективу и дает нечто «над», но по существу это и «впереди». Это как бы предварение здесь и теперь того, что будет. Какие-то ритуалы, родственные языческим, могли быть связаны с рошхашана. Подобно вавилонскому празднику Акиту (новый год, воцарение Мардука) праздновалось воцарение ХАШЕМ (ср. псалмы Доминус регнат). Но Евангелие говорит о Царстве как о двойной реальности, которая грядет и которая уже здесь «неприметным образом». Быть может, все-таки есть разница между гнозисом и *даат* Элогим? Гнозис идет «снизу», *даат* дается свыше. Конечно, у Филона явен гнозис. Но он стоит особняком и передает эстафету в основном патристике (и лишь косвенно – кабале и иуд. гнозе). Рад, что Вам заказали комментарий⁹. А чье это библ. общ.? Протестантов? Кстати любопытно, что Ориген как-то связывает число 144 тыс. с числом назареев. В его время.

Спасибо, что немного рассказали о знакомых. Вл. Антония я всегда помню. Это замеч. человек.

Привет всем Вашим. Храни Вас Бог. Пишите.

* * *

Дорогой Анри, поздравляю всю Вашу большую семью с праздником. Я Вам писал уже, но видно письмо затерялось. Вашу статью об Апокалипсисе изучил. Очень интересно и важно, хотя, как всегда у Вас, форма изложения довольно эзотерична. Особенно близко мне понимание изображенного действия в связи с храмовой литургией. Интересно, что в раннем христианстве нет прямых указаний на отмену храм. богослужения, только намек в Евр., что есть единственный Первосвященник.

⁹ См. сноску 6.

Не исключено, что картина небесного служения есть молчаливое указание на то, что отныне «литургия» совершается на небе, что с падением Храма она не прерывается. Правда, это зависит от датировки книги. Некоторые авторы относят ее ко времени до 70 г. Часто думаю о Вас и радуюсь, что Вы есть. Читал кое-что Ваше. Жду, что Вы еще высидите свое золотое яйцо. Интересно, что Вы написали о свете и в каком плане (в науке ли или в филоновском ключе). Рад я и за Илью, но и жаль его (жаль, что сорвался с места, где мог бы быть нужен, я ему говорил). Остается просить, чтобы послал Бог делателей на жатву. Михаил давно не пишет¹⁰ (впечатление, что он загружен больше, чем мы в Москве, и это хорошо). Я пока обдумываю и пишу про апостолов. Много приходится размышлять о внутрицерковных проблемах. Католики не ценят тех перспектив, которые им дал Ватикан II. А у нас такого собора не было, хотя он нужен до крайности. Все очерствело и замшело. Безобразная восточная стагнация, которую еще, к тому же, культивируют. Что у Вас не вышли замыслы, это видно. Значит: не пришло время, и люди не дозрели. У нас все по-старому. Если б приехали, увидели бы то же, что видели, уезжая. Всегда рад каждому Вашему письму.

Храни Вас Бог.

Обнимаю. Ваш [подпись]

¹⁰ В эти годы о. Михаил регулярно выступал под своим именем в религиозных программах на *Радио Свобода*; а также активно участвовал в правозащитной деятельности за религиозную свободу в СССР, — поэтому прекратил всякую переписку с о. А. Менем, чтобы его не подставлять. (Прим. ред.)

Письмо отца Александра Нине об экуменизме

Письмо, написанное отцом Александром в конце 70-х годов, распространялось среди прихожан, поскольку содержало в себе ответы на вопросы, которые возникали тогда у многих в связи с тем, что появилась возможность встреч с христианами других стран и конфессий. В те годы РПЦ официально разрешила (владыка Никодим Ротов) при отсутствии православного храма в особых случаях участвовать в таинствах Католической Церкви.

Дорогая Нина!

Хочу и должен объяснить Вам, как я отношусь к вопросу о молитве с инославными христианами. Прежде всего, наша Церковь не возбраняет этого в принципе. Наши иерархи и представители бывают на праздниках в католических храмах и у баптистов. Католики разрешают своим приобщаться в наших храмах, а наша Патриархия в случае нужды тоже допускает к их таинствам. Мы исходим из того, что Господь основал не несколько исповеданий, а единую Церковь и разделения христиан воспринимаем как грех (молясь о «соединении всех»).

Причины разделения были разными: и различия в душевном складе разных людей и народов, и политические распри, и культурные расхождения. В результате возникли и отличия в обрядах и в вероучительных формулировках.

Однако Господь даже это явное зло обратил в добро.

Благодаря разделению христианство избежало нивелирования и жесткой однообразной системы. В каждом

исповедании (в разной степени) раскрывались духовные дары, были свои праведники и святые.

Таким образом, в развитии Церкви есть общая закономерность: сначала нерасчлененное единство, потом разделение и, наконец, единение на высшей ступени. Эта последняя стадия уже близка к осуществлению (хотя, конечно, по меркам историческим, а не по масштабам индивидуальной жизни).

Завет Господа: «Да будет единое стадо» – цель современного христианства. Но как этому содействовать? Прежде всего – преодолением вражды, желанием понять других при сохранении верности своей традиции. Этому посвящены все формы экуменической работы и служения в мире и у нас в стране. Христиане делают упор на том, что сближает, а не на том, что разделяет.

Раньше каждое исповедание считало, что средство для единства – только прозелитизм, то есть обращение всех в свою конфессию. Теперь, когда поняли, что нужны другие пути, избрали путь сближения. Разумеется, оно исключает прозелитизм. Он наносит ущерб братскому взаимопониманию и доверию, внушает мысль, будто все хотят друг друга «перетянуть» и ведут тайную пропаганду в свою пользу.

С католиками у нас проще, т.к. все основы у нас общие. С протестантами – сложнее. В частности, если говорить о пятидесятниках, то они нередко утверждают, будто Дух Божий дышит только в их общинах. Между тем, каждый человек, который пережил истинное обращение (в нашей Церкви), может и должен считать себя получившим духовное крещение и дар Духа.

Если люди этот дар не развивают, то причина в них самих. Разумеется, негативное отношение к другим мало содействует сближению и братскому сознанию. Но, к счастью, не все члены таких общин (баптистов, пятидесятников и др.) держатся подобных непримиримых взглядов.

Что же препятствует духу экуменизма? Еще раз повторю: те случаи, когда люди, побывав у инославных, разрывают братское и евхаристическое общение со своими. Это и измена по-человечески и акт, направленный против Христа, против Его воли. Это вносит разделения, смуты, соблазны, отбрасывает дело единства назад в века соперничества, упреков, борьбы и поношений.

Поэтому для своих прихожан я не считаю допустимым общаться в молитве с теми конкретными общинами, которые не соблюдают строгого экуменического принципа и правила: «Никакого прозелитизма». Как там в других странах – я не знаю. Но у нас это так.

Человек, бросающий свою церковную общину (ссылаясь на личные вкусы, на прочитанное в книгах, на недостатки церковные и пр.) является, пусть и невольным – но врагом дела Христова.

Всегда нужно помнить, что в Евангелии от Иоанна нам сохранена одна из немногих молитв Спасителя, выражающих Его глубинные желания, Его волю. Это «первосвященническая молитва» в ночь перед Голгофой: «Да будут все едино: как Ты, Отче, во Мне и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино». Мы еще далеки от того, чтобы осуществить эту волю Господа, но должны всеми силами к этому стремиться. И все, что препятствует Его воле, есть для нас грех.

Вот почему обязательным условием общения с инославными является неукоснительное соблюдение ими (и нами) указанного важнейшего экуменического принципа.

И последнее: как быть, если видишь у инославных христиан нечто воистину достойное и прекрасное (горячую веру, живую молитву, чистоту жизни, общинность)? Ответ один: благодарить Бога за этих людей и молиться о том, чтобы и мы умножали в своей среде эти черты и дарования.

Прот. А. Мень.

Письма отца Александра Меня Михаилу Уринову (Аравна)

*Родился в 1950 г.; познакомился с о. Александром в 1972 г.
Крестился в Духов день; уехал в Израиль в 1975 г.*

Дорогой Миша!

Не могу выразить, как порадовало меня Ваше письмо. Это поистине «уже речь не отрока, но мужа». Все суждения о соотношении церквей – вполне здравые и очень мне созвучные. Только я думаю, что дело не столько в католичестве и православии, сколько в психологических отличиях людей разных стран и культур. Оно выявилось еще задолго до разделения христиан. Для Вас же практически важно найти свое место, учитывая, что Вы духовно выросли в православной атмосфере. Вот Вы говорите, что у кат. нет соборности, а сами нашли в С. Жк. людей духовно сплоченных. В общем, все это теории. Главное, что Вы нашли себя и будете постепенно вырастать (возрастать?). Рад, что Вам дали еще время и надеюсь, что в конце концов осуществится то, о чем Вы с Ирой мечтаете.

Не забывайте. Пишите. Храни Вас Бог. Привет друзьям.

Ваш пр. [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Ответил Вам давно, но письма моего Вы не получаете. По рассеянности забыл наклеить марку. Одно помню, что во многом с Вами согласен: согласен и с тем, что убежание в конфессиональные норки ничего не

даст. Нужно смотреть шире. Каждая конфессия имеет нечто ценное. И полнота Церкви во взаимодополнении. Различия вещь поверхностная, относящаяся к истории, культуре, народу. Европа, например, давно оставила мысль, что ее искусство – единственное, а все остальное – дичь. Значит и церковные спектры не должны друг друга вытеснять, а сосуществовать, дополняя. Не знаю, что там думает И. Г., но мне кажется, что из вас, уехавших, окажутся правы те, что воспримут принцип широты. А приходилось ли Вам сталкиваться с егудим-протестантами? Что они из себя представляют? Анри писал, что глупые и скучные. Впрочем, он великий мудрец (как ясно из его толк. на Апок.) И мне многое непонятно (хоть есть и важные выводы). У нас все течет, как обычно. Друзья и домашние Вам кланяются.

Храни Вас Бог.

Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Спасибо за письмо, такое подробное и насыщенное. Вы поднимаете так много вопросов и вопросов важных. Действительно, на Ваших глазах – столько столкновений, столько конфессий, споров, книг, образов жизни! Вся суть в том, что мы вступаем в новую эру христианского плюрализма. Раньше все – и на Западе, и на Востоке – хотели какой-то одной модели благочестия, богословия и культа. Т.е. произошло то же самое, что случилось с синагогой после утверждения духовной власти Ямнии (а до того был плюрализм). Сейчас стало ясно, что эта унифицированная модель не работает и только плодит недоумения и расколы. Католики первыми

стали на путь плюрализма. И действуют успешно. Но плюрализм чреват хаосом. Разброд налицо и у самих католиков. Задача: отделить вторичное от главного. «В главном – говорил св. Августин - единство, в спорном – свобода, во всем – любовь». Это замечательные слова.

Вы пишете о русской религ. мысли. В ней было много временного и местного, но лучшие ее представители поднимались до больших высот общего, вечного. В этом их непреходящая ценность, особенно Берд[яева] и Солов[ьев]. Но идеи еще не все. Не менее важен облик, образ бытия. Тут-то и проявляется плюральность. Вы органически приняли модель бейтишангувцев. Это прекрасно. Это то, чего я хотел. Но не все на это способны. Многие живут и будут жить попутным сознанием и ностальгией. По-человечески это понятно, но перспектив никаких. Трагедия егудим-ноцрим первых веков заключалась в том, что они держались за местное, в ущерб вселенскому. И засохли, как ветвь, оторванная от дерева (син. и церк.). Кафоличность охраняет местное, но и не дает ему замкнуться. С другой стороны, Вы правы, говоря о сухости католиков. Здесь им нужно включить в свой опыт дух Востока. Как-никак разделение принесло ущерб обеим частям Церкви. Многое зависит здесь и от нац. психологии. Она накладывает неизгладимую печать на дух. жизнь. От души желаю Вам дальнейших успехов и возрастания. Кто знает, какую роль в дальнейшем Вам уготовит Господь Бог?

Привет от Наташи и Ляли. И от всех друзей.

Пр. [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Обрадовали Вы меня своим письмом. Всем: настроением, мыслями, установками. Вы правы, нет у наших друзей другого пути, как срастаться, но они хотят быть изолятами. Понять их можно. Все духовное и дорогое связано с прошлым. Они хотят его удержать. Они жалуются, что у св. Иакова скучное, протестантское богослужение, но ходят. Но почему не внести им чего-то от себя? Под лежащий камень вода не течет. Словом, я думаю, что Вы на верном пути, хотя и не на легком (но что хорошее бывает легко?) Для ноцри есть много препятствий, но все большое всегда шло через преграды. Он должен быть укоренен в своем и одновременно открыт миру. Брать пример с первых поколений ноцрим (как в Деяниях), стремясь исправить роковую ошибку, «отделившую дочь от матери», старую общину от новой. Многие богословы Запада, особенно католики, придают большое значение традиции иегудим, которая развивалась в христианское время. Они верят, что здесь продолжал действовать Господь. Эта точка зрения (по-русски Вы найдете ее в кн. А. Буйе) позволяет нам ассимилировать наследие мишнаитов, таннаев, сабуреев и др. Я обнаружил даже известный параллелизм в истории Церкви (Раши и пр. – Отцы Церкви, Маймонид – Фома Аквинат, караимы – реформатские общины, Мендельсон – деизм и т.п. Словом, нужно вхождение, но не слепое, а обновленное в духе Нового Завета, который неотделим от Танаха¹ и агады (мидрашим).

¹ ТАНАХ – название еврейской Библии, акроним названий трёх её разделов: Тора (Закон), Невиим (Пророки), Ктувим (Писания).

Передайте поклон своей жене. Скажите ей, что ей надо заимствовать веру извне, она во всех нас, ее нужно осознать, открыть. Незримое обступает нас со всех сторон. В нем-то и настоящая перспектива жизни. А без нее пустота и быстролетность (хавел хавелим).

Вы знаете, как нападают на меня новоиспеченные ортодоксы. Но для меня это естественно. Это люди слепые, лишенные диалогичности, живущие предрассудками, переводящие веру в плоскость догматизма и нац. страстей. Между тем, она есть тайна и ничего навязать нельзя. Тем более с помощью демагогии. То, что вы пишете о Михаиле – тоже понятно, есть ведь такая вещь как ностальгия. Желаю Вам обоим крепкого стояния и света.

Храни вас Бог.

Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Как странно, что Вы моего ответа не получили. Я написал сразу же. Видимо, затерялось письмо (обычно не пропадают). Очень верно и хорошо то, что Вы пишете о вост. и западной традиции. И то дорого, что Вы пришли в Бейт. Ак. с начатками Востока. По существу же это две линии не противостоящие, а дополняющие друг друга, хотя узколобые люди этого понять не хотят. Но что делать? Каждый выдает, что имеет. Видно, еще не наступило время творческого синтеза, но оно придет: и, если не готовиться к нему – благословенное время еще и еще будет отступать в будущее. И надеюсь, что Ваши мысли и Ваше бытие внесет свой кирпичик в здание, которое Вы еще м.б. дай Бог увидите или увидите в начале построения.

Я вспоминаю книгу Нехемии. Как строили стены, и как помешала этому распря с самарянами, раскольниками. Это типология на будущее. Не знаю, что такое говорит там Илья, но это все речи, пришедшие к нам из дурного прошлого.

Сколько можно испытывать Божие терпение и лелеять церковный провинциализм? Будущие поколения, надеюсь, оглянутся на это, как на досадный анахронизм. Они даже не поймут, о чем шла речь. Это вроде полемики против латинского языка, которую вели на Востоке с таким жаром, а теперь сами оказались в положении критикуемых (которые ушли вперед). Ваше участие в Б. Я. – вот, что меня радует бесконечно. Когда-нибудь об этом вспомнят, как об ручейке и истоке. Пусть мало, но очень важно. До сих пор не ясно, существует ли английское Хибру крисчен, о котором я читал в энциклопедии?

Все наши шлют Вам привет. Привет Мирьям.

Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Очень рад, что Ваша внутренняя жизнь стабилизировалась, невзирая на неопределенность внешних обстоятельств. Бог даст все устроится – не это главное. Главное, чтобы Вы, обретя себя в новом качестве, остались, однако, самим собой. Служба пока изолировала Вас от многих жизненных проблем и контактов, но скоро это все станет на повестку дня. Мне, конечно, жаль, что Вам трудно найти близких по духу людей (я имею в виду самый широкий смысл). Но невероятно, чтобы их вообще не было. Личные разрывы и утраты, как Вы сами это почувствовали, поставили Вас один на один

перед лицом судьбы и Бога. Но просто стоять и вникать – мало. Нужно услышать в молчании Божиим призыв и волю. Как реализоваться? Как выполнить ее в конкретных обстоятельствах?

Мне издалека уже трудно судить. Но, надеюсь, скоро у Вас будет больше возможности писать мне. Но в любом случае путь в одиночку – это не настоящий путь. Проблема нелегкая, но настоятельная. Верю, что Вам будут посланы те, кто Вам нужны. Я имею в виду не укоренение (важное само по себе), а нечто более духовное. Ведь Вам мало просто стать саброй, но быть сабройноци. Это нелегко. Особенно в усложнившихся внешних ситуациях. Однако Бог творит чудеса и теперь. Поэтому будем жить, ждать, надеяться.

У нас все в основном по-прежнему. О вас часто вспоминаем. Привет от дочери, брата, жены и друзей.

Храни Вас Бог.

Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Не могу выразить, как порадовало меня Ваше письмо. Рад, что встретил М. и поздравляю. Рад, что работа есть такая хорошая. В ее характере есть что-то символическое. Извлекать «соль земли» из «мертвого моря жизни»²...

Действительно, новая полоса жизни. Где же Вы будете жить? Нагев сравнительно велик... Придет время, появится у Вас машина, и все расстояния станут меньше.

Очень важно для Вас, что Вы укоренились по-настоящему. Это поможет Вам быть самим собой во всех

² Отец Александр имеет в виду работу Михаила инженером-строителем в концерне «Мертвое море».

отношениях. Те, о ком Вы пишете, по-видимому не сумели этого... Судить нельзя. Ведь все так не просто.

У нас пока все по-старому. О Вас всегда помним.

Будет момент – напишите еще о Вашей жизни. Мне все интересно знать.

Храни Вас Б. Обнимаю.

Ваш [подпись]

Поклон М. Напишите о ней.

* * *

Дорогой Миша, поздравляю Вас с праздником Рождества, хотя и с опозданием (много пришлось отсутствовать дома). Самое драгоценное для меня в Ваших письмах – это свидетельство о том, что Вы духовно растете, ясно определяете свои пути, осмыслили жизнь и призвание. Значит, начало, положенное здесь, не пропало, а дало всход.

Я молюсь о том, чтобы с предельной глубиной открылось для Вас основное: «Новая Тора», данная Мессией (как того и ожидали многие в те времена) не есть только «учение», только «тора», осуществление того, что предчувствуется во всей храмовой символике. Шехина – среди народа, «С нами Бог» или «Я с вами во все дни до скончания века». Его реальное живое присутствие. Его сила и помощь, Его спасающая рука, общение через Него к Вечности «здесь и теперь».

Дай вам обоим Бог благословения в вашем пути. Спасибо за фото, живо вас представил в вашей повседневной жизни.

Вы пишете, что М. от генетики получила закваску детерминизма. Но и я сам много лет занимался биологией и слишком хорошо знаю, какова сила детерминизма.

Однако даже детерминист Спиноза в конце концов учил свободе. Высшее призвание человека – подняться над природным, реализовать свободу своего духа, который познает мир и восходит к Последним вещам. Это даже не требует доказательств, ибо живет в нас, живет, как реальность. Только побеждая, мы становимся людьми. Это – богоподобие.

Очень важно и интересно то, что Вы пишете о двух направлениях (хоть и малочисленных) с православным и католическим оттенком. Но у Вас в будущем, наверное, должен образоваться некий синтез, включающий оба аспекта, сохраняя их своеобразие. Ведь в Церкви плюрализм возможен и желателен. Пусть каждый остается при своем, но это не исключает дальнейшего единства. Интересно: встречались ли Вы с протестантами? Вот еще одна ветвь, которая могла бы присоединиться к единству, не теряя самобытности...

Вы правы, Хомяков совершенно не понимал католичества, но кое-что у него есть интересное (показательно, что в православии он официально не был признан).

Храни Вас Бог в новом году и не забывайте нас.

Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Рад за Вас, что Вы смогли с М. попутешествовать. Контрасты, конечно, были немалые. Но все же наверно Вы ощутили, что человек везде человек, что при разнообразии проблем у него всегда остается два пути, как сказано во Второзаконии. Жизнь или смерть. А то, что Вы пишете о П-к. меня окрыляет и вдохновляет. Это одна из моих болевых точек. Так хочется, хотя бы на

закате дней, сказать «Ныне отпускаеши»... И увидеть, хотя бы мысленными глазами, что зарождается дух там, где он должен проложить себе дорогу. И, разумеется, основой этого может быть только свободное и экуменическое сознание, а не реставрация конфессиональной узости на новой почве. Все должно органически сплавляться. Старое во многом обречено. Нужно верить в будущее. Хотя мир сейчас такой тревожный. Но ведь Бог клялся собой, что Завет Его непреложен. Чего же нам еще? Жаль Ис. Я так и не понял источников его уныния, кроме внешних невзгод. Мне писали, что он застыл в какой-то греческой ортодоксии. Зачем она ему? Пережиток галутный... Сохранить из него нужно только подлинное и вечное. О Вит. я слышал. Жаль его. Он олицетворял целое поколение для друзей.

Храни Вас Бог. Ваш [подпись]

* * *

15.04 [год?]

Дорогой Миша.

Поздравляю Вас и Мирьям с дочкой. Это уже какой-то рубеж в Вашей жизни. Дай Бог, чтобы новый этап был светлым и прочным в нашем темном и непрочном мире. Вы очень верно заметили, что высшие проявления Духа и разума сейчас остаются на человеческом уровне. Даже опускаются. Так бывает часто в конце большого периода. Сейчас «конец века» со всеми обычными последствиями. Не календарного века, а эпохи. История, говорил Цицерон, лучший учитель. А Макиавелли продолжил: кто не учится на ее опыте, обречен повторять ошибки. Это мы и видим. Подлинная история Церкви и всего другого только начинается, хотя

позади много всего. Но из этого многого – так мало подлинного. Ложь, прикрывающая человеческие страсти, слишком часто царит и царила. Я не получал Вашего письма о Церкви, во всяком случае, не помню. Но думаю, что прав и Н. А. и те, кто понимают ее как общину. Это высшее двуединство – метафизики и земного воплощения Духа. Воплощение пока еще очень слабо. История Церкви столь же трагична, как и история ветхозаветная. Вот где ключ к ее разгадке – Библия. Многие люди смущаются, читая ВЗ, и не случайно. Но именно в своей беспощадности пророки были голосом Божиим. Такова же должна быть и история Церкви, т.е. ее описание. Это цепь измен, на фоне которых горят маяки верности. Пророки были внутри общины, но они не шли на компромисс. Вот в чем суть дела. Как не следует смешивать Завет и Обетования с реальностью старой общины, так не следует думать, что земные, исторические уставы Церкви тождественны ее сути. Я уверен, что старое поколение историков, в том числе Швейцер, не правы. Христос основал Церковь. (Прочтите хотя бы Ч. Додда. Основатель христианства.) Но вопрос какую? Какая из исторических церквей и насколько сохранила верность Ему? Для определения этого нужна пророческая харизма. Бонхоффер, Тиллих и другие верно отмечали, что «религия» как историческая форма веры и истины не исчерпывает всего. Компромисс бывает нужен как снисхождение к немощи человека, но с какого-то момента он превращается в силу, губящую все дело. Это все указывает нам лично, на что следует ориентироваться. Дух может присутствовать и в несовершенной общине. Мы отвечаем лишь за то, что мы сами сделали для поддержания его.

Женю я знал мало. И никогда не «понимал». Рад, что Вы нашли с ним взаимопонимание. Читали ли Вы книгу Кюнга? Она есть по-русски. Я во многом с ним не согласен, но книга полезная и по-своему замечательная. Она дает ответы на некоторые вопросы, которые стоят перед всеми нами.

Храни Вас Бог. Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша, поистине проблемы Ваши, вечные проблемы. Большим утешением было для древних израильтян верить в скорое пришествие Мессии, а для ранних христиан – в скорое пришествие Христа. Быть может, только это их и поддерживало. Но скорее всего надежда наша должна быть не эсхатологической. Такая блиц-эсхатология лишь панацея. Надо запастись терпением и жить в том мире, который вокруг нас, думая лишь о том, что мы сами можем изменить (прежде всего, самих себя). Не знаю, можно ли вслед за Н. Б. назвать свободу нетварной. У меня иммунитет к гностическому знанию, которое вызывает у меня только вопросительные знаки. Иову же не было все «объяснено». Он просто узрел Бога лицом к лицу. И это сняло все проблемы. Наша «эсхатология» не в том, чтобы Его Парусия совершалась в нашей жизни. Чтобы обрести Его в близости. Нет у нас средств познать то, что сокрыто. Это факт. Человек и в видимой природе знает лишь малую часть, так что же говорить о духовных тайнах. В самом НЗ содержится мысль, что явление Мессии лишь этап, что впереди новые, высшие ступени. Но мы еще и до этого этапа не доросли. Много ли знал Авраам о замыслах Божиих, когда заключал

с Ним Завет? Но его доверие к Сущему и было «вменено ему в праведность». Легко верить, когда все ясно и очерчено. Но истинная вера – это труд и подвиг (простите за выпренные слова). Апокалипсис же все-таки светлая книга. В ней изображены символически ужасы истории, которая вопреки всему оканчивается победой Света. И, как она вдохновляла людей тех поколений, так она может вдохновлять и нас.

У меня особых перемен нет. За все слава Богу. Только бы были силы стоять до конца.

Поклон Мирьям. Храни Вас Господь. Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша, письмо Ваше было столь насыщенным, что сразу оказалось непросто ответить. Впрочем, и помешал мне отпуск и свадьба сына.

Вопросы, которые Вы ставите, многообразны и сложны и, в сущности, нет на них готовых, однозначных ответов. Прежде всего: где Церковь? Можно искать тысячи формальных богословских определений, но если мы будем ориентироваться на Новый Завет, то придем к мысли, что Церковь – всюду, где люди исповедуют веру и реальную живую связь с Богом через Христа. Больше того – потенциально Церковь – все человечество, ибо Христос пришел для всех – иудеев и эллинов, мужчин и женщин, варваров и скифов. Конкретно она проявляется в том едином потоке, который идет от точки, заложенной Христом во дни Его земной жизни. Она идет от «скалы Петровой», от апостолов, от традиции, закрепленной в Писании. Пусть одни склонны реализовать свою жизнь во Христе в большей степени через торжественно-праздничные формы, а другие

склонны к формам более аскетичным. Пусть одни верят в непрестанное преобразование и обновление христианской-церковной жизни, а другие охраняют старые структуры. Все это полнота жизни огромного вселенского потока. Это спектры Церкви. Но именно потому, что сегодня плюрализм громко заявляет о себе, нужно искать единства. В противном случае неизбежно расхождение слишком серьезное, так что в один прекрасный день (как то было с Византией и Римом) люди христиане не узнают друг в друге братьев. Больше всего для этого делают католики, но и протестанты (вместе с православными) не бездействуют. 21 век будет веком торжества экуменизма в самом хорошем смысле слова. Но ощутить одну крышу над головой миллиарду человек будет не просто. Залог — непрестанное внутреннее самообновление, заполнение пропастей, которые вырыл наш общий грех и ограниченность. Вы правы — пусть люди держатся своих частных аспектов, и, самое важное, чтобы они понимали, что этот аспект частный.

В Ваших краях это тоже проблема: как найти общность егудим-ноцрим, принадлежащих к разным конфессиям. Протестантизм меня не страшит. В нем есть добрая направленность («назад к Новому Завету, к Евангелию»). Найти в себе честность признать языческую засоренность строя, культа, многих понятий и привести их в соответствие с истоками. Но для этого нужна сила веры, вскормленная силой духа. Этого я желаю Вам, Вашим друзьям, знакомым и всем, кто ощущает себя ответственным за «невесту» (как Вы хорошо выразились) Церковь.

Обнимаю Вас. Поклон Мириам.

Храни Вас Бог. Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша, большое спасибо за письмо, оно меня порадовало очень (пришло как раз в день рождения, памятный Вам). Весь Ваш путь там вижу как провиденциальный, как способ «создавать» и «формировать» Вас, тем более, что, как Вы пишете, многих вокруг Вас порабощает мамона. Большая ответственность быть в числе «малого стада», быть (страшно сказать) в числе тех маломощных «праведников» (хотя бы на 10%), которые поддерживают основание главного. Одно жаль, что не объединяются они, разделенные В. и Н. Заветами. А ведь истинный Бог видит истинных Своих служителей всюду. Для Него водораздел проходит не по религиям и конфессиям, а по внутренней верности, которая роднит католика и православного, иудея, христианина и мусульманина. Конечно, это может показаться утопией, но для Бога это несомненно так. Жаль мне, что старые друзья так «осутились», что забывают. Вы сами тормозите их: пишите им – пусть коротко, но настойчиво. Это им же самим нужно. Корни никогда не должны быть в забвении. А то все станет засыхать. Положение у Вас сложное (а где сейчас спокойно? Век трудный), но будем верить, что Господь сохранит шеар. Я не знал, что патриарх умер. Кто теперь будет избран? Напишите. И кто он. Как это отразится на Исааке и его друзьях? Они ведь пользовались покровительством покойного. Будет ли так дальше? У меня все по-старому. Вокруг люди стареют, взрослеют, растут. Внучка моя уже хорошо говорит и многое понимает. Михаил служит в армии, женился. У Ваших друзей и сверстников седина в волосах. Но в общем все – слава Богу. Мы делаем, что можем, а остальное – Его воля.

Обнимаю Вас. Привет Мирьям.
Ваш [подпись]

* * *

Дорогой Миша!

Очень сочувствую вам. Чувствую Ваше одиночество. Но Вы сами говорите, что оно не абсолютное. Есть Господь над нами, есть мысли, дом, семья, труд, книги. Жаль, конечно, что многие оказались несостоятельными в переменившихся условиях. О.М. проще – он создал то, что имел раньше, вот ему и все ясно. Вам же надо нести на плечах большой груз. На человеческое не приходится надеяться. Остается уповать, как библейские герои, которые получали помощь именно тогда, когда рассчитывать было не на что. Жаль И. Жаль, что к Вам так относятся соседи. Это позорный факт, но видимо, неизбежный. Молюсь, чтобы Вы пронесли веру, надежду и любовь через все испытания с твердостью и мужеством. Поздравляю Вас и Мирьям с праздником Рождества.

Ваш [подпись]

* * *

[1986]

Дорогой Миша!

Спасибо за письмо, хотя я уловил в нем оттенок горечи. Что сказать Вам? Вопрос о «сакральном», как Вы выражаетесь, Откровении не решается на уровне теоретических дискуссий. Но все же Танах в его полном, двузаветном объеме, немыслим без Откровения. «Он говорит» – это основа общины и жизни отдельного человека. И говорит нам. Позиция Швейцера мне хорошо

понятна. Но она была жестко обусловлена укоренившимся в нем с воспитанием рационализмом и поэтому для него осталось лишь рациональное знание. А о чем-то большем он всегда тосковал и к этому стремился, утверждая справедливо, что разум бессилен без мистики. Особенность библейск. веры, что она открывается не только единицам, а и общине. Это то, что утратилось в Вашей жизни в силу обстоятельств. Что же касается демифологизации, то она рискует оторваться от того, что есть суть. Вернее, она превращает внутренний опыт в нечто внеисторичное, в духе йоги или дзен-буддизма. Бердяев здесь намного выше Бульмана. Он сохраняет подлинную Христоцентричность и историзм. В свете этого историзма это отступление европейского мира, о котором Вы пишете, есть не отступление от достигнутого, а наоборот. Констатация, что Евангелие еще очень мало усвоено. Один мудрец говорил: «чем выше религия, тем она труднее». Это было очень трудно — реализовать Евангелие. Внешняя церковность только маскировала малый прогресс в этом. Но я верю, что есть силы, которые будут продолжать путь и труд. И каждый из нас занимает в этом свое место.

Спасибо за фото. У меня жизнь идет в прежнем темпе. Родился внук.

Храни Вас Бог. Ваш [подпись]

Обнимаю Вас. Привет Мирьям.

* * *

Дорогой Миша!

Давно все собираюсь Вам ответить, но никак не соберусь. Дело даже не в том, что последнее время был очень загружен, но и в том, главное, что затрудняюсь,

что сказать на Ваше последнее письмо. То, что оно меланхолически-разочарованное – мне понятно. Многие ехали с идеалистическими грезами, если не в уме, то в сердце. И когда они рушатся, это трудно пережить. Но у истории свои темпы, отличные от темпов индивидуальной человеческой жизни. Мы многое видели, посмотрим, что будет дальше. Но ничто из того, что я видел, не выходит за рамки истин, данных в «позитивном Откровении», которое теперь для Вас стало чем-то чуждым. Известный русский философ С. Н. Трубецкой писал как-то, что Откровение не может быть познано только в традиции, в памяти о прошлом. Оно открывается лично каждому и только тогда оживает. Протестантские авторы, на которых Вы ориентируетесь, хорошо знают это. Но здесь они перегибают палку. История всегда была важным элементом библейско-христианского сознания. Она шла, идет и будет идти по тем парадигмам, которые запечатлелись в Танахе и НЗ. Людям всегда предлагается некий выбор и решение и от этого зависит исход дела. Кризис иудаизма начался задолго до Христа. Он заключался в контрверзе между миссионерством и нац. замкнутостью (это видно уже из Кн. Ионы). Но даже замкнутость, хотя и противоречила идее миссионерства, была промыслительно использована для сохранения идентичности. Сегодня все это приняло еще боле странный вид, учитывая, что монотеизм (абсолютный) утвердился в исламском мире.

Я не думаю, что возврат к агностическо-пантеистическому сознанию, которое мы находим у Швейцера, есть подлинное решение вопроса. И ссылка на его гуманистическую деятельность ничего не меняет. Он ведь не один такой был. Я не собираюсь ни агитировать

Вас, ни переубеждать. Мы достаточно общались в прошлом, и Вы достаточно могли размышлять, читая и общаясь с людьми. Я только могу пожелать Вам, чтобы однажды Откровение стало для Вас не памятником прошлого, а голосом, обращенным непосредственно к Вам.

Храни Вас Бог. Привет семье.

П.С. Почерк Ваш разбираю с трудом. Хорошо бы, если бы писали на машинке. Это бы убыстрило дело, а то приходится расшифровывать.

* * *

Дорогой Миша!

Я очень рад, что Ваша встреча с С. и А. не разочаровала Вас и принесла новые светлые переживания, что возможность взаимопонимания не утратилась за эти годы. Вы напрасно думаете, что ошиблись, когда писали мне со всей откровенностью о Ваших мыслях и чувствах «вне Церкви». Для меня это косвенное подтверждение важности ее: того, что подлинная вера должна жить не только в «частной» жизни, а в общине. И еще: Вы сумели мне подтвердить, сами того не заметив, как важно воспринимать «религию» не как нечто высшее и внешнее, а как нечто находящееся в нас. Она не есть идеология в смысле «ответов» на все вопросы, а скорее сама есть вопрос Божий, обращенный к нам. Как мы ответим на этот вопрос или призыв и составляет сущность разгадки тайны нашей личной судьбы. Для многих, живущих здесь, также трудно ощутить, что «Церковь это мы»; они воспринимают ее как нечто внешнее, к чему они примкнули (и от чего могут

отойти при изменении обстоятельств). Вы вполне правы, ощущая кризисность в зап. мире. Это чистая иллюзия считать, что там идет правильное общественное и духовное развитие. Но кризисы шли в истории почти непрерывными полосами, а дух не угасал. Это происходило потому, что не иссякали те, кто были его носителями. В свое время Бергсон развил мысль о том, что дух прокладывает себе путь по узким руслам. Это похоже на дельту реки, где вода течет среди песчаных наносов. Дух Божий это жизнь, движение, а ему противится стагнация нашего «овеществленного» бытия. Т. обр. налицо известный дуализм, создающий двойственность всей истории и нашей личной жизни. Задача – не остановить ток воды среди наносов. Я знаю, что такие тонкие русла живой воды есть всюду. Они-то и являются солью земли.

Толя мне пишет. Но Анри совершенно исчез. Кажется мне, что у него не все благополучно. Что касается Ильи, то он изначально поставил себя в безвыходное положение, уезжая туда, а оставаясь душой здесь. Рад, что Ваша жизнь течет мирно, что дети растут. Спасибо за фото (вы там все очень милые). Думаю, что для всех олим жизнь всегда будет непростой. Но это тоже «судьба» и ее надо принять, как часть личного пути. Вообще очень верна мысль Швейцера о коренном отличии социального от личного. Ведь и Евангелие очень лично и как бы выносит социальное за скобки. Ляля сейчас у меня с сыном. Шлет Вам привет и новогодние (по-зап.) пожелания. И Наташа.

Храни Вас Бог.

Ваш [подпись]

Письма отца Александра Меня Михаилу Гальперину

Михаил Гальперин – духовный сын о. Александра. Прихожанин Сретенского храма в Новой Деревне с середины 1970-х годов.

[Октябрь 1976 г.]

Дорогой Миша!

Не знаю, с чего начать, т.к. вы очень много пунктов написали.

Что сказать о первых 7 пунктах? Я очень хорошо понимаю ваше стремление и нетерпение. Но всему свое время. Холодным быть не надо, но и горячиться тоже.

Вернее, нужно быть горячим, но с даром «рассуждения». Один подвижник говорил: «Если увидишь юношу, живым восходящим на небо, стащи его скорее вниз, а то упадет и разобьется». Нужно учиться жить в мире, но по-христиански, владея всем, но ничему не порабощаясь. Не следует искать самому подвигов, но твердо нести то, что дает вынести жизнь.

Наш – подвиг – рядом с нами, а не в чем-то необыкновенном.

Ускорить рост нельзя. Это все равно, что раскрыть преждевременно бутон своими руками. Цветок завянет, но у вас это не «слеза», а от возраста и от характера.

С характером связаны и некоторые претензии родителей. Их пугает, что у вас «глаза блестят». Но они будут у вас блестеть, чем бы вы не занимались (если это вас затрагивает серьезно). Быть может, они хотели бы видеть вас иным, часто у близких вызывают раздражение черты, которые они не любят в самих себе.

То, что вы не бегаете по женщинам – прекрасно и нормально. Полюбите кого-нибудь, тогда другое дело. А так? Вы же человек, а не [нрзб.]. Просто теперь все разложилось и естественное кажется ненормальным. Что касается театра, то я в вашем возрасте тоже мало ходил. А куда ходить? И читал я тогда тоже в основном книги научные и мировоззренческие. Когда разобрался во всем, стал читать беллетристику для развлечения. Я сейчас читаю и в ней не ищу «проблем», а отдыха.

Далее. Жить по расписанию очень хорошо. Все творческие люди этому правилу следовали или стремились к этому.

Меня позабавило их замечание о религии как профессии. Так ведь можно и что угодно назвать профессией. Когда-то я не был профессионалом и жил так же, как сейчас. Вы сами знаете, что религия, это не «область» жизни, вроде кулинарного искусства, а тот воздух, которым мы дышим в труде, общении, размышлении, искусстве, радости и печали. Это способ существования рядом с Богом. А вне Его нет ничего настоящего. Все пыль, все ускользает, как песок сквозь пальцы.

Впрочем, повторю то, что говорил Вам раньше. Вы должны не спорить, а жить и жить лучше, любить их больше, больше проявлять терпимости, чем хочется по свойству натуры. У них свои трудности, переживания, прошлое, нервы. Нужно беречь друг друга. Вот Вам и подвиг, вот и место приложения для выдержки, терпения и любви! И искать на краю света не надо!

Учитесь не обижаться на резкие слова, которые отец вам говорит. Он говорит их наверняка в порыве, но любя. Ему хочется, как каждому «предку» (он ведь и сам «предок»), чтобы дети были такими, какими их

задумали. Но задумка-то бывает туманная. Потом все прояснится и все будут в мире и [конец фразы отсутствует].

* * *

[Декабрь 1976 г.]

Дорогой Миша!

Вы не правы относительно моей «доступности». Все, кто хочет со мной о чем-то поговорить, улаиваются заранее. Я всегда нахожу время. Без предупреждения, естественно, я не могу выходить за пределы исповеди и кратких деловых контактов. Отвечу вам по пунктам.

1. Конечная цель – уметь находить Бога всюду, и в храме, и вне. Это есть цель, а не данность. Она достигается очень постепенно – с переменным успехом. Не следует к этому «прислушиваться», а просто идти в [конец фразы отсутствует].

2. Вы пишете с удивительной наглядностью о зле: «так и не понял». Этого «не поняли» умы, которые нас с Вами во много раз превосходят. Зло понять невозможно. Понять значит найти рациональный смысл. А в нем его нет. Истоки его в безумии, в темной воли твари. О его происхождении лучше всего писал Бердяев. Я едва ли лучше его скажу. В моем же приложении к [нрзб.] оно рассмотрено только в связи с библейским сказанием о падении. Потом дам вам почитать об этом Тейяра [де Шардена].

3. Трудность понимания людей происходит от привычной замкнутости на себя. И здесь должна выработаться интуиция другого. Это не умом достигается, а практикой, чувством.

4. Насчет необычности своей судьбы вы правы. Но в сущности каждая судьба необычна по-своему. Решать тайну и тайну своего призвания нужно под знаком вопроса: Что я могу сделать для дела Божия? Как могу свидетельствовать о Евангелии? Как могу быть его носителем? Быть открытым для действия Божия.

5. О наших ортодоксах скажу одно: они тождественны православным необскурантам. Живут мифами, формами, цепляются за [нрзб.] культивируют сознания. Это распространенный сейчас феномен во всех кругах, но только дух свободной веры, дух пророчества и Евангелия как раз и противостоит этому мракобесию. Единственное, что мы можем для них сделать – это быть самим не такими, жить «в духе и истине».

А в заключение еще раз о ваших первых фразах. Вы кажется преувеличиваете мое значение для Вас и роль [нрзб.] ведь [я] только скромный помощник и могу лишь «приглядывать», чтобы Вы не скатились куда-нибудь в сторону. А главное должно происходить в вас.

А. Мень

* * *

[Весна 1977 г.]

Дорогой Миша!

Человек должен стремиться к такому уровню жизни, чтобы вопрос о ее смысле был разрешен, но не только теоретически, а в повседневной практике, чтобы Вы жили полной, прекрасной, приносящей удовлетворение жизнью. Вы для того и созданы.

Но достигается это не приобретением ДЛЯ СЕБЯ, а умением быть чем-то для других, для «ближних». Кто

такие «ближние»? Это те, кто близко, кто поставлен рядом с нами.

Никому не нужен человек, человек несчастный, обворовавший себя.

Значит, повсюду нужно искать людей, которым Вы были бы необходимы. Конечно, вы скажете, что таковы родители, но здесь нет Вашего труда, Вашего участия. Они вас любят потому, что Вы их сын.

Значит, нужно уметь слышать, видеть, ощущать других людей, которые идут в жизни рядом с Вами.

Самое безнадежное и пошлое занятие думать: что я ПОЛУЧУ? Гораздо более важно спросить себя: что я могу ДАТЬ.

Принципы:

уметь слушать, уметь вникнуть в чужую проблему, замечать, если человеку плохо. Уметь дать ему выговориться. Уметь ему помочь. Такие люди будут недалеко от Вас и на работе и всюду.

Христос говорит нам «отвергнись себя». Это лучший рецепт для того, чтобы найти себя, обрести смысл.

Ребенок живет удовольствием, взрослый должен жить радостью. Удовольствие – эгоистично. Радость – открыта другим.

Слыша и чувствуя других, Вы избавитесь от ошибок в плане такта, и никогда не будете «говорить о веревке в доме удавленника».

Вы будете учиться сдержанности, предупредительности, готовности быть чем-то для других.

Хорошо в конце дня проверять себя: что вышло у меня по отношению к Богу, к себе и людям? Был ли я углубленным и высоко мыслящим, был ли добрым, отзывчивым, нужным и был ли я строг к себе.

Каждый – скульптор себя. Скульптор убирает из камня «лишнее» и выходит статуя. Так и Вы – убирайте лишнее, вредное и будет постепенно получаться настоящая фигура.

Сила дается только тем, кто упражняется. Под лежащий камень вода не течет. Но и камень, который катается туда-сюда бесполезен. Вы думаете: появится ли женщина, которую я полюблю? Конечно появится. Но прежде нужно научиться любить. Это тоже не просто.

Если порой не получается, никогда не поддавайтесь меланхолии. ТОЛЬКО ВПЕРЕД, не оглядываясь и не терзая себя лишними и пустыми колебаниями. А когда начнет получаться – сами это почувствуете.

Вот пока и все. Желаю успеха.

* * *

[Июль 1977 г.]

Дорогой Миша! Увы, адресов-то у меня нет, но это не так важно, поскольку времени у нас мало. Сами видите теперь, как нелегко быть свидетелем среди людей, погруженных в мелочи жизни. Это искусство, которому надо учиться всю жизнь. У него две стороны: 1) учиться быть самим собой в любых обстоятельствах, быть носителем Духа даже в бездуховной среде; 2) стараться не заикливаться на себе, учиться чувствовать других людей, понимать их точку зрения, их чувства и переживания. В этих двух аспектах – секрет нашей миссии в мире. И в отличие от людей века сего искать не счастья, а счастья в деле Божьем, в служении, и тогда придет само собой то, что называется счастьем. (Выражаясь словами Христа, «Ищите прежде Царства Божья и правды его».) Тогда жизнь будет не существованием,

а дорогой, завоеванием, постоянным открытием и вхождением. Борьба – закон жизни и прежде всего надо бороться с собой.

Надеюсь, что вы хорошо прогреетесь на солнце. Ведь Одесса-мама это не наш Север. Побродите всюду, не засиживайтесь на пляжах. Все-таки старый город сохранил отголоски своего прежнего средиземноморского облика, что-то вроде советской Италии.

Жду и молюсь.

Ваш пр. А.М.

* * *

[Август 1977 г.]

Дорогой Миша!

Получил оба ваши письма. Я радуюсь, что вы упорно идете вперед, хотя и спотыкаетесь. Да, в Одессе народ веселый и говорливый. Это для Вас соблазн. Поскольку мы решили, что Вы отныне будете «работать» под твердокаменного краснокожего индейца как слуги Рима. Когда трудно – не унывайте. Это нужно для Вас же. Сокращать количество – это первое. А потом придет и качество. Не все сразу. Дисциплина ума начинается с языка. Фальшивость же проистекает от того, что мы плохо чувствуем собеседника. Когда есть настоящий контакт, любые слова – лишь побочная помощь. И без них много понятно.

Есть слова Учителя: «Подними камень, и Я там. Разруби ветку – Я там». Вот так и отдыхайте сейчас. Чтобы море, деревья, люди – было все единое. И тогда мир и благодарность. И тогда уже не столь важно успел – не успел, добился – не добился, ошибся или нет. Так как главное открыто верно. Но Вы на подступах. И имейте

терпение и мужество. А Царство – это когда один царь, а все слуги Его.

Обнимаю Вас и целую.

Простите за краткость. Урезан во времени. А. Мень

* * *

[Осень 1978 г.]

Дорогой Миша!

Вы глубоко ошибаетесь, думая, что в христианстве мало от богослужения. Оно создало полноценный аналог галахи и прочего. Но именно здесь пункт, в котором скрещивается обрядоверие и свобода. Подумайте: нужны ли Богу наши жесты, наши правила и церемонии? Они просто служат как психологические подпорки для несовершенной нашей природы. Вы – член Русской Православной церкви следуйте ее правилам, они не хуже и не лучше всех других галахот. Иуд.[ео]-христианства пока не существует. И нечего пока ловить журавля в небе. Господь принимает нас в том законе, в котором мы живем. А сами по себе эти законы – тщета (см. ап. Павла). Главное – вера, доверие. Мы верим во Христа. Верим Ему. Верим, что общение с Ним, приобщение Ему, его спасающей силе, кресту и Воскресению вводит нас еще при этой жизни в Царство. Это – цель, а галахот – только средство. Было бы смешно выполнять в/з галахот. Они есть жесткая структура, которая имеет смысл только в общении с себе подобными. «Живем вместе по определенным правилам». А в одиночку все галахот бессмысленны. Правила помогают, а Вера, Надежда и Любовь спасают. Да, евр[еям] хр[истиана]м [Закон] оставлен, если они захотят оставить его, – Закон в смысле правил. Но посмотрите у апостола, он

великий провидец, последний пророк Израиля, человек, живший во Христе, что он пишет: никакая плоть не спасается делами Закона. И он прав тысячу раз. Стану ли я ближе к Богу, если воздержусь от рыбы без чешуи или свинины (которую и мусульмане не едят), если буду копать в этих устаревших табу? Кому-то они помогали не стать язычником. Но мы-то не собираемся быть язычниками. По существу, это все божественная педагогика, нужная лишь в определенных условиях. Дух, а не буква, вера, а не внешнее благочестие, путь за Христом, а не стояние в Галахе. Только так мы можем идти в будущее. Иначе – топтание на месте в мертвящей ортодоксии (православной или еврейской – все равно). Иначе пророки говорили впустую, а Евангелие не имеет смысла. Не путайте Тору с комментарием.

Ваш пр. А. Мень

* * *

[1978 г.]

Открытка [от руки, неразборчиво]

Дорогой Миша!

Все, что вы пишете о грехе – самое главное. Теперь остается один шаг. Поняв, что, если мы не можем выразить, мы должны вручить себя Ему. Поменяйте позицию и помолитесь над Рим 6-7.

Ваш пр. А. М.

Sola Fide!¹

¹ Только вера (лат.) (*Прим. ред.*)

* * *

[Осень 1979 г.]

Дорогой Миша!

Конечно, Вы поступили правильно с обменом. Ведь выбора не было. Потерпите, а там – что Бог даст. Уверен, что вы справитесь с работой. Главное перспективы. Ведь «осесть» прочно успеете. Пока рановато. Относительно мужа сестры, то я всегда готов с ним поговорить. Нужно только условиться о времени. Я рад, что вы общаетесь с дьяконом А. Он может Вам еще много дать. А обиды в отношении меня выветрятся, поскольку не на что по существу обижаться. Мои цели помочь Вам, и это порой бывает болезненно. Рост, рост, рост... Что касается Кюнга, то у него много ценного, но он слишком доверчив, почти слепо верит многим гипотезам: шатким и недоказанным. Главное не верно: Христос дал нам не новую теологию или философию, а Самого Себя. Это и есть тайна Нового Завета. Его приход означает, что до того, как совершится новое преобразование (мессианство пророков), Он сам приходит на наш путь, чтобы помочь двигаться в направлении Царства. Нет отдельного иудаизма как религии. Есть единая вера Откровения и Завета, которая проходит две стадии. Одна была в ВЗ и еще длится у верующих евр., а другая началась две тысячи лет назад. Но и многие христиане по имени фактически живут в первой «законнической» стадии (а первая стадия содержит в себе элементы второй) не просто в виде предсказаний, а по существу. Это и есть задача ваша. Войти во 2-ю стадию. С любовью!

Ваш пр. А. Мень

* * *

[Январь 1980 г.]

Дорогой Миша!

Отвечаю вам по пунктам.

1. Вы уже кое-что знаете, кое-что читали, хотя еще маловато, но в жизненном отношении нужно быть в чем-то маэстро. А это адресует [к] усидчивости. Что же поделаешь? Вы не можете сейчас менять профессию. Да, и на что ее сменяешь?

2. Надо пользоваться возможностями. А там видно будет. Работая на хорошей работе, можно без отрыва потом усовершенствоваться в программировании.

С. И[зраилем] это авантюра. Что она даст, кроме нервотрепки и помещения Вас под колпак? Возможность ехать? Но куда и зачем? Кто Вас ждет и где?

3. Очень одобряю с языком. Это полезно хотя бы для понимания Танаха.

4. Там свобода выбора тоже очень относительная. Сколько людей занимаются чепухой, только бы на хлеб заработать!

5. В Законе было много такого, что имело одну цель: оградить общину от языческих влияний. Отсюда – тысячи табу и пр. Даже Гиллель говорил, что главное в нем – этическое содержание. Если мы – дети Нового Завета, то по слову прор. Иеремии (31, 31) Новый Завет не похож на старый. Кроме того, «восполнение» Христом Закона придает ему новый вид и смысл. Это уже нечто новое – «Тора Мессии». Она сохраняет обряды ВЗ, но как второстепенное в сравнении с верой и этикой. И то – сохраняет только для иегудим. Традиция наша – Библия в ее целом и в ее основном смысле. Куда

как полно! Что нам еще надо? Внешнее все тлен. Нужен дух, а не буква. Пора вам взяться за апостола Павла...

* * *

[Середина 1980 г.]

Дорогой Миша.

Отвечу вам кратко, чтобы не было недоразумений. Христос сказал: «Не вы Меня избрали, а Я вас». Если он призвал человека в определенной конкретной общине, он должен служить ей, даже если она в трудных обстоятельствах. Это минимальный знак признательности тому источнику, из которого ты получил живую воду. Границы истинной Церкви определяет Бог. Но переход из конфессии в конфессию – дело свободной воли человека. Относительно католиков это бессмысленно. Мы и они – одна церковь, временно отчужденная, во-вторых у нас она фактически отсутствует. И выбора нет. Мы можем свободно пользоваться всеми ее ценностями, помня о нашем существенном единстве.

Сами католики сейчас поняли, что дело единства достигается не прозелитизмом, а сближением. Что касается малых общин вроде пятидесятников, то общение с ними все же должно означать разрыв с церковью вселенской и апостольской, частью которой является православная восточная церковь. Есть же католические пятидесятники. Я считаю такой разрыв грехом, т.к. он мешает экуменизму, сеет недоверие и дух конкуренции. И это отбрасывает все дело назад. И вместо идеала Христова «да все едины будут», получается – каждый сам по себе и каждая группа – «отрезанный ломоть». Вот так.

Ваш пр. А. Мень.

* * *

[Осень 1980 г.]

Дорогой Миша!

Я уверен, что в смысле работы нужно выбирать то, что даст большие перспективы. Оседать Вы еще успеете. И семьи у вас пока нет. Так что дело не в зарплате, а в будущем. Относительно брака – не тревожьтесь. Что делить шкуру неубитого медведя? Ее пока нет. Будет – будем решать. Никогда я не говорю то, что хотят от меня слышать, а просто люди слышат то, что хотят. Когда Вы говорите о примитивном христианстве, то говорите не о нем, а о его искажениях. – семитизм не есть свойство христианства, это просто языческие пережитки у народов, которые приняли христианство не полностью. Законом не спасаемся, ибо Закон есть знак пребывания внутри Народа. Но одной причастности к народу мало. Бог может делать его из камней. Раввины (многие) понимали это. Христос указал, что есть Закон – любовь к Богу и человеку. Ап. Павел указал, что спасает по-настоящему (приобщает к Богу) вера в Бога, явленного в Иисусе Назарянине. Имя Его уже не только Сущий, но и Иисус. (В Нем открывается нам, Кто есть Бог и каков должен быть человек.) Но в свете причастия к Иисусу и Закон приобретает смысл как второе посвящение Богу (по плоти) благодаря ответственности члена народа Божия. Где жить? Что любить? Все Божие. И все любить надо, с чем сталкиваешься, если это доброе. А дурное всегда дурно, где бы оно ни было. Черное – в Израиле, в России или в Америке должно быть для нас черным и – наоборот. А о будущем не очень задумывайтесь. Еще рано.

Трудитесь. Бог все укажет. Взаимно поздравляю.

Ваш пр. А. Мень.

* * *

[Зима 1981 г.]

Дорогой Миша!

Ваша ошибка в рассуждениях о любви – в недифференцированном подходе. Вы все словно объединяете. Любовь муж. и женщины одно, а любовь между друзьями – другое. Женщина может полюбить даже мерзавца. А дружба возникает на основе чего-то иного. Заработать любовь нельзя, но можно создать предпосылки к этому чувству. Если вы встретили женщину, которую можете полюбить, и она – Вас, а сами будете вести себя по-хамски, то любовь легко может не состояться. Ее ростки будут убиты в зародыше. Кроме любви есть человечность, есть учет другого, его чувств, понятий, его души. Если Вы будете думать только о своих чувствах, Вы себя оттолкнете от людей. У вас есть слабость – «говорить о веревке в доме удавленника». Я это уже не раз вам писал. Отчего это? От садизма, от зла, от желания сделать больно? Нет. Вы добрый человек. Просто от того, что вы не чувствуете другого, не чувствуете, что ему можно сказать, не чувствуете его понятия и состояния. Вы полны своим и можете в доме полужнакомых людей держать себя, как интимный друг. Отсюда масса недоразумения и конфликтов. Любовь любая редко бывает слепа. Напротив, она хочет, чтобы объект был лучше, чтобы он был достоин любви и уважения. Бестактность друга и любимой ранит людей даже больше, чем бестактность постороннего.

Мнение о. А. (Шуры) имеет смысл. Он во многом прав. Но к тем критериям, которые он указал, нужно все же что-то важное, чувство, ощущение, что человек тебе дорог, мил, желанен. Впрочем, есть и такие люди,

которые обходятся без этого. Вы – едва ли. Поэтому надо сначала посмотреть: есть ли в девушке это, а потом рассчитать – то или нет. Но м.б. и наоборот: видишь, что очень подходит и тогда настраиваешь себя на чувство. Порой выходит. Вы ждете от Бога подарка. Очень хорошо. Но и Землю Обетованную Бог подарил Иисусу Навину. Но подарок тот пришлось завоевывать. Простые подарки дарит только бес, чтобы сманить. Как Басаврюк² Гоголя, которому галушки летели в рот. Вы говорите, хочу творчества, а не работы. Но ведь творчество без труда – пустая химера. (ср. Пушкин, Толстой, как они писали). А вопроса вы мне не поставили. Я поэтому не могу внятно ответить. Вы боитесь расчетов дьявола, а сами рассуждаете. Рассуждаете... Нравится та девушка, пусть не во всем – женитесь и живите с ней. Нет – не морочьте ей голову. Вы, конечно, ждете такой, которая сразу будет обмирать о Вас. Но такая может попасться лет через 20, а то и совсем нет. Хотите – ищите, завоевывайте и берите. Нет – сидите так. Но главное не в этом. Главное в умении видеть другого. Тогда все прояснится. А еврейка или нет – какая разница. Все люди – люди. Любовь, как и вера, не знает границ.

Храни вас Бог. Ваш А. Мень

* * *

[Весна 1981 г.]

Дорогой Миша!

Я сразу о проблеме, которая Вас волнует. Она ведь изначальна. Вы говорите ап. Павел, но ведь с такого опыта Христа мы начинаем. Без этого – зачем становиться

² Басаврюк – персонаж повести Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала». Карманы Басаврюка были набиты золотыми червонцами, и он устроил на селе пьянки-гулянки. (*Прим. ред.*)

христианином, креститься и пр. Вы пишете: почему мало было «Мессии». Достаточно было. Апостолы другого и не искали, и не ждали. Но они нашли нечто иное. Не временное откровение Сущего через пророка, который при том все оставался сам по себе, а совершенно иное богочеловеческое самосознание. Сознание такого тождества с Отцом, которого не было ни у одного из пророков. Поэтому спрашивать почему? – нужно только у Него, а не у Церкви. Он создал Церковь и открыл Себя ей как Сын, которому «все предано», как Сын Человеческий, «грядущий на облаках». Для нас Он не был, а есть, остался в мире, и в этом смысл Пасхальных событий. Обо всем, впрочем, сказано и писано многими, мной в том числе. Вы же читали Трубецкого, где подробно рассмотрен вопрос о том, как и что Иисус говорил о Себе. Остальное дело веры, дело внутреннего видения и встречи. Тут никто не поможет. А я хочу, чтобы вы сами это нашли и пережили, а не просто брали от меня. Вот одна из причин, почему я общаюсь с вами не так, как вам бы хотелось. При более тесном общении, вы никогда не встанете на ноги.

Относительно того юноши, то дело не в его планах, а в болезни. Я его знал мало. Но знаю, что это так.

Обнимаю, ваш А. Мень

* * *

[Август 1981 г.]

Дорогой Миша!

Я по-прежнему хочу подчеркнуть, что без личного опыта общения со Христом настоящего христианства нет. Вы спрашиваете: много людей такой опыт имеют? Думаю, что много, на этом опыте той или иной

интенсивности все стоит. Это и приводит к христианству. Если Вы его не отрицаете, его нужно искать, к нему стремиться, о нем молиться. Когда Он сам ответит. Тогда многое теоретическое станет яснее. Когда Христос говорит о Себе как о Единственном, что имеет единение с Отцом («Одно»), можно Ему не верить, но, если веришь – это и есть христианство. Относительно Богочеловека. Предречены были две вещи: приход Мессии и Богоявление. В лице Христа оба пророчества соединились. И Церковь верит, что в Иисусе природа человека и Божия тайна (пребывают?) «неслиянно и нераздельно». Мы смотрим на эту веру как на откровение, которое продолжается и после [нрзб.]. Книги. Здесь нет противоречия с книгой. В Писании ясно выступают две природы Христа: с одной стороны, Гефсиманская молитва, а с другой: «А Я говорю вам». Здесь Он Свое учение ставит наравне с Танахом.

Спасение есть приобщение к божественной жизни. Но оно могло быть достигнуто в полноте только через непосредственное вхождение Сущего в мир, инкарнацию. Является оно в опыте Христа, который оставил нам Себя, а не доктрину. «Я с вами во все дни». «Я – альфа и омега».

Тот узел, который не может разрешить теоретическое рассуждение, а он разрешается только в молитвенной жизни и вере. Ищите этого и просите этого.

Пр. А. М.

* * *

[Октябрь 1981 г.]

Дорогой Миша! Я бы на Вашем месте не отказывался ни от какой дополнительной работы, но при условии,

если она, действительно, полезная, нужная и, если не требует слишком большого «покривения». Если же нет – то лучше отказаться под любыми предложениями...

Жаль мне, что Вы идете «безрадостным»: разве мало доброго, хорошего и прекрасного вы встречаете в жизни?

Не так уж все плохо, как кажется.

Относительно предложения д. Ш. [дьякона Шуры?] то я не знаю: ведь вести можно, если сам принял, какую-то определенную установку, и Вы сами мне говорили и писали, что в главном у Вас еще многое в тумане... Вот основное, как мне кажется, препятствие, можно учить плавать, если сам ты плаваешь, а не просто теоретически.

Храни Вас Бог.

Ваш пр. А. Мень.

* * *

[Апрель 1982 г.]

Дорогой Миша!

Мы тогда не смогли поговорить! Но я считаю Вас уже вступившим во второй класс и поэтому (если нет срочности) у нас все впереди. Вы писали мне «живу средне». Это вот меня огорчает. Жить средне нельзя. В том, что мы имеем как раскрывающийся дар, какая же среднесть. Есть упорное восхождение. Куда и какими средствами – вы знаете. Это [?] помогает – тоже. В чем нужно углублять свои знания и сердце – тоже. А что есть неясности профессиональные – это дело вторичное. Утрясется как-нибудь. В изучении ВЗ научитесь. Дух его стоит над временным. Над частным, племенным, этнографическим. А это главное. А не то,

что ограничено определенными формами. Основа всего: Мих 6, 6–8. Личная проблема решится рано или поздно. Если будете смотреть внимательно вокруг. Ваше столкновение на Рождество связано с тем, что вы не бережете время. Его мало. Лучше почитать полезную книгу, (Вы мало читали), чем таскаться в кругах, которые нам враждебны и чужды. Что вам за дело до узколобых «партийных» евреихоменистов? Предоставьте мертвым погребать своих мертвецов. Тогда не будет повода впадать в грех «отречения». Нельзя сидеть на двух стульях. Какой толк?

Желаю Вам крепости и серьезности.

Всегда ваш А. Мень.

* * *

[Август 1990 г.]

Дорогой Миша!

Простите, что долго не отвечал. Уезжал в командировку в ФРГ, а затем был в отпуске в Италии.

Что же сказать Вам, дорогой мой!

Это предвидели и знали. Как растение с трудом приживается на новой почве, так и человек. Вы же не ребенком уехали. И уехали из отечества, как бы вы к нему теоретически не относились³.

Придется терпеть, работать, привыкать. Молиться. Ничего другого нет.

В конце концов это тоже жизнь. Наверно найдутся и там какие-то теплые очаги. Хотя не хочу вас обольщать. Никто пока их не нашел.

³ Михаил Гальперин эмигрировал в США, возможно, в 1990 г., или раньше – точно это неизвестно.

Не потому, что их нет, а потому, что люди не приспособлены к среде, не могут в ней ориентироваться. Главное – это укрепить ваши личные дела, «дом», ведь все вокруг чужие. Надо, чтобы не было этого за оградой дома.

У нас жизнь трудная, но насыщенная работой. Что будет завтра не знаем. Пока же я делаю что могу: служу, начинаю воскр.[есную] школу, институты, радио, ТВ, пресса и пр. Кроме того – больницы и др. Даже с заключенными интенсивно переписываемся. Теперь им разрешают слать лит-ру. В день – около 10 писем... За все это – слава Богу.

Обнимаю вас и жену.

Ваш пр. А. Мень.

Письмо отца Александра Меня Юлии Большаковой¹

Письмо о сотворении и развитии мира и человека – в ответ на вопрос об этом.

Дорогая Юлия!

Попробую ответить кратко на Ваш вопрос. Существуют два плана истории мира и людей: внешний и внутренний. Внешний исследуется наукой, внутренний – открывается в Писании. Гипотеза Бердяева («Смысл истории») была известна еще в древности у Отцов Церкви. Но естественней было бы рассматривать оба аспекта параллельно. Внешне мир развивался путем эволюции, причем новые качественные его этапы развития обусловлены были творческими силами, заложенными Творцом в творение: организация, жизнь, разум. Первый человек, конечно, был своего рода чудом, как чудом была жизнь на фоне неживого вещества.

С точки зрения внутренней. Человек возник из двух источников: из эволюции (психофизическая природа) и дара свыше (бессмертный дух). Есть основания полагать, что дар этот был изначально незамутненным, но в результате какой-то первичной болезни (грехопадение) оказался слабым перед лицом своего материального несовершенства. Фактически история людей стала возвратом к этой утраченной чистоте, но уже при активном участии собственных сил (прежде шла борьба хаоса и порядка, жизни и смерти, а теперь между добром и грехом).

¹ Юлия Большакова – иконописец; жена Льва Большакова (из Ленинградской общины о. А. Меня); Лев Большаков был крещен о. Александром в 1981 г.; в 1990-м рукоположен в священники; с этого времени и по сей день – настоятель православного прихода г. Кондопоги. (*Прим. ред.*)

Библия дает все это образно, «мифологично», метаисторично. Человек есть «прах» (дитя земли) и «дыхание Божие» (дитя Творца). Он был создан Владыкой мира, мира несовершенного и падшего, с тем, чтобы вернуть его к Богу. Но он сам оказался вовлеченным в мировое зло. (Момент антропогенеза – тот, когда Бог вложил в человека дух).

Соответствует ли Адаму первый индивидуум или он только мистико-собирательное понятие – вопрос второстепенный (вероятно, должны были явиться когда-то «первые настоящие люди»). Но образы потомков Адама из I – II глав Бытия безусловно собирательные. Каин – олицетворение земледельческой, оседлой цивилизации с ее успехами и грехами; Авель – пастух; Ной означает то ядро людей, которое положило начало новым поколениям. Современные исследователи смотрят на Переднюю Азию как на прародину настоящего человека, но данные Библии здесь символические (там и Месопотамия условная – ограниченная четырьмя реками, символами четырех сторон света). Отцы Церкви учили, что Едем это не столько «место», сколько состояние изначальных людей, имевших незамутненное Богообщение. К сожалению, на русском об этом нигде нет. Только в «Магизме» и «Истоках».

Суммирую по пунктам.

1) Все тварное бытие слагалось из видимого и невидимого, тесно взаимосвязанных.

2) Невидимое должно было иметь свободу в самоопределении (в отношении к Творцу).

3) В нем возникла противоборствующая замыслам Творца сила.

4) Она определила несовершенные элементы природы (распад, непроницаемость).

5) Творение в силу этого стало историей преодоления Хаоса силами Логоса (структура, жизнь, разум).

6) Разум призван стать «Мессией» природы.

7) Он оказался под властью разрушительных сил.

8) Но как порядок и жизнь противостоят Хаосу и смерти, так и в истории дух и разум борются против темного начала и зла.

9) Одним из важнейших тормозов для развития духа был магизм с его притязанием на власть (иллюзорную) над тварью независимо от Бога (это – то, что роднит магию с тайной Грехопадения). Магизм живет во всех притязаниях человека, противостоящего воле Божией.

10) Откровения и высшие постижения религий бросят магизму вызов.

11) Бог (Логос) Сам входит в поток творения, чтобы содействовать победе света (Боговоплощение).

12) Подлинная «история» начинается с великих религий и обретает полный смысл во Христе.

13) Его пребывание в мире также поныне остается борьбой с антагонистическим духом (Антихрист).

Учение о грехопадении говорит не только о том, что было в начале, а также и о состоянии мира и людей. Это прототип греха для всех веков. Идеал: человек, «образ Божий», властвует над природой (в т.ч., собственной) в гармонии с волей Божией, но он же пытается найти пути для собственной автономной власти («познание добра и зла»). Грехопадение и магизм (в т.ч., технический) говорят: да будет воля моя. Возрождаемый через Благодать человек говорит: да будет воля Твоя.

Посмотрите еще в книге Тейара [де Шардена] «Феномен человека» (М. 1965).

Простите за краткость. Надеюсь всех вас увидеть.

Храни вас Бог. Ваш [подпись]

Письмо отца Александра Меня Юрию Табаку

Юрий Табак – религиовед, автор и переводчик книг и статей по иудаике, и истории иудейско-христианских отношений. Живет в Москве.

Ниже, перед письмом отца Александра, мы помещаем комментарий адресата, присланный по нашей просьбе, для данной публикации.

* * *

В начале 80-х годов XX века в среде московской интеллигенции, близкой к о. Александру и интересующейся религиозной проблематикой, оживленно обсуждался ходивший в самиздате перевод книги швейцарского теолога Ганса Кюнга «Быть христианином», где он поднял ряд самых разнообразных вопросов относительно церковной доктрины и жизни Церкви. Сам он называл книгу «суммой» христианской веры. И ответы на многие из них у Кюнга прозвучали довольно радикально, за что в итоге Ватикан запретил ему преподавать от имени Церкви.

Для православных в России и вообще для религиозного сознания россиян поднятые Кюнгом вопросы были еще более актуальны, чем для Запада, в силу значительно большего традиционализма и консерватизма православия и церковной иерархии. Мне эта тема была также интересна в самом широком смысле, и я попросил о. Александра ответить на ряд вопросов, в частности, о возможности более гибкого отношения к культуре и догматике ортодоксий монотеистических религий,

то, что я называл «десакрализацией». Я привел исторические примеры динамики доктрины и нескольких концепций средневековых и современных богословов, отметил, что Кюнг отходил от традиционного католического представления об Иисусе как богочеловеке, тяготея к протестантскому и в некотором смысле иудейскому видению, и поинтересовался на этот счет мнением о. Александра.

Кроме того, мне была интересна сама концепция о. Александра о динамике религиозной мысли, запечатленная в его шеститомнике и «Сыне Человеческом»: от первичных религиозных воззрений к христианству как вершине. Мне она казалась и кажется спорной, при всем том, что о. Александр выстроил ее очень развернуто и логично. Вопрос для меня состоял в том, что в построение иерархической системы такого рода вмешивается элемент веры, поскольку чисто рационально преимущество одной развитой религиозной системы над другой выявить, как мне думалось, невозможно, даже в рамках одной религии (к примеру, католицизм и протестантизм) – они зачастую базируются на разных исходных основаниях, и выбор такого основания во многом определяется индивидуальными пристрастиями. Так, помню, как Григорий Померанц задал о. Александру по этому поводу логичный вопрос: «А почему вы в основание положили буддизм, а в вершину христианство, а не наоборот?»

На все эти вопросы о. Александр ответил даже значительно более развернуто, чем я ожидал, и, по сути, охарактеризовал христианскую доктрину в динамике, отметив ее специфику сравнительно с еврейской пророческой традицией и другими религиозными системами.

Письмо это мне представляется довольно важным и как элемент наследия о. Александра, и с точки зрения выстроенной религиозной конструкции.

Юрий Табак

Москва, 16 января 2025 г.

* * *

[ноябрь-декабрь 1983]

Дорогой Юра!

Простите, что не сразу ответил. Долго не был дома.

Вы подняли так много серьезных вопросов, навешанных преимущественно книгой Кюнга, что я едва ли смогу на это ответить с достаточной полнотой.

Прежде всего о том, что Вы называете «десакрализацией». Действительно, понятие сакрального, «религиозного» тесно связано с теми преходящими формами, в которую облакается духовная наша жизнь. «Сакральное» в известной степени связано с человеческими традициями и является неотделимым от «религии», как выражения веры. На высотах созерцания вера все больше освобождается от этой преходящей оболочки. И Вы правы – наши краткие (много повторяемые молитвы) пришли из опыта подвижников, которые часто жили вдали от храмов и внешней церковной жизни. С другой стороны, такие радикальные протестанты, как Бонхёффер тоже пытались обрести «безрелигиозное» христианство, т.е. – по возможности свободное от исторически-обусловленных форм.

Но законен вопрос: допустимо ли для нас, стоящих на начальных этапах пути, пренебрегать теми «строительными лесами», которые создавало веками наследие и богатый опыт Церкви. Мы не чисто духовные

существа: мы сами исторически-обусловлены, мы входим в Церковь через ворота той или иной ее традиции. Поэтому думается, что преходящие средства не стоит так легко отбрасывать. Лишнее, отжившее само отойдет на задний план по мере «восхождения», если таковое будет у нас совершаться. Здесь есть опасность впасть в противоположную крайность. Если одни обоготворяют, фетишизируют виды обрядов и молитвословий, то другие – неправомерно и преждевременно хотят стать над ними и, как Вы сами выразились, «выплескивают с водой и ребенка».

Это касается и догматической области, на которой сосредоточен Кюнг. У него есть опасность снизить тайну христианства до уровня среднеарифметического сознания; между тем Библия говорит, что человеческая мысль никогда не исчерпает ее.

Следует различать догматы и догматическое богословие. Это последнее всегда претерпевало изменения. Оно не есть откровение тайны Божией, а человеческая рефлексия, мысль, пытающаяся вместить и охватить Неисповедимое.

Иное дело – догматы. Они не претендуют на философско-отвлеченное, адекватное выражение тайны. Они лишь намекают на нее, используя условные символы. Это знаковая система, которая со временем наполняется все большим содержанием (но никогда не исчерпает Абсолютное).

Вы говорите о консерватизме богословия. Это справедливо, но лишь отчасти. Подлинные вехи его истории – всегда новаторство. Новатором был апостол Павел, новаторами были и Отцы, которые приняли небиблейский термин «единосущее». Новаторами были прп. Иоанн

Дамаскин и Аквинат, использовавшие для своих построений Аристотеля. Самая суть святоотеческого творчества заключалась в открытости человеческому – философии, литературе, искусству, актуальным вопросам современности.

Но это творчество угасло в раннее Средневековье из-за низкого уровня христианской культуры и мысли. Только великие схоласты двинули его дальше. А затем пришли учения о трех царствах Иоахима Флорского, рационализм Абельяра, иррационализм Паскаля, христианский интуитивизм, экзистенциализм, персонализм и пр. Как и во времена Отцов все новое встречало сопротивление, и это не случайно. Дело в том, что под видом нового переосмысления Евангелия в христианство проникали (и довольно активно) чуждые его духу элементы: гностическая теософия, платоновский спиритуализм, иранский дуализм, пантеизм и пр. Собственно эти атаки и вызвали создание тех немногих формул, которые мы называем догматическими.

Вл. Соловьев очень хорошо показал, какие две тенденции были основными. Одна настаивала на примате «безбожного человека», а другая – «бесчеловечного Бога». Между тем, в явлении Христа была открыта тайна Богочеловечества, единственная, которая могла быть вожделенным венцом св. истории. Попытки древних еретиков представить Христа только Богом или только совершенным Его творением были направлены против богочеловечества. И утверждение догмата, что Христос – истинный Бог и истинный человек противостояло этим уклонам, которые фактически аннулировали Откровение Богочеловечества. «Христианство есть откровение совершенного Бога в совершенном человеке» (Вл. Соловьев).

Однако, несмотря на догматический заслон, все чужеродные элементы украдкой проникали в Церковь. Отвращение к плоти было чисто неоплатоновским, попытки проникнуть в сокровенные структуры мироздания и духа явно проистекали из гностицизма. Что же касается христологии, то она, формально сохраняя свою незыблемость, психологически заразилась монофизитством: на Христа стали смотреть только как на Бога, игнорируя столь важное – Его человечность.

В качестве реакции на это и возникла либеральная христология, представителем которой является Кюнг. Своим происхождением она обязана кантианству. Одним из первых ее представителей был на рубеже XVIII и XIX веков Фридрих Шлейермахер. Дальше его мысли развил Альбрехт Ричль. Их замысел заключался в том, чтобы освободить христологию от метафизики и вычленить «подлинное учение Иисуса». Ричль считал, что мы не знаем о Боге ничего, кроме открытого Христом. Будучи кантианцем, он отрицал возможность для человека проникнуть по ту сторону «вещей в себе». Своей вершины либеральная теология достигла в трудах Адольфа Гарнака. Как историк Церкви он очень много сделал для доказательства древности синоптиков и строил на них свою христологию. В лекциях «Сущность христианства» он дал классическое выражение того, что столь многословно излагает Кюнг. Христос, по Гарнаку, был единственным исключительным человеком, в Котором была абсолютная вера, Который благодаря ей жил в полном единении с волей Отца. Заслуга либеральной теологии несомненно велика. Она вернула человечность Христа в христианскую мысль. Но напрасно Гарнак и др. выдавали это за объективный

результат исторической мысли. Это была форма веры, их веры, а не научного знания. Оставалось только сравнить их веру с исконной, той, что была у апостолов.

Вам хорошо знакомы имена людей, которые положили основание главным современным религиям. Но ни один из них, будь то Будда, Конфуций или Магомет, не воспринимались как живое Откровение Божие. Они ясно осознавали себя людьми, пусть многого достигшими и получившими Откровение, но все они, образно выражаясь, «стояли у подножья Синая». Даже Моисей, который взшел на его вершину, пал ниц перед Славой Сущего.

В этом отношении Христос неповторим. Только у Него мы находим высшее сознание Дающего ответ, а не вопрошающего или ищущего истину. Это можно видеть и у синоптиков, но особенно у Иоанна.

Правда, четвертое Евангелие пытались отнести чуть ли не концу II века и изобразить чисто-богословским произведением. Но сейчас кумранские открытия показали его теснейшую связь с Палестиной и древнеиудейской традицией. Даже слово Логос, оказалось, происходит не от греческой философии, а из пророческой и раввинской традиции. Есть даже авторы, которые утверждают, что IV Евангелие – самое раннее. Итак, мы не можем вычеркнуть его из числа первоисточников. А оно говорит о неповторимом единстве Отца и Сына.

Что же это значит? В Ветхом Завете мы имеем дело с мистическим феноменом, когда Бог на время всецело овладевал пророком, становился его «альтер Эго» /причем сам пророк не терял своего самосознания/. У Христа, как это видно из евангелий, такое сознание было Его природой, а не отдельными вспышками. Именно так

его восприняло и первое поколение верующих. Церковь основал не Учитель морали, а Тот, Кто сказал о Себе: «Я свет миру». Хотя многие, например, ап. Павел, понимали, что в Его лице Бог умален (отсюда те, смущающие некоторых, выражения вроде «Отец Мой больше Меня»), но все же Его сверхъестественность, божественность была для них очевидной. Само выражение «Сын Божий» (в соответствии с библейской фразеологией) указывало на Его сопричастность Сущему. Апостолы не проповедовали «учение» Иисуса и не указывали на Него просто как на «пример». Они «благовествовали Иисуса» (Деян 8:35).

Кюнг очень хорошо говорит о пребывании Христа в мире и после Его земной жизни. Он есть явление Бога в человеке. Спасение дается верой в Него (ап. Павел), единением с Ним, а не с Его учением. Поразительно, что эту тайну сформулировал ап. Павел, который не знал Христа «по плоти».

Он стоит во главе миллионов тех, кто открывает для себя «жизнь во Христе» как спасающую силу.

Божество сверхлично, как это показал опыт мистиков всех религий. Личный Его аспект открывался пророкам в подавляющем «огненном» опыте, но они же предсказывали, что наступит час полного Богоявления. Либо они заблуждались – либо Лик Божий явлен нам в Лице Иисуса Назарянина. В сущности, на этом зиждется вся сила Церкви, в этом залог ее постоянного возрождения силой Христовой, а не человеческой только.

Теперь о Кюнге. Книга его полна замечательных мыслей и была бы очень полезна, если бы он не размышлял общехристианского видения Христа в туманной доктрине, которая никак не вытекает из его доверчивого

отношения к спорным гипотезам. Честнее было бы поступить, как его предшественник Гарнак, и не пускаться в метафизику. Ведь его христология не есть нечто строго вытекающее из фактов, а его субъективная концепция, его верование. Он не колеблясь выдвигает сомнительные утверждения критики как бесспорный вывод науки /а на деле это не так/. Он не верит, что в Евангелиях сохранились подлинные слова Христа, большую их часть он вслед за Бульманом относит к творчеству «общины». Но где в этой общине были люди, способные создавать такие слова, как Нагорная проповедь, и такие притчи? Даже Павлу, самому выдающемуся, это было не по плечу (сравните Евангелия и Послания). Как заметил один богослов, Бульман думает, будто с вознесением Господа все Его непосредственные ученики были тоже взяты на небо, а «общине» пришлось все изобретать заново по смутным воспоминаниям. Если так, то мы ничего не знаем, о Христе, кроме того, что Он существовал и чему-то учил. В таком случае, какое право у Кюнга строить какую-либо христологию и тем более давать столь развернутую и вдохновенную реконструкцию Благовестия Христова? Опираясь сначала на самые крайние гипотезы критики, он не удержался в рамках неокантианской либеральной теологии, а создал (фактически на пустом месте) свое метафизическое учение.

Его ссылки на новозаветную науку опасны для неискушенного читателя, который может принять все это за чистую монету. А между тем любой тезис критики имеет у ученых и столь же веский антитезис.

Я убежден, что людям неподготовленным это только вредно и посеет неоправданную смуту в душе. Это

деструктивный процесс. Ведь наша главная задача углублять силу веры в диалоге с Распятим и Воскресшим, а научные оговорки допустимы лишь тогда, когда они абсолютно бесспорны. Для богословов Кюнг полезен, интересен, но не нов. Я лично предпочел бы Шлейермахера и Гарнака.

Что же касается догматических формул, то их немного и они, повторяю, настолько емки, что оставляют поле для самых широких обобщений и размышлений. Заменять их бессмысленно. Если в физике мы пользуемся терминами античного происхождения (материя, атом и т.д.), это не мешает вкладывать в них более глубокое и полное содержание. В сущности и сам Кюнг склонен к этой мысли.

Кажется, что Ваша мысль заключается в вопросе: не могут ли богословские определения Кюнга пригодиться современному сознанию? Но мне кажется, что такие понятия, как «представитель», «уполномоченный», «посланник» не слишком удачны. Они могут быть отнесены и к пророкам. Ничего специфического, что определяло бы Личность Иисуса в них нет. Кюнг много говорит о том, кем Он не был, но очень туманно – о том, кем Он был, по его мнению. Это напоминает мне критику А. Швейцерам всех систем этики, которую он завершает своей этикой благоговения перед жизнью. Он не замечает, что все, что он сказал против своих предшественников легко обернуть и против него самого. В этом отношении попытки русских религиозных философов – выше. Они только требуют дальнейшего развития. А если развивать Кюнга, то быстро выйдешь совсем за пределы христианства.

Вот, дорогой Юра, несколько соображений, которые вызвало у меня Ваше письмо и чтение Кюнга.

В заключение я приведу несколько примеров. Кюнг пишет, что «Церковь, в смысле обособленной от Израиля общины, является определенно послепасхальной величиной» (458). Но откуда такая уверенность? В те дни существовало, по крайней мере, пять-шесть таких общин, которые в той или иной мере обособлялись. Есеев возглавлял совет Двенадцати.

Так же поступил и Христос (Двенадцать напоминали о 12 патриархах, основоположниках ветхозаветной Церкви). О том, почему Христос редко употреблял слово «церковь» я уже говорил в своей книге. Это слово тогда означало иудейскую общину.

Далее, наименование «Мессия» Кюнг относит к «более позднему вероисповеданию общины» (463). Между тем это была одна из главных причин суда над Иисусом, хотя и косвенная. Вход в Иерусалим, описанный у всех евангелистов, был явно мессианским актом. С другой стороны, Образ Христа мало соответствовал народным понятиям о Мессии, чтобы апостолы с а м и, помимо Его воли, пришли к такому отождествлению. Сам Кюнг признает, что Он называл Себя Сыном Человеческим; но этот титул в Кн. Еноха и Даниила отнесен к Мессии.

Кюнг отрицает историческую достоверность пребывания Христа в Финикии и Декаполисе, но не приводит никаких аргументов в пользу этого совершенно произвольного предположения. Причины ухода Христа из пределов Палестины были продиктованы необходимостью. То, что Его ученики получили власть крестить, Кюнг называет «исторически недостоверным». Почему? Все это повисает в воздухе (525).

Говоря о Воскресении, Кюнг пишет: «Подлинным чудом воскресения является то, что Бог проявляет Свою силу – при всем сохранении законов природы – там, где для человека уже все кончено» (572). Но какой серьезный ученый будет с такой уверенностью утверждать, что нам все известно о законах? Само явление Христа было проявлением на земле иных законов, и в Воскресении это нашло высшую точку осуществления. Если бы не было воскресения – не было бы и христианства. А о нем Кюнг пишет столь туманно, что разводишь руками. Создается впечатление какого-то богословского лукавства. Куда последовательнее Гарнак, хотя объяснение его невероятно плоско: «Если бы это воскресение означало лишь то, что умершая кровь и плоть вновь ожили, мы живо покончили бы с этим преданием. Но ведь это не так... Вера в воскресение зиждется на убеждении в торжестве Распятого над смертью в силе и благодати Бога» («Сущность христианства» гл. IX). Но в таком случае почему не считали воскресшими Моисея или других пророков, погибших насильственным образом?

Кюнг пишет, что Иисус «верил в непосредственную близость Царства Божия», как эсхатологического переворота (334). Эту мысль он заимствовал у А. Швейцера. Между тем, как показал еще Чарлз Додд, притчи о Царстве подразумевают «рост», постепенное созревание (как у зерна). Христос говорит о конце времен, когда «исполнится время язычников» (срок неопределенный), и о проповеди Евангелия во всем мире. Разумеется, эсхатологические представления эпохи наложили печать на евангельский текст и Сам Господь, говоря о будущем, прибегал к традиционным картинам апокалиптики

(как и пророки). К тому же надо отметить, что всякое пророчество (возвышаясь над временем) неизбежно укорачивает хронологическую перспективу.

И наконец, о Ваших практических вопросах. Ответ на них тот же, как и на вопрос: нужно ли читать Кюнга? Кто эрудирован и подготовлен, вполне может понять обсуждение таких проблем. Но прочим лучше не втягивать в то, что им не под силу и только внесет смуту и соблазн. Что касается наших «рознящихся» представлений о Боге, то кто может претендовать на абсолютное знание? Евангелие – Евхаристия – Христос вот три ориентира, с помощью которых мы способны продвигаться вперед в жизни, познании и вере.

Извините за краткость.

Обнимаю все семейство.

Ваш [подпись]

Письма отца Александра Меня Симону Маркишу

Шимон(Симон) Перецович Маркиш (1931–2003) – советский филолог, литературовед, переводчик. В 1970 году переехал к семье жены в Венгрию. С 1974 г. по 1996 гг. – профессор Женевского университета. Преподавал в США, в Израиле. Был близким другом Иосифа Бродского.

17. 08. 1977.

Дорогой Симон.

Как рад снова слышать Ваш голос. И я тоже нередко Вас вспоминаю: поводов много. Как Вы съездили на Восток? Мне было бы интересно знать все. А главное: намечаются ли определенные контуры Ваших трудов. Ведь время идет. У Вас так много талантов и их нужно реализовать в одном направлении. Простите, что так нудно выражаюсь, но – так ясней. Ведь, по-моему, о той литературе, о которой Вы собираете материал, уже много написано и даже на русском. И еще: горькое время; эпоха, которую Вы берете, страдает уродствами. Быт такой был, что невозможно было ждать органического и естественного роста. Только и хорошо: что было что-то вообще. Впрочем – не мне судить... При Вашем полиглотстве, я бы взял что-нибудь иное.

О себе мне сказать почти нечего. Дети действительно выросли. Дочь замужем, ждет ребенка. Сын в будущем году кончает школу – выше меня давно. А моя работа и образ жизни не изменились с тех пор, как мы виделись с Вами в последний раз. Думаю, что дятел потому делает дупла, что все время долбит в одну точку. Быть может, иным это кажется однообразным, а мне –

ничуть. Ведь внешнее разнообразие – мираж. Все события идут в ином плане. Понимаю Вашу печаль. Здесь уже ничто не может помочь. Приходится изживать то, что было посеяно.

Всегда буду рад узнать о Вас. Обнимаю и целую.
Ваш [подпись]

* * *

4. 2. 1979.

Дорогой Симон.

Как всегда приятно было получить от Вас известие. И вновь Вы на Востоке. Пытаюсь иногда представить Вашу жизнь и не могу. Так Вы вросли для меня в определенную среду, от которой теперь окончательно оторваны. Но рад, что Ваша тема не иссякает. Буду ждать книгу об Эразме.

Мои труды идут внешне однообразно. Но это – слава Богу. 17-го мы с братом похоронили маму. Провожать ее пришла большая толпа. Ее многие знали и любили. Я целиком вырос из ее духа. Она всегда жила под одним знаком.

Желаю Вам хороших перемен (а если не будет перемен – хороших, то не надо никаких). Увы, широта Эразма есть чудо в нашем мире. Ее всегда и всюду будет трудно найти. Тем более нужно оберегать и культивировать ее островки.

Обнимаю,
Всегда Ваш [подпись]

* * *

14. 9. 1979.

Дорогой Симон!

Большое спасибо за пластинку. Она – как живое напоминание о том, что Вы реально существуете. Я вполне понимаю Ваш настрой и ориентир. И рад, что Вы спокойны и удовлетворены жизнью. Однако думаю, что Вам не чуждо чувство значимости вещей, которые стоят над временем и пространством, единственных, что в глубине не зависят от обстоятельств. С благодарностью узнал, что Вы можете мне немного помочь в поисках материалов. Дело в том, что я в ближайшее время займусь историей первых веков н.э. К сожалению, некоторые первоисточники трудно раздобывать. Главное, что мне нужно, это «Актс оф зэ эрли Мартирс». К сожалению, я знаю лишь оксфордское изд. 1927 г. под ред. Е. Оуэна¹. Это наверно недоступно. Но м.б. по каталогам можно найти и более новое изд. Если этого нет – то хотя бы какой-нибудь англ. церковный словарь однотомный вроде оксфордского. Там всегда есть нужные указания. Если удастся достать – можно послать по почте. Заранее благодарю и прошу прощения, что Вас обременяю.

Моя жизнь до смешного прежняя, за исключением того, что на лето взяли внучку, весьма шустрю девичу. Остальное все подчинено работе.

Желаю Вам всего доброго и светлого.

Обнимаю,

Ваш [подпись]

¹ Owen E., Some Autentic Acts of the Early Martyrs, L., 1927.

* * *

5. 01. 1981.

Дорогой Симон!

Вчера получил Ваше письмо. А сегодня хоронят Н. Я. М.² Она ушла мирно и тихо, незадолго перед тем я ее исповедовал и причащал. Она не боялась смерти. Это были не только слова. Помните, как мы с Вами впервые к ней пришли? Спасибо Вам за это.

Рад за Вас, что встретились наконец с близкими.

Всегда Ваш.

Обнимаю,

пр. А. Мень.

* * *

14. 08. 1985.

Дорогой Симон!

Спасибо за память. Пусть сохраняются наши хотя бы такие нити.

У меня к Вам небольшая просьба. Для словаря ученые-библеисты³ мне нужно иметь фото с Curriculum vitae⁴ Эдуарда Швейцера. Я думаю, что он есть во всех справочниках Швейцера. Если добудете, очень буду благодарен.

P.S. У меня все по-старому. А у Вас?

Обнимаю,

Ваш пр. А. Мень.

² Имеется в виду Надежда Яковлевна Мандельштам. (Прим. ред.)

³ Речь идет о Библиологическом словаре, который был издан в 2002 году Фондом имени Александра Меня.

⁴ Curriculum vitae – лат. «Жизненный путь».

* * *

7. 10. 1985.

Дорогой Симон!

Спасибо за память.

Как странно, что не удалось Вам найти фото и данные об Э. Навилле. Он уже давно известен в научном и богословском мире. Вы никогда не пишете о себе, что происходит в Вашей жизни? Или ничего? Трудно поверить. Я убежден, что у каждого из нас еще есть пути, которые мы можем исследовать. (Промысел — не фатум, а взаимодействие человека с его «судьбой»). У меня все внешне по-старому. Живу, тружусь, размышляю. Сейчас занят словарем по Библии (включая и экзегетов). Будет и статья об Эрнесте Навилле. Увы, нет Вас, чтобы проконсультироваться.

Обнимаю,

Ваш пр. А. Мень.

* * *

26. 10. 1985.

Дорогой Симон!

Обращаюсь к Вам лишь с одной просьбой. Не могли бы Вы найти биографические данные (с указанием источников) женеvского богослова J. Ern. Naville (1816 –1909). Идеально было бы с фото или портретом. Вы ничего не пишете, чем сейчас заняты.

Мне все хотелось бы знать.

Обнимаю,

Ваш пр. А. Мень.

* * *

Дорогой Симон!

Поздравляю Вас с новолетием и всеми праздниками. Всегда Вас помню и слушаю.

Ваш пр. А. Мень

P.S. Не могли бы Вы найти фото швейцарского философа Эрнеста Навилля?

* * *

[Без даты]

Дорогой Симон!

Спасибо за память и за письмо [нрзб.].

Рад за Вас, за нашу встречу и за то, что Вы «не покладаете трудов».

Об О. Р. я когда-то читал, хотя меня больше интересовал Иосиф Рабинович⁵, о котором писал некогда (Оливье Клеман). Книгу я читал и тоже оценил весьма критически. В ней вопреки желанию автора показано банкротство человека (я не говорю о художественных достоинствах книги). Мой подход к проблеме был всегда в корне иным.

Обнимаю Вас и целую,

всегда помнящий

пр. А. Мень.

* * *

Дорогой Симон!

Поздравляю Вас с праздниками и с «дедством».

Как все быстро летит.

⁵ Иосиф Давидович Рабинович – (1837–1899) – еврейский публицист и общественный деятель, протестантский проповедник, основатель первой в России общины иудео-христиан.

Увы, посланные письма, фото и открытки я не получил пока. (Больше всего жаль фото.) Но еще надеюсь. И письма поздравительного тоже нет.

Обнимаю,

Ваш пр. А. Мень.

Письма отца Александра Меня Варваре Ивановне Постниковой

В. И. Постникова (1900–1997). Врач-фтизиатр. Дочь священника. Была убежденной атеисткой. Крестилась уже на пенсии в 55 лет. Переписала от руки «В поисках Пути, Истины и Жизни» в 6-ти томах.

[Без даты]

Дорогая Варвара Ивановна!

Мне кажется, что Вы вполне по-доброму, искренне и верно ответили Вашей знакомой. Действительно, когда Господь Иисус упрекал неверовавших в Него, упрек этот нельзя отнести только к одной религии или одному народу. Ведь подавляющее большинство обитателей тех мест, где проповедовал ап. Павел сейчас отрицают Христа, исповедуя ислам. Во всех странах есть сотни миллионов людей иных религий и десятки миллионов совсем неверующих. И в русском народе, вот уже тысячу лет знающем о Христе, из 137 мил. едва ли найдется 10-30 мил. верующих. На сегодня христиан-евреев ок. 50 тыс. Это примерно тот же процент от общего числа народа. Господь наш не даром говорил о «малом стаде». Не проклинать неверных нужно нам, а явить им образец любви и терпимости. Думается, что недостаточные успехи христианской проповеди объясняются чаще всего именно недостойнством христиан. Нам бы научиться у буддистов. Они знают, что в Индии, где проповедовал Будда, буддистов почти нет. Но это не ослабляет их уважения и любви к стране и народу, из которого вышел их учитель.

И вообще христианам больше пристало любить все народы. Тогда и любовь к собственному будет более здоровой и глубокой, лишенной надрывов шовинизма. Что касается Нилуса, то он был человеком очень сомнительных устоев. И из Оптины *его попросили* удалиться (там он действительно долго жил со своей женой и бывшей подругой). В значительной степени он стал виновником гибели страшной смертью 6 мил. людей, включая стариков, женщин и детей. Он доверчиво распространил по миру фальшивку, подложность которой была доказана в 1920 г. за десять лет до смерти Нилуса (об этом документе, так называемых «протоколах» сейчас впервые кратко сообщили в последнем номере «Московских новостей»). Смысл ее сводился к тому, что евреи задумали покорить весь мир, и поэтому их надо уничтожить (и это было написано тогда, когда они еще не имели и клочка собственной земли).

Да, действительно еврейская религиозная община, в лице главным образом ее вождей (а ведь народ от них зависел) не признала Иисуса за Христа. Но это вовсе не значит, что евреи вообще «не приняли» Его. Кто же, как не они понесли Евангелие народам, распространили его по многим странам? Кто как не они написали нам книги Нового Завета (не говоря уж о Ветхом)? В каждом народе есть два полюса. Была св. Жанна Д'Арк и был Вольтер, над ней глумившийся, были римские мученики и были их римские же гонители, был немецкий пастор Бонхёффер, которого повесили нацисты, отвергавшие христианство, была Русь Святая, есть она и теперь, но рядом с ней есть и безбожная, богоборческая. Был Иуда предатель, а был святой апостол Иуда, написавший послание, которое признано Церковью

боговдохновенным. Ап. Павел говорит, что Христос – соблазн для иудеев и безумие для эллинов, но Он же – Божия Премудрость для уверовавших – и иудеев, и эллинов (1 Кор 1:22-24). Простая справедливость требует судить о народе не только по его Вольтерам и Иудам. Ваша корреспондентка приводит суровые слова Господа о неверовавших в Него иудеях в Евангелии от Иоанна. Но почему же она забывает другие Его слова в том же Евангелии, что «спасение от иудеев» (4:22)?

Словом, Вы все написали правильно. От души желаю Вам мира и здоровья. Рад, что можете выбираться в храм. Надеюсь, что мы еще увидимся. Привет и Божие благословение Вашим домашним.

С любовью во Христе

Ваш прот. А. Мень.

* * *

[Без даты]

Дорогая Варвара Ивановна!

Узнал, что Вы не здоровы только сейчас, когда приехал из отпуска. Поэтому пишу не на больницу, а домой.

Напишите, если можете мне поподробнее о Вашем самочувствии, о Тане и ее трудностях.

Вы от природы сильный человек. Не поддавайтесь унынию. Все образуется. То, что обременяет душу, излечивать легче, чем тело. Еще и еще раз оглянитесь, почувствуйте свою жизнь как путь исканий, ошибок, обретений и изживаний. Через все надо пройти, чтобы свет вечного в нас прочно укрепился. Недавно я прочел американскую книгу, только что вышедшую «Жизнь после жизни». Это анализ переживаний тех, кто прошел через клиническую смерть. Данные показывают,

что люди тем светлее проникают в иные области, чем светлее была их жизнь. Все связано. Будем вместе молиться о Ваших близких. Как только Вам станет легче, жду. Но, если трудно будет – напишите и я приеду к вам, чтобы Вы могли дома причаститься и укрепиться духом.

Храни Вас Бог.

Ваш прот. А. Мень.

Письмо отца Александра Меня Елене Александровне Огнёвой

Елена Александровна Огнёва – прихожанка Сретенского храма в Новой Деревне. Поэт, искусствовед, литературовед, иконописец.

Дорогая Елена Александровна!

С огромным интересом прочел Ваше письмо. Впервые встречаюсь со столь интересными заметками относительно «ММ» [«Мастера и Маргариты»]. Вы настолько удачно сказали о самой сути романа, что я даже не знаю, что и добавить. Очень здорово у Вас получилось, прямо просится на дальнейшее развитие этой темы. Знаю, что вам это физически и технически трудно, но вообще-то просто обидно. Столько чуши говорят о ММ, и лучше того, что Вы сказали, я не слышал и не читал.

Главное, в чем я с Вами согласен, что роман-то Мастера не о Христе вовсе, а о Пилате. Только Пилат там соответствует евангельскому образу (как он складывается из скурых свидетельств текста). Все же остальное, с моей точки зрения, имеет к Евангелию весьма отдаленное отношение. Это не трактовка, не интерпретация, а просто *другое* и *о другом*. Видимо, Б[улгаков] сделал это сознательно. Его прежде всего интересовала тема человека, умывающего руки. Это огромная, трагическая тема всего XX века. Никогда еще это невинное занятие не принимало столь зловещего характера и таких широких всемирных масштабов.

Мастер, как вы верно заметили, тоже своего рода Пилат. И Б[улгаков], отождествляя себя с ним, пытается, если не оправдать «умывание рук», то вскрыть всю

трагичность и муки этих людей. Он жалеет их и желает им покоя, покоя от укоров совести. Собственно, Пилат был как бы прижат к стенке, а Мастер и того более. В этом Б[улгаков] ищет для них снисхождения. И он прав, тысячу раз прав. Куда хуже было бы, если бы он стал обличать «пилатовщину» и грозить «умывавшим руки» небесными громами. Он хочет видеть их до глубины, как может видеть человека лишь Бог, и быть к ним милосердным, как Бог. Это очень тонкое сочетание апологии с разоблачением, достойное настоящего Мастера.

Быть может, для западных авторов такое решение проблемы труднее и менее допустимо. Помните «Комедиантов» Грина? Там человек обретает себя только перестав быть «комедиантом» и перестав «умывать руки». Очень по-своему это звучит в весьма странной книге Гессе «Игра в бисер», ибо чем была жизнь в утонченной элитарной Касталии, как не умыванием рук? Но наша жизнь особая. Мастер имел дело с силами, куда более могущественными, чем Кайафа. Сказать ему: «перестань быть Пилатом» – бесчеловечно. Он весь, как вы верно заметили, исковеркан патологией страха. Это особый душевный склад, рожденный у «детей страшных лет России». С них и спрос иной, чем с Пилата или касталийцев.

Теперь еще раз поставлю вопрос, кто такой Иешуа Га-Ноцри? В русской литературе (Тургенев, Щедрин, Блок и др.) издавна сложилась традиция воплощать самые свои заветные идеалы в образе Христа, даже если они не верили в Него как в Богочеловека. Тоже самое мы видим и в живописи (Ге, Крамской, Поленов). Можно было бы думать, что и Б[улгаков] следовал по их пути: хотел связать свои понятия о добре, об обществе, о долге

человека со знакомым и светлым обликом Иисуса. Тем не менее, Иисус вышел у него в высшей степени странным. Это вызвало самые разноречивые толки. Владыка Иоанн Сан-Францисский писал, что наконец-то в России серьезно заговорили о Христе. А Сл. с возмущением говорил мне: «Как это Булгаков понял, что Пушкина на сцену выводить нельзя, а вот Христа вывел, да еще как!» Быть может, не без влияния ММ [Мастера и Маргариты] Паустовский как-то в минуту затмения написал о Христе как о «нищем бродяжке», хотя Христос менее всего «бродил» и никогда нищим не был. (Он и ученики сами подавали нищим. Ящик Иуды!)

Я же могу сказать лишь о том впечатлении, которое на меня произвела вся псевдоевангельская часть романа (кроме Пилата, который мне видится в истории именно таким).

История Иеуша Га-Ноцри и история Иисуса Назарянина – две истории, весьма мало похожие друг на друга. Автор романа как бы нарочно старается сделать их даже в деталях решительно отличающимися. Единственное сходство – это имя Иеуша Га-Ноцри, имя Каиафа (и то искаженное), имена Иуды и Матфея. Осуждение прокуратора и крестная смерть – явление обычное в ту эпоху. Достаточно почитать Иосифа Флавия. Одним словом, у Б[улгакова] все другое находится в противоречии с Евангелием. Это лишает нас возможности говорить о Иеуша Га-Ноцри, как о Христе. Христос гностиков, Ария, Спинозы, Штрауса, Ренана, даже Анри Барбюса – все это искаженный Христос Евангелия. А здесь просто *другое лицо*, которое и говорит-то по-другому, и учит другому, и облик имеет иной. Где это в Евангелии можно найти такое, например, обращение, как «добрый человек»,

столь любезное Га-Ноцри? Это ни в каком смысле не Христос Евангелия, а в лучшем случае Христос Ге. Этот художник в своих картинах (кроме «Тайной вечери») как бы заранее проиллюстрировал Булгакова.

Цель и замысел свой автор унес с собой, это признают все. Мы можем только гадать о мотивах его поступка. Может быть, он не хотел изображать подлинного Христа, не решался, а поэтому выдумал другого, чтобы куда-нибудь поместить своего Пилата. Для своего оправдания он мог взять известную точку зрения, будто о Христе мы ничего не знаем, кроме имени.

В Талмуде есть намек на то, что Иисус был уличен при двух светильниках. Это явно напоминает сцену из романа. То, что Иеуша обвиняет Матфея в подлоге, может быть, является литературным приемом для оправдания его точки зрения. Любопытно и то, что в конце образ Га-Ноцри как бы двойится. Один – это нищий мечтатель из Гамалы, а другой – вершитель судеб. Это тоже нечто вроде намека на то, что Га-Ноцри не настоящий Христос. К сожалению, мы ничего не знаем о мирозерцании Б[улгакова], чтобы точнее судить о его замыслах.

И наконец о «московском» слое. Есть старый роман Уэллса «Чудесное посещение». Там в викторианскую Англию случайно попадает из иных миров ангел во плоти (буквально). Он совершенно наивен и несведущ в человеческих делах. Но при помощи такой притчи писатель изобличает гнусность и серость. Думается, что явление Воланда...

Конец письма утерян

1967 г.

Письмо отца Александра Меня священнику Михаилу Арранцу

Священник Михаил (Мигель) Арранц (1930–2008) – известный ученый-иезуит, специалист по восточной литургике. Закончил семинарию в Толедо, а также Восточный Папский институт в Риме. В 1969–1975 гг. читал лекции по литургике в Ленинградской духовной академии, в 1975–1979 гг. по назначению Патриарха Московского и всея Руси Пимена был профессором Ленинградской духовной академии; в 1996–2001 гг. преподавал в светских и церковных вузах Москвы и Санкт-Петербурга. В последние годы жизни жил в Риме.

Москва 31/1 72.

Дорогой отец Михаил!

Очень был рад получить Ваше письмо, из которого явствует близость наших точек зрения. Я глубоко верю в то, что живые контакты христиан и служителей Церкви в высшей степени полезны для церковного примирения и взаимопонимания. Сколь бы ни были различны наши проблемы, связанные с различием традиций и условий бытия, основные задачи Церкви повсюду сходны. Что касается Ваших реформ, то, по-видимому, в целом они будут иметь положительные результаты. Я отдаю себе отчет во всех трудностях, которые они вызывают. Многое видимо делается с опозданием, а кое-что и, вероятно, несколько преждевременно. Но главное – это избежать Сциллы обмирщения и Харибды церковного изоляционизма. Это исключительно сложная задача.

Секуляризация церкви может привести к утрате в ней той особой сферы «священного», которая обязательно

должна стоять вне и над обыденным и профанным. Но с другой стороны, не менее опасно превращать ее в убежище уединенных душ, которые хотят спрятаться от мира. Наш опыт в плане реформ был неудачен. А главным образом потому, что попал в руки людей недостойных. Моральный авторитет церковных людей имеет огромное значение. Мне представляется будущность Церкви, как неизбежно связанная с рядом существенных пунктов. Первый и основной, это возрождение духа углубленной молитвенности и живого благочестия, не ханжеского и не формального (такого светлого благочестия, которым отличался Г. Честертон).

Вторым моментом является развитие вселенского сознания. Ваша Церковь много преуспела на этом пути, вероятно, в силу своей исконной универсальности. В основе этого сознания должно лежать, видимо, не стремление к унификации, но дух уважения и любви к многообразию христианских культур и благочестия. Это ведет к взаимному обогащению. Не менее существенно углубление функций пастырства. У нас в конце 19 в. появилось направление (правда, весьма локальное), так. наз. старчества. Оно ставило своей задачей установление глубокого и всестороннего контакта пастыря с пасомым. Это, разумеется, было невозможно без особой подготовки духовников. Несомненно, очень важно развить новые усилия в сфере чисто теологической. И у нас, и у вас в прошлом на теологии лежал ясный налет формализма, о священных предметах рассуждали, как об «объектах»; между тем подход и терминология нужны гораздо более экзистенциальные. В этом отношении меня порадовал Голландс.[кий] Катехизис. Несмотря на его недостатки, он нашел много

исключительно удачных форм керигмы. Отбрасывая крайности Бультмана и Робинсона, можно и у них кое-чему поучиться. Наша религиозная философия конца прошлого и первой половины этого века далеко продвинулась на этом пути. Жаль, что на Западе она недостаточно еще использована среди теологов.

У нас и сейчас есть очень левые богословы, например, о. С. Желудков. Крайности таких авторов могут оказать невольную услугу теологии, пробуждая мысль. Ведь в древности все церковные догматы формировались в ответ на выступления еретиков. Свободное и плодотворное отношение к крайним течениям возможно, однако, лишь при твердом стоянии на камне веры. Только это дает свободу. Узость и исключительность – признаки внутренней неустойчивости и неуверенности. Лишь дерево с мощными корнями может далеко простирать ветви; если таких корней нет – ветер опрокинет. Эта прочная укорененность открывает и простор для богослужебных реформ, которые должны являться выражением живой жизни Церкви. Тогда они и не опасны, и желательны.

Простите, что так много пишу, но из-за отсутствия возможности беседовать лично волей-неволей приходится излагать свое кредо, чтобы легче было понимать друг друга. Одной из важных проблем, как мне кажется, в христианстве наших дней – это проблема св. Писания. Мы должны смело и свободно пользоваться достижениями библейской критики. И не столько для того, чтобы наша библеистика не отставала от работ историков, но сколько для того, чтобы сделать Писание по-новому понятным и доступным для людей. Среди католических авторов в этой области сделаны замечательные успехи,

за которыми я слежу с восхищением. Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы помогли мне наладить эпистолярный контакт по этому вопросу с кем-нибудь из известных Вам специалистов по Писанию. Он может писать по-английски или по-французски.

Большое спасибо за приглашение. Мне очень хотелось бы побывать в Риме, но меньше всего это от меня зависит, в частности и из-за занятости на приходе. Да и вообще паломнические путешествия – это удел высоких церковных деятелей, а я простой сельский священник. Когда до меня очередь дойдет – неизвестно. Но тем не менее духовному контакту ничто не препятствует. За каждой литургией я молюсь за Вас и за всех далеких братьев и друзей, молюсь о всех лично и о том, чтобы еще на наших глазах «все едино были». Лет пятнадцать назад, когда я был начинающим служителем алтаря, я постоянно молился об этом, но думал, что первые сдвиги произойдут минимум через полвека. Но вот теперь уже столько добрых симптомов. Они и в контактах, и в молитвах, и в сотрудничестве в деле мира и взаимопонимания.

Братски во Христе Иисусе [подпись]

Письмо отца Александра Меня Ксавье Леон-Дюфуру

Ксавье Леон-Дюфур (1912–2007) – французский библеист, историк Церкви. Католический священник, член ордена иезуитов. Главным трудом Леон-Дюфура стал «Словарь библейского богословия» (1962 год), созданный коллективом библеистов под его руководством. Словарь переведён более чем на 14 языков, в том числе и на русский¹. Всего список трудов Леон-Дюфура насчитывает более 100 работ. Одна из важнейших работ Леон-Дюфура – «Евангелия и история Иисуса» (« Les Evangiles et l’histoire de Jésus », P., 1963).

(1975)

Дорогой профессор!

Шер пер!²

Поздравляю Вас с праздником Пасхи. Надеюсь, что Вы живы и здоровы и Ваши труды идут успешно. Должен порадовать Вас: Ваш словарь у нас был встречен с большим интересом. Это незаменимый компендиум, необходимый лаконизм сочетается в нем с полнотой, которая позволяет проникать во все уголки Писания. Многие сопоставления показывают, как Писание истолковывает само себя, без лишних теологических домыслов. Думаю, что книга будет содействовать во всех странах утверждению обновленного подхода к Библии, в котором строгая научность будет сочетаться с верой в высшую инспирацию. Этот подход еще не всюду стал полноправным, но торжество его неизбежно, поскольку

¹ Словарь библейского богословия // Под ред. Ксавье Леон-Дюфура. – Брюссель: Жизнь с Богом, 1990 г. – 680 с. (Прим. ред.)

² Cher père (фр.) – дорогой отец. (Прим. ред.)

он разрешает тысячи недоумений, порожденных старыми методами толкования. Остается лишь пожалеть, что в Вашей великолепной книге, Вы уделили проблеме инспирации (в отношении к критике) не так много внимания, как хотелось бы. Здесь нужны ясные и понятные широкому читателю формулировки.

Если Вас не обременит, я хотел бы задать Вам два вопроса.

1. Как Вы смотрите на теорию А. Жебар относительно дня Тайной вечери? Ведь у нас нет никаких доказательств, что община Иисуса до Пятидесятницы имела свой календарь или следовала неофициальному.

2. Меня часто спрашивают о Туринской плащанице. Никто из серьезных специалистов по Новому Завету не высказывался, по-моему, на эту тему. Мне бы хотелось знать Ваше частное мнение. Даже если Вы этим вопросом не занимались. Это все-таки не чуждый Вам предмет.

Надеюсь, что когда-нибудь Вы посетите нашу страну, и мы сможем увидеться.

Моя жизнь, как всегда, занята исключительно приходской работой, однако за это время успел написать несколько книг, в том числе по Ветхому Завету.

Искренне Ваш [подпись]

Письмо отца Александра Меня Иву Аману

Ив Аман, француз, историк; профессор X Парижского университета; занимался историей России и СССР; с 1974 по 1979 гг. – атташе по культуре в посольстве Франции в СССР; был близким другом о. А. Меня; написал книгу о нем, изданную на многих языках, в том числе, и на русском: «Отец Александр Мень Христов свидетель в наше время». М.; Рудомино, 1995.

Это письмо отец Александр написал Иву Аману – в ответ на его просьбу прислать материал о себе, когда христиане на Западе, в частности, друзья во Франции беспокоились, что отцу Александру грозит арест. В 1986 г. ситуация вокруг о. Александра сложилась угрожающая: ночные допросы, обыски; в апреле статья в газете «Труд», уничтожающая о. Александра, как священника¹.

Откликаясь на Вашу просьбу, пишу немного о своей жизни. Это трудно, поскольку дневников я не вел, а память многое унесла. Я родился в Москве, на Арбате (где теперь Калининский проспект) в семье инженера, 22 января 1935 года. С самого детства на меня большое влияние оказывала мать и ее сестра. Обе были образованными людьми, укоренными в глубокой вере, к которой они пришли самостоятельно – еще в юности. Их предки были военными в нескольких поколениях (один из них участвовал еще в войне с Наполеоном в

¹ К этому письму о. Александр приложил свою статью «Основные черты христианского мировоззрения», позже опубликованную в книге: *Мень Александр, прот.* Культура и духовное восхождение – М.: Искусство, 1992. С. 26–30. (Прим. ред.)

1812 г.), и поэтому им разрешалось жить в столицах (несмотря на их еврейское происхождение). Отец же был фактически агностиком и, будучи целиком погружен в работу, почти не влиял на духовное развитие нас с братом. Мать принадлежала к церковной ориентации еп. Афанасия (Сахарова), которая до 1945 г. не имела канонического общения с Патриархией. Поэтому она крестила меня в Загорске, в домовый церкви архимандрита Серафима (Батюкова) (см. о нем в сборнике «Память» и в Вестнике РХД). У меня сохранились детские воспоминания об этом замечательном человеке. Вскоре после войны у меня созрело решение посвятить себя служению церкви, несмотря на страстную любовь к биологии, истории и искусству (все эти увлечения помогли мне впоследствии в моей богословской работе). В 1947 году я впервые пришел в семинарию и познакомился с ее инспектором А. Б. Ведерниковым, который сказал, что охотно примет меня, когда я достигну совершеннолетия. В это же время я занялся библейской историей, стремясь привести ее в гармонию с тем, что изучал в области истории и естествознания. К 1950 году я уже написал первые наброски, которые содержали весь каркас моих дельнейших работ. В это трудно поверить (мне ведь было всего 15 лет), но рукописи сохранились как свидетельство моих забавных полудетских усилий. Я очень много читал по интересующему меня вопросу, хотя добывать литературу в те годы было трудно. Тогда же я погрузился в Отцов Церкви и стал прислужником (как говорят на западе, министрантом) в храме. Большим событием было для меня в те годы «открытие» Вл. Соловьева, который навсегда определил мои церковные воззрения (экуменизм, сочетание веры и

знания, отказ от идеализации церковного прошлого). Впрочем, некоторые стороны его учения (софиология, теократия) остались мне чужды. Не избежал я кратковременного влияния Хомякова. Но очень скоро понял, что в своей оценке Западной Церкви он необъективен и пристрастен. Параллельно я занимался историей Древнего Востока (для понимания Библии) и биологией (в течение нескольких лет работал в заповедниках, где проводил учет животных и наблюдения). В школьные же годы много читал по философии (особенно классической), начиная с Декарта и Спинозы. Все эти интересы не покидали меня на протяжении всей жизни.

Большой удачей для себя я считаю, что мне пришлось близко знать людей, принадлежавших к «мечевской» группе. Это были прихожане умершего в 20-х годах о. Алексея Мечева и его сына (см. кн. «О. Ал. Мечев». в изд. Имка-пресс). В большинстве это были люди интеллигентные – историки, естественники, преподаватели институтов. Особенно благодарен я Н. Е. Пестову, химику, человеку экуменических взглядов и Б. А. Васильеву, этнографу и историку др. мира. «Мечевцы» были для меня примером сплоченного прихода, который сохранил свое духовное единство даже через много лет после смерти своих пастырей.

Помимо церковных занятий и занятий наукой, я так же упражнялся в рисовании и живописи (под руководством художников В. А. Ватагина и Трофимова), а позднее писал иконы.

Не могу обойти молчанием монахиню Марию, у которой я часто жил в Загорске. Она была для меня образцом жизнеутверждающего, светлого христианства – без ханжества и мрачности.

К весне 1953 года, когда я кончил школу, я уже самостоятельно прошел весь курс семинарии и частично академии, поэтому не торопился поступать в духовную школу, а решил сначала получить светское образование, я был уверен, что это поможет мне в богословской работе.

Мой выбор пал на факультет охотничьего хозяйства Московского Пушно-мехового института. Об этом я не жалею, т.к. там была более непринужденная атмосфера, чем в университете. Все мои товарищи (редкое явление) были увлечены своей профессией и это сближало нас, создавая узы тесной дружбы. В институте я не оставлял своих богословских занятий и в частности решил написать краткую историю Церкви, которая была бы одновременно введением в христианскую веру. Такой замысел отражал свойственное мне историческое мышление. Мне хотелось показать, как складывалось и раскрывалось учение Церкви, как ее внешние рамки могли включать и чуждые христианству элементы. Я был убежден, что поляризация проходит не только в противостоянии церкви и неверия (или нехристианских религий), а в контрасте истинной верности Евангелию и лжецерковности. Мне удалось довести эту работу до Реформации. Но потом я отложил ее, отдав предпочтение двум темам, которые мне казались более важными: евангельской истории и предшественникам христианства. Религиозные поиски, которые я наблюдал вокруг себя, чем-то напоминали мне историю религий.

В 1955 году наш институт был закрыт и факультет был переведен в Иркутск (восточная Сибирь). Три года проведенные там были посвящены не только учебе и практике в тайге, но своеобразному «университету

самообразования». Я прошел почти весь курс Академии самостоятельно и написал популярную книгу (15 печатных листов ок. 400 стр. машинки). «О чем говорит и чему учит Библия». Это оказалось ядром будущего шеститомника «В поисках Пути, Истины и Жизни», а также книги «Сын Человеческий».

По существующим правилам, я должен был после института проработать три года. Лишь после этого я должен был поступать в семинарию, о чем и договорился с академическим начальством. Но Господь решил иначе. Это было время Хрущевских гонений на Церковь. Велась активная антирелигиозная пропаганда. Институтское начальство узнало, что я не только христианин, но и выполняю работы для местного епископа. Было принято решение исключить меня, как «активного церковника». Формальным поводом был «пропуск лекций», хотя уже шли последние государственные экзамены (и один я уже сдал). К тому времени я уже имел семью (женился в 1956 г.). Приехав в Москву, я пришел к архиепископу Макарию Дееву и через месяц был рукоположен им во дьякона (1 июня 1958 г.), без экзамена, по рекомендации А. В. Ведерникова, который был тогда секретарем (редактором) Журнала Московской Патриархии.

С тех пор я служу в пригородных храмах. Дьяконом – в Покровском храме (с. Отрадное), а священником (с 1 сентября 1960 – в Покровских храмах с. Петровское (Алабино) и с. Черкизово (Тарасовская). В настоящее время (с сентября 1970) служу в Сретенском храме с. Новая Деревня, в районе г. Пушкино (35 км от Москвы) и живу под Загорском.

Еще в институте я познакомился с Глебом Якуниным. Он учился там (был на курс старше), а потом мы

жили вместе, когда переехали в Иркутск. Тогда он только что освободился от влияния материализма и увлекался оккультными учениями. Некоторые считают, что он пришел к христианству под моим влиянием. Это не точно. Я никогда не «обращал» его. Просто мы жили вместе, делились мыслями и надеждами. Вернулся он к Церкви как-то незаметно и постепенно. Это горячий темпераментный человек с обостренным социальным чувством. Оно-то и толкнуло его на оппозиционную борьбу. Я всегда был далек от этих настроений, т.к. считал, что у нас слишком много трудных внутрицерковных проблем. Более того, я считал, что христиане только тогда получают право кого-то обличать, когда сами осуществляют покаяние в грехах прошлого и преобразят свою собственную жизнь.

В 1958 г. в первые годы церковного служения, я окончательно сформулировал свои экуменические воззрения (этому немало способствовало впечатление от личности Иоанна XXIII, о котором тогда много читал). Помня слова одного из наших иерархов, что вероисповедные перегородки «до неба не доходят», я пришел к выводу, что так называемое разделение церквей есть факт исторический, обусловленный не подлинно церковными причинами, а различиями в этнопсихологии, культуре, в политическом соперничестве и т.д.

В 1959 г. появилась моя первая статья в Журнале Московской Патриархии (с тех пор там было напечатано несколько десятков статей). Тогда же я написал популярную книгу о жизни Христа, «Сын Человеческий». Она сложилась из бесед, которые я вел с новокрещаемыми. Почти десять лет спустя она вышла в издательстве «Жизнь с Богом» (Брюссель, 1968), которое много

сделало для сотрудничества и взаимопонимания между православными и католиками. Издание книги было для меня приятной неожиданностью. В доброй воле своих инославных собратьев по отношению к нашей Церкви я убедился и позднее, когда издательство опубликовало многие мои книги.

Двадцатилетие между 1960 и 1980 было посвящено приходской пастырской работе и работе над историей религий. Еще Вл. Соловьев указывал, что христианский анализ древних верований может помочь для христианского самосознания. Однако я не отступил от принятого с самого начала общедоступного историко-художественного жанра. Он не только был близок мне лично, но и отвечал общим задачам. Для узкоспециальных работ аудитории не было. Писал я, конечно, без надежд на опубликование. Тем более было мне радостно, что книги все же увидели свет, и были так хорошо изданы.

В историю религий входила и история библейская. Ей я отдал много сил и времени. В православной библиистике существовало немало пробелов, которые я хотел заполнить. Опытом в этом направлении явилась и книга «Как читать Библию» и комментарии к Новому Завету, вошедшие в брюссельскую Библию и «Ключ к пониманию Св. Писания». Написано мной и общее введение в Ветхий Завет.

Писать мне приходилось всегда урывками, поскольку все основное время было отдано пастырской работе. О характере этой моей работы судить не мне. Были удачи и неудачи. Я всегда стремился укрепить в прихожанах дух православия, ориентированного на Евангелие. В церковной оппозиции я участия не принимал,

по указанным причинам. Я считал ее внешним делом, а для Церкви, мне кажется, важнее делать акцент на своих внутренних проблемах. Но я хорошо знал и ценил о. Н. Эшлимана (и конечно о. Глеба), о. Сергия Желудкова и др. Они прощали мне мой отказ, понимая, что мой путь иной. Понимал это и о. Д. Дудко, которого я знал со студенческих лет. Откровенно говоря, я предпочел бы для них иную судьбу. Было бы важнее, если бы они не тратили силы на внешние конфликты. Лучшее свидетельство христиан – это их дух, который говорил бы сам за себя.

В связи с поправлением церковно-общественных настроений я подвергся многочисленным нападкам за интервью, которое дал представителю рукописного журнала «Евреи в СССР» в 1975 г. по вопросу о христианстве и евреях. Это было более десяти лет назад; сейчас я многое сформулировал бы иначе, но основные мысли мои все те же, от них я не отказываюсь.

Чтобы завершить и закрепить свое богословское образование, я окончил ленинградскую семинарию и Московскую духовную Академию – по заочному сектору. Моя кандидатская работа была в сущности компендиумом из шеститомника по истории религии. В нашем журнале я давно не печатаюсь т.к. уже отвык писать короткие статьи, любая работа у меня выходит (по объему) за рамки статьи. В 1961 году я составлял богослужебные указания для Церковного календаря. Ряд статей моих был, однако опубликован в «Голосе Православия» в 70-х годах (в частности о Вл. Соловьеве, Кумранских рукописях и о богослужении – эта последняя статья в виде книги вышла в изд. «Жизнь с Богом» под заглавием «Таинство, Слово и Образ» (1980).

Как-то один человек просил меня сформулировать свои общие принципы и взгляды. Я попытался сделать это в кратких тезисах. Пришлю их Вам. Может быть они дадут Вам представление об основных моих установках.

П.С.

Должен отметить, что в своих мемуарах «В поисках нового града» А. Э. Краснов-Левитин (которого я хорошо знал и ценил за веру, прямоту и честность) описал юность о. Глеба и мою, но допустил ряд неточностей. Каких – Вы сами увидите, сравнив то, что я пишу с тем, что у него. В частности, он назвал меня «богоискателем», что совершенно не подходит для человека, выросшего в вере и для которого она была всегда центром жизни.

И еще: в церковном «продвижении» мое епархиальное начальство никогда не чинило мне препятствий. Я своевременно получил все так наз. «награды», которые полагаются за выслугу лет, и меня не «перебрасывали» с прихода на приход. Всюду я служил достаточно долго (по нашим меркам).

О многом я, конечно, не написал т.к. это касается других людей, из которых большинство живы.

П.П.С.

Первая часть шеститомника была посвящена теме: вера, наука и неверие. Она является общим введением и относится скорее к области основного богословия, или апологетики. В ней я суммировал все свои размышления на тему о науке и религии. Являясь убежденным сторонником эволюционизма, я нашел много созвучного

своим взглядам в работах Тейара де Шардена, хотя «тейардистом» считать себя не могу. К сожалению эволюционизм (который, как мне кажется, является наиболее соответствующим идее творения) до сих пор встречает недоверие как у нас, так и на Западе. То же можно сказать о современной библейской науке, выводы которой вполне могут быть церковно интерпретированы (у католиков это произошло после энциклики «Дивино аффланте Спириту»², а у нас еще вопрос открытый; в духовных школах пока преподают в духе Ф. Вигуру³). За признание данных библ. науки я часто был осуждаем некоторыми своими собратями и мирянами.

Мой образ жизни — это образ жизни типичного сельского священника. Я живу сравнительно уединенно в загородном доме, требующем физического труда. Все время делю между приходом (в часе езды от дома), работой за столом и по дому. Бесконечное общение с людьми, с прихожанами не оставляет времени для активного участия во внеприходской церковной жизни.

Дети мои (дочь и сын) уже взрослые, семейные и давно сделали меня дедом. Надеюсь, что они и в дальнейшем сохраняют веру.

² «DIVINO AFFLANTE SPIRITU» [лат. — Божественным наитием Духа], энциклика папы Римского Пия XII о методах изучения Свящ. Писания, опубликована 30 сент. 1943 г. в честь 50-летия энциклики «Providentissimus Deus» папы Римского Льва XIII. (Православная энциклопедия. Электронная версия. <https://www.pravenc.ru/text/171955.html>) Дата обращ. 28.01.2025.

³ Вигу́р (Vigouroux) Фулькран Жорж, священник (1837–1915), французский католический библеист. (*Александр Мень, прот.* Библиологический словарь в 3-х тт. М.: Фонд им. Александра Меня, 2002. Т. 1. С. 206–207.) (*Прим. ред.*)

**ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ**

*Подготовка ко крещению
в Сретенском храме с. Новая Деревня.
Фото Гурама Тугуши*

Наталья Комарова

Наталья Васильевна Комарова (02.08.1944–28.03.2023); искусствовед; работала научным сотрудником в Новодевичьем монастыре; потом в музее-заповеднике «Коломенское».

Духовная дочь отца Александра Меня.

ОН НАВСЕГДА ОСТАЁТСЯ С НАМИ

1962 год. Пасха позади. Начало лета. Вместе с моим женихом Женей Барабановым мы едем в Петровское-Алабино. Он хочет меня познакомить с отцом Александром Менем.

Усадьба с остатками построек Казакова. Грустная картина. Колокольня сохранилась лучше храма, а от усадебного дома – только намёки. Лестница, идущая от парка к дому в виде растянувшейся подковы, не сохранилась, а словно обломанные зубы «пенёчками», намекала о замечательном переходе. На перекрестьях аллей стояли обломки вазонов, и я чувствовала себя словно в закулисье, ожидая встречи со священником, а это происходило со мной первый раз. В голове роилась масса предубеждений, я не знала, как обращаться к священнику, о чём с ним говорить, да и антирелигиозная пропаганда того времени была так агрессивна, что я пребывала в растерянности и в смущении. Чего ожидать, как ему представиться? Ну, в общем, в голову лезла разная чепуха. Замешательство прошло, как только к нам вышел отец Александр. У меня тут же промелькнуло в голове – Ассирия, Вавилон, «Шеду». Отец Александр располагал к себе мгновенно – он был улыбчив,

остроумен, да и просто красив. Разговор шёл непринуждённо. Мы познакомились с Натальей Фёдоровной, детьми, вспомнили прошедшую Пасху и недавнее крещение друга Жени – художника Саши Юликова. День был будничным, поэтому гостей, да и прихожан не было. У отца Александра в Алабино было второе место служения и именно здесь он был рукоположен в сан священника. До этого отец служил в селе Акулово дьяконом. Оглядываясь назад в то время, я понимаю, что мы были в ряду первого «призыва» молодых людей, которые стали появляться в храмах. В основном же, храмы заполняли люди среднего, а чаще солидного возраста. Для меня всё было внове, интересно, многое непонятно. Но так хотелось проникнуть в этот незнакомый для меня мир! Женья сказал, что то, как совершает службу отец Александр, наполнено такой глубиной и таким проникновенным чувством, что ты сам как бы присутствуешь там, рядом с Престолом во время Таинства. Передать словами происходившее сложно, это как у Тютчева: *«...и нам сочувствие дается, как нам дается благодать»*.

И, вот я слушала, мало что понимала, но мне интересно было наблюдать. Я, как разведчик, всматривалась в мимику отца Александра, вслушивалась в то, что он говорит. С одной стороны – это была доброжелательная, ознакомительная беседа, видимо, отец Александр хотел разобраться, кто перед ним. Я думаю, довольно быстро он всё понял – тоже мне, бином Ньютона – желторотые, любопытствующие, молодые люди. Затем он пригласил нас, как полагается, с дороги выпить чаю, и мы прошли в довольно просторную террасу. В центре – большой стол, а вот в торце этой комнаты висела

большая картина. Какой-то залитый солнцем пейзаж, который очень напоминал Палестину. В конце XIX века Палестинское общество приглашало художников, и, скорее всего, это был кто-то из передвижников. Потом я узнала, что это был один из серии Палестинских пейзажей Поленова. После чаепития отец Александр предложил нам прогуляться и, если мы захотим, искупаться. Он сказал, что здесь сохранились старинные пруды с замечательной, проточной, чистейшей водой. Отец рассказывал, какой вандализм начался после революции, как грабили имение, как разрушали сам усадебный дом в надежде использовать кирпичи в своих избах и сложить из них печи. Увы, чтобы добыть кирпичи они ничего лучше не придумали, как прибегнуть к взрывам, потому что кладка была так прочна и монолитна, что не поддавалась разборке, а при таком методе получался только мусор, кирпичная крошка, в лучшем случае, щебень. Так жалко всё, что так бессмысленно и безжалостно уничтожалось в порыве непонятно чем взорвавшейся агрессии, хотя объяснения, разумеется, сейчас находятся. Это – и наша многострадальная история, и особенности российского характера, только от этих объяснений как-то не становилось легче. Интонация отца была сдержанной, скорее, несколько грустной, в ней чувствовалось огорчение, довольно сильное, мол, не ведают, что творят. Затем мы дошли до прудов. Всю дорогу отец Александр был задумчив, наверное, правильно сказать, сосредоточен. Словно его занимала какая-то очень важная мысль, при этом он не переставал говорить с гостями. У отца была привычка, когда он погружался в какую-то мысль, то он невольно поглаживал в задумчивости бороду.

Воспоминания похожи на напряжённое всматривание, словно в подзорную трубу, на события давно ушедших лет. Для меня, человека не религиозного в то время, было очень важно разобраться в том, что нас отличает, в чём разница между верующими и неверующими. Пока я только знала про себя, что я не могу постигнуть и, тем более принять, религиозное самопознание. Ох, уж это выражение: *«человек – это звучит гордо!»* Как же оно перепутало понятия о сострадании, о добре, о неподдельном и деятельном сочувствии к реальному человеку. Ведь именно это суждение о *«гордом человеке»* спутало все – и гордыню подставили вместо гордости, то есть смысл кардинально изменился. Я не могла взять в толк целование руки священника – зачем и почему? Не могла уяснить смысл обилия коленопреклонённых стояний, трудно переносила запах ладана, что было поводом для шуток. Я не могла понять суровое, а часто и недоброжелательное отношение пожилых женщин к молодёжи. Потом, после объяснений отца Александра, после самостоятельных размышлений, осознание пришло, только на это ушло несколько лет, но это уже другая история. Что же осталось после первой встречи с отцом Александром, какое он оставил о себе впечатление?

Прежде всего, что это – очень образованный, остроумный, с отменным чувством юмора человек, который создавал ощущение собранности и, одновременно, мобильности и какой-то «пушкинской» лёгкости. С ним хотелось говорить, я его не боялась спрашивать, с ним было спокойно и тепло на душе. А летний солнечный день, живопись, которую я увидела на террасе, также дарящая обилие света, замечательная природа вокруг, –

всё это складывалось в какую-то радостную картину. Я понимала, это знакомство будет иметь продолжение. Продолжение составило целую жизнь.

Отец Александр раскрывался всё время новыми гранями: когда он узнал, что я приехала в Москву из Загорска (тогда так назывался Сергиев Посад), он стал расспрашивать, где именно я жила. Тогда от него я узнала, что там же, неподалёку от моего дома проживала семья отца Павла Флоренского. До революции, там же обитал писатель и богослов К. Н. Леонтьев, который после своей смерти был похоронен в Лавре. Мне пока мало, что говорили эти имена, хотя фамилия Флоренский, как и Фаворский, мне были известны по рассказам моей мамы о её школьных годах. В одном классе с ней учились сыновья Фаворского и Флоренского. Причём, речь шла о начальной школе, вернее, о самом первом знакомстве с весьма необычным мальчиком и о его самобытном поведении. Мне, когда я слушала рассказы мамы, тут же представлялись иллюстрации Ивана Билибина к русским сказкам, потому что сказочный Ванечка очень напоминал сына Фаворского. Он был одет в русскую длинную рубашку с поясочком, и, входя в класс, низко кланялся и приветствовал всех так: *«Люди милые, хорошие – здравствуйте!»*. Ребята поначалу подсмеивались, но довольно скоро это закончилось, так как они увидели очень умного, готового всегда помочь и что-то объяснить мальчика. Не гордеца и задаваку, а – товарища. Этот рассказ заинтересовал отца Александра, и я надеялась, что ему тоже что-то будет интересно узнать о моей жизни в Загорске. Тогда я не знала, что Загорск сыграл в жизни отца очень важную роль.

Феноменальная концентрация различных творческих, драматических, и трагических судеб, сошлись именно здесь, в этом удивительном городке. В будущем нам ещё о многом предстояло переговорить. Знакомство состоялось, и мне очень хотелось, чтобы оно имело продолжение. Такое количество вопросов роилось в моей голове, а главное, и, это очень важно, я поняла, что я буду услышана и получу доброжелательный и очень ёмкий ответ. Ох, уж мне эти поиски смыслов! Как же мы нагружали отца Александра огромным количеством разнообразных вопросов – порой серьёзных, а порой и ерундовых, но он никогда не отмалчивался, иногда шутил, а когда-то и давал подробнейшую справку, где ты сможешь узнать о том, что тебя волнует.

В наш приезд в Алабино народа почти не было, мы посмотрели усадьбу, зашли в дом, познакомились с домочадцами, а также узнали, как обустроен быт отца Александра. При довольно маленьких объёмах этого деревенского дома, здесь всё было очень мудро спланировано. У отца имелся кабинет со всем тем, что обычно можно увидеть в подобном месте: большое количество книжных полок, и, вообще, книг. Книги – везде, и на столе, и на стуле. Переход из кабинета в детские комнаты и спальню был оформлен, как некое подобие холла. Там уютно расположились два кресла, журнальный столик, торшер, рядом на стене полки с журналами и книгами, такое хорошее место для ожидания и для дружеских бесед. Всё это сообщает дополнительные сведения о человеке, как бы дорисовывают его облик. Главное, что осталось в памяти – это ощущение солнечного света, это – и природа, которая подарила так щедро в этот день знакомства летнюю благодать, и –

картина, которую я увидела в доме, она также излучала обилие солнечного света. И, конечно, сам отец Александр с его милой, иногда кажущейся детской, улыбкой, всё это – Свет.

Далее, пойдёт черед других мест служения. После Алабино будет Тарасовка и дом отца переместится в Семхоз, а количество прихожан станет стремительно увеличиваться. И последним в этом списке станет приход в Новой Деревне. Что же происходило за эти годы в жизни отца Александра? Что творилось в моей жизни? Жизни недавней школьницы, атеистки, самоуверенной невежды, что было вполне объяснимо при такой закрытости и спрятанности от людей, особенно от молодых, – веры, и всего спектра культуры, который с ней связан. Доходило до смешного, когда я сказала маме, что мне нужно купить Библию, так как множество сюжетов в живописи художники используют именно оттуда, то она ответила, что преподаватель знакомит вас с сюжетами и этого достаточно. В свободной же продаже Библии просто не существовало. Каждый обходился, как мог и как умел. Кто-то доставал у сердобольных старушек, кто-то покупал у букинистов. Но и то, и другое было редкой, необыкновенной удачей. В настоящее время это трудно понять и представить, сейчас другой исторический контекст и приоритеты. То, что было под запретом буквально несколько лет назад, стало возможным. То есть, о религии стало позволительно говорить открыто, без оскорблений и даже подчёркивать позитивные стороны религиозного мировоззрения. Моё же знакомство с отцом Александром происходило в то время, когда шла активная и очень жёсткая борьба, именно борьба с религией. Это – и фельетоны,

и карикатуры, и выступления по телевизору бывших профессоров Духовных семинарий и Академий, которые пришли к убеждению, что они больше не могут «обманывать» людей. По сути, это были срежиссированные действия, но, увы, многие считали *это* правдой. Более того, эти люди не стеснялись подтасовок и лжи, приводились цитаты якобы из Священного Писания, в действительности ими же придуманные, как это случилось с профессором из Киевской Духовной академии Евграфом Дулуманом. Его уличил в несуществующей цитате с Библией в руках Евгений Барабанов, но так называемый «профессор» при этом ничуть не смутился. Дулумана же пригласили родители Жени, для того, чтобы он повлиял на молодого человека, который «не те книги читает», «не о том думает», и, вообще не так, как им, родителям, казалось правильным, живёт. Ещё хорошо, что не упекли в сумасшедший дом, что порой случалось с людьми неугодными и неудобными.

Поразительно, в то время (а это были в сущности все годы советского периода до «Перестройки»), слова: «*нельзя*», «*стоп*», «*туда не ходи*», «*даже не заглядывай*», не просто знали большинство людей, а особенно чувствовали. Спиной ощущали, где именно это «*нельзя*» находится. И вот – человек, который служит в храме, исповедует чуждые советскому человеку взгляды. Он живёт рядом, но, при этом, как бы существует на другой планете, в иной реальности. Примечательно, что отец Александр был всегда ровен, доброжелателен, улыбчив, как будто страсти, которые кипели рядом, атеистические разгромные статьи, фельетоны, о которых он, разумеется, знал, не трогали его, вернее они вызывали у отца сожаление.

1960-е годы – это время моего знакомства с весьма сложной и совершенно мне неизвестной, частью жизненного пространства. Я вглядывалась и вдумывалась. Очень интересно было наблюдать, как смотрят на отца Александра, когда он говорит. Создавалось особое впечатление от людей, которые жаждут услышать и узнать нечто очень важное для их жизни. Не было равнодушных и скучающих лиц, а случались и рвущиеся в жаркий спор с ним, но, всегда проявлялась спокойная, аргументированная позиция отца Александра, иногда несколько ироничная, которая смягчала остроту спора и его пафос.

Вскоре, в Алабино уже начали приезжать молодые люди. Их было поначалу немного. Это, могла быть, скажем, сотрудница газеты «Комсомольская Правда», которая привезла с собой геолога, скептически настроенного, но готового обсуждать вопросы веры и догматы. Или – спортсменка, которая довольно успешно выступает на международных соревнованиях, а вместе с ней приехал её муж, и пара эта очень симпатичная. Приезжали и Михаил Аксёнов-Меерсон, Александр Юликов и Евгений Барабанов.

Постепенно, стало увеличиваться количество людей, которые хотели бы поговорить с отцом Александром. Это были пока ещё десятки прихожан, но очень скоро, в геометрической прогрессии эта цифра увеличится. А именно, с того времени, когда отца Александра перевели служить в подмосковную Тарасовку по Ярославской железной дороге. Меня очень удивляла скорость распространения информации об отце. Так, в детстве, когда я жила в Загорске и смотрела на парадные ворота Троице-Сергиевой лавры, где было запечатлено житие

Сергия, я не могла понять, каким образом в дремучий лес начинают приходить люди. И приходят они, именно к Сергию, а затем, мало-помалу, складывается поселение, что и дало название этому месту – Сергиев Посад. Как всегда, земля слухами полнится, как и в XIV, так и в XX веке. В нашем случае, с отцом Александром Менем.

Люди, предпочитающие сами находить ответы на мучающие их вопросы – искали их самостоятельно. Бóльшая же масса народа любила живое общение. Разговор с отцом Александром всегда оставлял такое впечатление у собеседника, будто и он сам, и его вопросы невероятно важны и интересны отцу. То есть, люди видели эмоциональную живую реакцию, и они понимали, что действительно каждый из них достоин внимания. В Тарасовке сложилась довольно сложная ситуация: помимо местных прихожан, в основном, благочестивых женщин, стало приезжать много народа из Москвы и Ленинграда, начали прибывать люди из сферы культуры: писатели, музыканты, философы, историки, журналисты. А время было очень сложное – общественность, подогреваемая постоянной антирелигиозной истерией, соблюдала бдительность и сообщала «куда надо» о том, что, мол, в такой-то приход съезжается очень много молодых людей, а это подозрительно! Самое удивительное, что доносы были и от настоятеля храма, который видимо был очень напуган таким бурным движением, всколыхнувшим тихую заводь этого провинциального прихода. Отец Александр старался, как можно деликатнее, объяснить приехавшим к нему, почему желательно отойти подальше от церкви, погулять в лесочке. Так что, в основном, все разговоры

велись во время этих прогулок. Часто о проблемах в церкви и о её жизни в современном мире. Порой происходили очень бурные обсуждения, и, в этих беседах была слышна искренность, равнодушие, жар молодых сердец. А главный вопрос – как именно должны проявляться, осуществляться в такой зажатости, такой несвободе, христианские заповеди? То есть, как сохранить личную свободу при таком порядке, при таком режиме? Вот здесь-то и был перед глазами пример батюшки, он всё время работал, писал книги, произносил проповеди. Он делал, что должно и, зная, что творится рядом, без фанатизма, но всё-таки, был осторожен. Я поняла, что он так ведёт себя из-за заботы о нас, порой таких неудержимо активных, что по тем временам чревато было большими неприятностями. А активный христианин был чрезвычайной редкостью, и, скорее всего, очень подозрителен. Предполагалось, что такой человек или сектант, или сумасшедший, или посланный кем-то «агент». Настолько были живы эти страхи. Отец Александр прекрасно знал все, мягко говоря, сложности и опасности быта того периода. Но, тем не менее, он жил как-то удивительно ясно, гармонично, порой весело. То есть, весь этот страх и ужас, и порой абсурд, не сделали из него мрачного, или указующего перстом только на грехи наши, проповедника.

Вопрос, который мне как-то задали о том, планировал ли отец Александр выход своих книг, – мне показался наивным и несколько глупым, потому что вся жизнь отца с молодых ногтей, являла собой пример редкого и определённого избранничества. Рядом были глубоко верующие люди. Причём именно в ту пору, когда гонения были особенно жестокими, они продолжали

жить так, как диктовало им любящее и милосердное сердце, а лучезарная улыбка Елены Семёновны, мамы маленького Саши, была тем самым ориентиром, который впоследствии дал возможность говорить спокойно и уверенно: *«всё идёт своим чередом»*. Как часто мы слышали эти слова от отца Александра! Безграничное и безусловное доверие всему происходящему, мол, всё, что случается в нашей жизни имеет смысл, нужно только быть внимательным, надо слушать и постараться честно, и достойно ответить на призыв Всевышнего, – а как это трудно сделать!

Итак, 1960-е годы – период алабинского служения, знакомство с отцом Александром и то сильное впечатление, которое оно на меня произвело: его обаяние, красота, ум, чувство юмора. Все мои предубеждения рассыпались в прах! Но, я всё ещё присматривалась и думала, поскольку я хотела сама, независимо, без подсказок (какая наивность!) разобраться в том, что же это за феномен такой – вера. А рядом были люди, живое воплощение того, чего я так долго искала. Потом я поняла, что я не хотела разговоров о вере, я буквально бежала от этого. Мне казалось, что как только об этом заговорят, тут же появляется какая-то фальшивая нота или же очень приторная, что тоже меня корбило. Женья Барабанов продолжал ездить в Алабино, но мы почти не обсуждали это. Я не говорила с ним о том, что меня интересует и волнует, потому что, считала свои возможные вопросы глупыми и недостойными внимания. Я хорошо осознавала свою, мягко говоря, некомпетентность и очень стеснялась. Не хотелось выглядеть необразованной девчонкой, поэтому-то я так вслушивалась в то, что говорил отец. Например, когда он рассказывал,

какое на него в раннем детстве произвела впечатление большая книга (это была Библия с иллюстрациями Доре). Как он рассматривал эти иллюстрации и о чём в это время думал. Я тут же переносила услышанное, как бы на себя. Интересно, что бы именно меня в первую очередь поразило? Художественный уровень гравюр, или то, что они переносят зрителя в реальность, которая производит впечатление «документальной» фиксации событий? Думаю, и это, разумеется, моё предположение, что для Алика (это домашнее имя отца Александра), в библейских сюжетах Доре содержалась безусловная правда. Не надо забывать и о том, кто был рядом с ним, кто рассказывал и пояснял увиденное. Это его мама – Елена Семёновна и тётя – Вера Яковлевна. Думаю, что детские впечатления от увиденного были так же полны сопереживания и в зрелом возрасте, как и тогда, когда он впервые увидел гравюры Доре. Это было ясно, когда он мне говорил о значимости восприятия произведений искусства в юные годы. Речь шла не только о живописи, но и о литературе, которая помогала перенестись в эпоху раннего христианства. Отец Александр советовал очень внимательно прочесть «Камо грядеши» Генриха Сенкевича, где так подробно и очень живо автор описывал быт и обычаи того времени. Настолько, что порой казалось, что ты чувствуешь даже запахи и ароматы эпохи! Когда отец говорил об этой книге, а это всегда было очень эмоционально, то создавалось такое впечатление, что он сам там присутствовал. Видимо, в каком-то смысле, так оно и было.

Время второй половины шестидесятых годов, а за ним и следующих двух десятилетий, отмечены напряжённым и довольно активным поиском смыслов в

различных областях знаний и поиском правды. Это касалось истории культуры, т.е. многослойного её содержания: философии, истории церкви, литературы, изобразительного искусства и, не обходилось без политических споров. Постепенно идеология становилась менее кондовой, хотя ещё очень было далеко до того времени, когда первые лица государства будут стоять со свечами во время Пасхи в храмах. Молодые люди, которые ездили к отцу и общались с ним, тоже были озабочены поисками важных ответов. Он же именно в это время советовал (причём, очень ненавязчиво) читать совместно Евангелие, и тут же обсуждать прочитанное. В результате чего возник своеобразный «кликбез». Именно тогда-то и стали складываться так называемые «малые группы». При том, что вспомогательной литературы почти не было. Отец Александр очень поощрял и одобрял наши встречи, особенно, если мы не просто болтали, а занимались чем-то, что можно было бы назвать освоением своеобразной «целины». Кто-то устраивал лекции по философии, кто-то нас знакомил с историей православной и католической церковной музыки. Как, например, Таня Баранова – музыковед и жена виолончелиста Ивана Монигетти.

Была и небольшая группа молодых людей, очень жарко дискутирующих на темы того, как политика смыкалась с церковной историей. Обсуждались судьбы как «непоминающих» (т.е. «катакомбной церкви»), так и сторонников явлений того времени. Невозможно забыть, что именно тогда активно работал КГБ. Как ответ, возникла «Хроника текущих событий», где сразу же появлялись материалы о задержаниях, арестах и обысках. Тогда-то и начали по рукам ходить и различные

«самиздатские» публикации. Это появившийся – «Комитет защиты прав верующих», распространявший свои отклики на деятельность инспекторов, ведущих учёт и переписывающих из церковных книг тех, кто венчается или тех, кто крестит детей. Разумеется, реакция на это «самовольство» была довольно жёсткая: и на собраниях доставалось и иногда с работы увольняли. Вообще человек верующий считался неблагонадёжным и более того, врагом советской власти, а антирелигиозная литература представляла людей верующих только как неполноценных, слабых и необразованных. Выходил журнал «Наука и религия», где главной идеей было противопоставление и утверждение приоритета науки над религией, хотя там работали и вполне «вменяемые» люди. Вот такой фон сопровождал жизнь отца Александра и я, невольно, вспоминаю греческий театр и роль хора в античных трагедиях и драмах. Однажды, друг и коллега моего отца, старый большевик, участвовавший в революции в Китае – Яков Михайлович Гельман как-то удивлённо спросил меня в 60-е годы, мол, правда ли, что некоторая молодёжь всерьёз интересуется религией и даже начинает ходить в церковь? Мой утвердительный ответ потряс его. Вызвал в нём не ярость и не гнев, а именно крайнюю степень изумления.

Роль отца Александра «в этом мире бушующем» была уникальна, как и он сам. Всё, что он делал, было гармонично и естественно. Ни в чём не было ни тени лукавства или фальши. Порой, мне хотелось выразить это словами из песни: что «он пишет, как он дышит». При совмещении разнообразной деятельности, некий «вектор» разворачивался перед глазами подобно свитку. Так же, как раскрывается сюжетное повествование в

иконостасе – вся история христианства, путей и открытий духовной жизни. Часто о. Александр шутил, что, мол, очень хорошо, что он живет не в Москве, а за городом. Поскольку, по дороге от Семхоза до Москвы он может читать (этот путь занимал около часа). В летнее время он выходил в сад и что-то писал, либо печатал на машинке. Дополнительные штрихи к портрету: нелюбовь отца Александра к ботинкам со шнурками. Казалось бы, ерунда, но когда в продаже появились туфли без шнуровки, то он предпочитал именно их, объясняя, что так он тратит меньше времени на обувание, мол, так быстрее. Вот уж кто действительно знал цену времени!

По мере того, как, начиная с середины шестидесятых годов, стало приезжать довольно много людей, нужно было думать о какой-то упорядоченности и регламентации посещений, но это почти не получалось. Так что, отец всё равно бóльшую часть времени был с людьми или на людях. Рано утром он ехал на службу, затем после службы, встречался с множеством посетителей, жаждающих с ним поговорить. Люди не уходили, не получив каких-либо советов. После чего, начинались требы, на которые порой приходилось ехать. Часто, после этого, бывали ещё и вечерние службы. На работу для решения своих внутренних задач, для своей программы, которую он поставил еще, будучи ребёнком, оставалось не так много времени. Но он, удивительным образом, умел организовать своё расписание так, что казалось, каждый день вмещал невероятно много событий.

Итак, помимо богослужений и треб, были неперенные беседы со страждущими. Когда количество народа стало буквально зашкаливать, то близкие отца стали

говорить ему о необходимости попытаться регулировать этот людской поток. И, начиная с определённого момента, по совету друзей, отец приобрёл таймер и стал им пользоваться. Помню, как он однажды заехал к нам, чтобы посмотреть богословскую энциклопедию. Он подыскивал иллюстративный материал. Ему нужны были портреты богословов, писателей и музыкантов, которые, так или иначе, затрагивали библейскую тему, ветхо- и новозаветные сюжеты. Тогда же, сразу по приходу, отец обозначил своё возможное пребывание и, в определённый момент, зазвучал зуммер, то есть – мол пора уходить.

Мне кажется, что пока я вспоминаю то, что всем и так уже известно, а хотелось бы показать ту обстановку вокруг отца, которая, как некое бурлящее море, окружала его. Он же, как грандиозный океанский лайнер шёл своим путём. Нельзя полагать, что отец не замечал происходящего вокруг. Он прекрасно знал, что именно читают, что кого волнует и, вообще, он хорошо чувствовал жизненный пульс. То, что он задумал, и то, что в результате воплотилось в его книгах, говорит не только о его уникальной образованности, но и об удивительной интуиции, о знании созревшего общества, которое может и хочет знакомиться с тем, что прежде было не только скрыто от большинства людей, но и было под строжайшем запретом, как некая страшная «инфекция», либо как «антиправительственная деятельность». Это сопровождалось не просто ограничениями, но и постоянным запугиванием и угрозами.

Однако, начали появляться и молодые, и весьма образованные люди в храмах и у отца. Когда о. Александр служил в подмосковной Тарасовке, в храме Покрова

Богородицы он подарил нам фотографию, на которой – церковь в некой дымке на фоне поля, и его летящим почерком надпись: «Жатвы много, делателей мало». Наверное, почерк немало может рассказать почерковеду и психологу о характере. Фотоснимок же с хорошо знакомой цитатой о «жатве» и «делателях» появился в то время, когда отец активно писал и собирал свой корпус книг об истории религиозных поисков человечества, которые продолжались не просто столетия, а – тысячелетия. Разумеется, материала было грандиозное количество – это и история, и археология, и филология (отец читал различные переводы библейской истории). В этот насыщенный период (с середины 1960-х гг.) стало ясно, что неплохо было бы найти помощника. Одной из первых, таким человеком стала Евгения Березина, очень опытный редактор и чудесный, добрейший человек.

Я в своих воспоминаниях об отце Александре подчас перескакиваю через годы, забывая строго следовать жесткой хронологии.

После нескольких лет моего всматривания в людей вокруг отца Александра, и обдумывания всего увиденного, (а мой жених, и впоследствии муж, водил меня всюду: и в храм на богослужение, и к многочисленным верующим друзьям и знакомым, и в музеи), я решила записать яркие, запомнившиеся «стоп-кадры». Итак, прошло несколько лет после знакомства с отцом Александром, которое само по себе, было необычайно ярким событием. Надо сказать, что я по-прежнему трудно переносила каждение в храме и старалась незаметно выйти оттуда, а Женя шутил о том, что, мол, известно, кто бежит от ладана. Да и с богослужением было довольно сложно, – я понимала некоторые слова,

но это никуда не годилось. Мне хотелось лучше ориентироваться и участвовать в том, в чём я пока ещё не разбиралась. Два с лишним года я пребывала в таком состоянии хождения по «дорожкам» и «тропинкам» в поисках смыслов, пока не случилось нечто необъяснимое и для меня непонятное. Только это – не рациональное и логическое умозаключение, не что-то рассудочное, а совсем другое, что объяснить я не могу. Скорее – это нечто сокровенное и очень личное, поэтому скажу только одно слово – Встреча. Наконец, она состоялась и всё-всё изменилось! А дело было так: я стала просить отца Александра о крещении. Мы договорились о дне и часе, но дважды отца вызывали на требы, так что я ждала, видимо, так было нужно. И вот, наконец, оно состоялось, после трёх неудачных приездов и ожиданий! У отца Александра появилась пауза. Про само крещение я не стану рассказывать, хотя и, каждое слово, сказанное отцом, я помню очень хорошо, а также до малейших деталей, всё то, что было потом. Матушка Наталья Фёдоровна трогательно приготовила праздничный ужин и испекла пирог. Время шло стремительно, а электричкой до дома было ехать чуть больше часа. Пора отправляться в путь. И вот, я уже на станции. Была весна, вокруг бегали маленькие дети, они играли и собирали цветы. Такие розово-сиреневые первоцветы, вокруг их было огромное количество. Дети подбежали и спросили, который час. Я ответила, и тут же все они одновременно протянули мне свои букетики – я обомлела, но тут пришла спасительная электричка. Там я могла спокойно подумать о словах отца перед крещением. И для меня они были очень сущностные и очень необходимые тогда. В то же

время, был и некий парадокс, то есть то, что я не ожидала услышать, но это от моей дремучести, от моего незнания развития духовной жизни, её особенностей. Тогда отец Александр предостерёг меня от иллюзий, которые частенько посещают только что крещённых. Что теперь мол, всё будет происходить так, как я задумала. То есть, я ведь только добра хочу, забывая о таком свойстве, которое называется безоглядное своеволие. Дескать, ну да, я знаю, «как надо» поступать, как «правильно», тем более, что я уже крещёная, а значит, по определению, не могу ошибаться. Другие же мысли были о столь неожиданном и необычном поведении детей, которое я восприняла как «поздравление» сил Небесных и никак иначе, пусть меня заклеят в повышенной эмоциональности. Но я поняла произошедшее именно так, что отогнало все мои тревоги и страхи из-за позднего возвращения домой, где меня мог ждать допрос с пристрастием, где я так поздно задержалась. Удивительным образом этого не случилось, и я тихонько шепнула бабушке, что я крестилась и рассказала о «поздравлении» детей. Как осветилось её лицо дивной улыбкой, но помимо поздравления она сказала – «крепись»! У меня-то была исключительно одна только радость, как же я тогда многого не знала. Отец Александр мне сказал, что я могу приезжать в Семхоз, когда у меня будут какие-либо вопросы или проблемы. Я спросила, могу ли я просить его стать моим духовным отцом, на что получила утвердительный ответ.

Мне очень льстило то, что он интересуется моей жизнью в Загорске. Я рассказывала о своих любимых местах в родном городе, откуда ни я, ни мой брат, никак не хотели уезжать. Мы просили маму оставить нас

у бабушки, у которой была довольно большая, по тем временам, квартира и с ней жил только дядя. Но, увы, родители были категорически против. Так, наши с братом друзья и любимые места Загорска словно бы остались в другом измерении и в другом времени. Я очень тосковала и целый год каждую субботу отправлялась на электричке в Загорск, а в воскресенье вечером возвращалась. Лишь, после встречи с отцом Александром, я узнала, что и он сам и его мама крестились там же в Загорске. Что этот город славен такими именами, как отец Павел Флоренский, писатель и публицист, очень противоречивый и очень талантливый – Василий Васильевич Розанов, который умер от голода в 1918 году и был там похоронен. К сожалению, кладбище, где покоился его прах, было ликвидировано без какого-либо сообщения дочери. Так что, могила В. В. Розанова оказалась утрачена. Там же жил и писатель М. М. Пришвин, а богослов и писатель К. Н. Леонтьев принял монашеский постриг и покойся недалеко от Лавры.

Я не сказала о главном притяжении этого города, о его своеобразном «магнетизме», о котором словно бы Сам Господь сказал своим ученикам (когда они ловили рыбу), что теперь вы «будете ловцами человеков», то есть будете собирать вокруг себя народ. Как узнавали о святом Сергии? Люди приходили, поселялись рядом. А ведь он был монахом очень строгой, аскетичной жизни. Характерно, что гораздо позже, живший в Загорске архимандрит Серафим (Батюков) стал крёстным отцом и Алика (так звали маленького Александра Меня) и Елены Семёновны, его мамы – человека глубокой веры и мужества. Это было время гонений на людей, которые не соглашались поминать на литургии

митрополита Сергия, который сказал, имея в виду советскую власть, что «ваши радости и успехи – это и наши радости, и успехи». Это в то время, когда люди массово гибли в лагерях, в ссылках, на лесоповалах, а ведь это был генофонд интеллектуальный и духовный. Архимандрит Серафим был из так называемых «непоминающих», но об этом уже много написано. Воспитание человека состоит не из бесконечных нравоучений, а из впечатлений и эмоциональных потрясений, которые ребёнок получает в детстве. Ну, и конечно, из ощущения свободы, то есть не принуждения и всяческого насилия, как это было в детстве у отца Александра. Так, и он относился к своим чадам. Скажем, он предлагал заняться сравнением житийных рассказов о святых – например, Сергия Радонежского и Франциска Ассизского и только подбадривал, и похваливал взявшегося за дело. С такой поддержкой ничего не было страшно. А однажды я была свидетелем такого случая: лето, заканчивается богослужение, и вдруг небо потемнело до черноты и раздался такой грохот, что, казалось, сама земля отвечает на эти раскаты, а молния вот-вот ударит в наш храм Покрова Пресвятой Богородицы, что в Тарасовке. Дождь начался невероятной силы, а отец Александр вышел на амвон и сказал: *«Ну, зачем идти и мокнуть, давайте я вам расскажу поподробнее о том, чему вы сейчас были свидетелями и соучастниками»*. В храме большинство пожилых женщин, отец предложил поудобнее устраиваться и, если есть возможность, то лучше сесть, ведь они отстояли долгую службу. Потрясающая благоговейная тишина наступила в храме, я смотрела на эти лица, а на них было так сильно выражено ожидание чуда. Было удивительное впитывание,

вслушивание в каждое слово! Как жалко, что в то время у меня не было возможности запечатлеть эти лица. Никто не порывался уйти или незаметно ускользнуть, в отличие от партсобраний. Позже, в нашем приходе начали записывать проповеди отца. Добрые и активные прихожане стали их тиражировать и распространяли, а у желающих познакомиться с ними появилась такая перспектива. После того, как закончился дождь, и все стали расходиться, я услышала так много благодарностей в адрес отца, и что с ними никто *так* не говорил, и что они теперь действительно будут соучастниками богослужения, а слова, которые так часто раздавались, стали звучать по-новому. Я удивилась таким отзывам от очень простых, зачастую неграмотных, женщин.

Пиетет по отношению к отцу Александру у меня был очень большой. Я никак не могла понять и, тем более, принять такое обращение, которое по отношению к нему некоторые использовали, это – его детское домашнее имя Алик. Об отношении к себе могу сказать только одно слово – «отцовство», подлинное, истинное, как это бывает в дружных семьях. Где есть главное – любовь и понимание, а ещё – ты, такая, какая есть. Любый человек, который общался с отцом Александром, был ему по-настоящему интересен.

Когда я жила в Загорске, то любила обходить вокруг Лавры. От главного входа через овраг, где находилась типография. Кажется, это была северо-западная стена Лавры, очень высокая. Затем – через очередной пригорок, и я оказывалась в берёзовой роще, где очень любила бывать одна. Видимо, это было старинное кладбище, хотя никаких крестов там не было, лишь густая трава, дивной красоты берёзы и ровные ряды густо заросших

мелкой травкой невысоких холмов. Там было совсем не страшно, а думалось там так спокойно! Перед глазами открывалась панорама Лавры, видны были купола церквей, верхняя часть колокольной, такой замечательно стройной и красивой. Я видела и чувствовала, что отец разделяет мою любовь к Троице-Сергиевскому Посаду, да и причин к этому месту относиться по-особенному у него было предостаточно.

Сергий Радонежский – вот тот магнит, который так притягивал в Посад множество самых разных людей. Я помню Лавру после окончания войны. Моя память сохранила образы и впечатления, с того момента, когда мне было около пяти лет. Сейчас бы я назвала это «босховскими» иллюстрациями. Множество калек на сколоченных досках, на таких своеобразных помостах для безногих инвалидов, к которому крепились либо небольшие колёсики, либо подшипники. Управляли таким устройствами при помощи своеобразных «утюжков», которые помогали человеку отталкиваться от земли и ехать. Помимо безногих и безруких калек, в Лавру стекались кликуши или бедные, лишённые разума люди. Постройки Лавры требовали регулярного ремонта, хотя надо сказать, что реставрация велась, но черепашьими темпами. Война оттянула на себя значительное количество средств, и было впечатление, что там постоянно идут реставрационные работы. Я рассказывала отцу Александру, что мы с семьёй непременно в дни праздников или в воскресенье гуляли в Лавре и обязательно заходили в Троицкий собор. Там у раки Преподобного Сергия всегда горело множество свечей и пели, как я потом выяснила, и днём, и ночью. Пели акафист, из которого я слышала и понимала только одну

строчку *«Святой отче Сергие, моли Бога о нас!»*. Мы недолго там стояли, потом папа отходил в сторону и там ставил свечу. Никаких объяснений мне тогда не давали. И позже, я всё донимала отца Александра вопросами почему, мол, нас так тянуло именно в это место и почему вокруг Лавры собиралось такое количество больных и, порой физически очень страшных, людей? Отец Александр подробно и терпеливо мне объяснял, что святость людская сопряжена со светом духовным, который не всегда и не все видят реально, но чувствуют безошибочно почти все, а свет влечёт к себе всё живое и, тем более людей больных и людей с физическими изъянами, для которых это всегда почти неосознанная, но всё-таки надежда на жизнь полноценную, да и просто на жизнь.

Батюшка! Какое тёплое слово, в чём же проявлялось его отцовство? В силу моей церковной неосведомлённости я часто задавала отцу множество вопросов и ответы были разные, иногда он просто отвечал, а порой и рекомендовал мне прочитать о том, что меня интересует и, говорил где это можно найти. Вокруг отца я видела людей неординарных, количество таких самобытных персон значительно увеличилось с конца 1960-х. Это были и его друзья священники – отец Глеб Якунин, отец Николай Эшлиман. Всё, что с ними случилось после письма патриарху описано отцом Александром и опубликовано в книге *«А. Мень. О себе»*. Помимо неизменной доброжелательности, в его отзывах о друзьях и о любых других людях, всегда чувствовалась глубокая проницательность, порой сдобренная чувством юмора. Так про отца Глеба Якунина он говорил, что тот, как пионер «всегда готов» идти защищать

правду и справедливость безоглядно, без каких-либо компромиссов. Хотя иногда, эмоциональность и энергия о. Глеба играли с ним злую шутку, или, выражаясь на молодёжном сленге, его «заносило». Отца Сергея Желудкова о. Александр очень уважал и ценил то, что он пишет. Говорил, что это всегда искренне и очень талантливо литературно, призывал его не останавливаться, всегда подчёркивал его потрясающую честность, его воспитанность и деликатность. Семья Ведерниковых – это отдельная история. Анатолий Васильевич, отец семейства, где сын – пианист с консерваторским образованием стал священником очень уважаемым и любимым многими, очень скромным. Отец Александр говорил о нём, что он очень талантливый пианист, и что в нём есть что-то детское. Я слышала его игру в Коктебеле, и полностью согласна с оценкой отца Александра. Действительно, в музыке отец Николай Ведерников – талант, а в обыденной жизни он зачастую производил впечатление смущённого подростка, который пребывает постоянно где-то в своём мире. Его же отец – Анатолий Васильевич был редактором ЖМП (Журнал Московской Патриархии). С Александром Менем он познакомился, когда Александр, еще подросток сам проявил инициативу и пришёл для того, чтобы узнать, какие документы нужны для поступления в семинарию. К тому времени он ещё не получил законченного среднего образования, и Анатолий Васильевич порекомендовал ему сначала завершить этот этап, а затем уже поступать в семинарию. Повторное знакомство с Анатолием Васильевичем у отца Александра состоялось через несколько лет и, сложилось в замечательные, очень тёплые отношения и с ним, и с его женой

Еленой Яковлевной, которая была очень самобытным иконописцем. Такое «феофановское» чувство стиля как у неё, редко встретишь у современных иконописцев. Удивительная пара, лёгкие в общении, весьма широкого кругозора, и довольно тонкого юмора.

Отец Александр меня несколько раз возил к ним в гости, и я видела там уникальную коллекцию пластинок с записями гениальных голосов. А как Анатолий Васильевич о них рассказывал! Еще, будучи юным, в храме Христа Спасителя он слушал, как поёт знаменитый бас Константин Розов, и ему было немного не по себе: восторг от гениального голоса, который уносился в поднебесье, сопровождался страхом от звуков дребезжащих стёкол в окнах неподалёку стоящих домов. С этой семьёй отец Александр дружески общался всю свою жизнь и говорил мне, когда мы уходили от них, что всякий раз, когда ему удаётся найти время и навестить Ведерниковых, то, уходя у него складывается ощущение, что он уносит с собой что-то очень важное и дорогое, что общение с такими людьми – это всегда радость и подарок. Разумеется, я упоминаю далеко не всех, с кем отец Александр дружески общался, а только о тех встречах, при которых я присутствовала, как и мнения отца о них, которые слышала от него самого. Вот, например, когда у него был в гостях отец Дмитрий Дудко, то отец Александр уговаривал того оставить или хотя бы на время отложить в сторону его тексты. Отец Александр считал, что такая тема, которую решил осветить автор, должна отстояться, внутренне созреть, что там нельзя пользоваться примитивным языком и тривиальными примерами. Увы, уговорить о. Дмитрия не удалось, и о таинстве исповеди появился

текст, который сразу же вызвал множество вопросов и часто весьма неодобрительных отзывов. Отношения отцов на какое-то время стали прохладными, а отец Дмитрий категорически не признавал и не принимал никакой критики. Отец Александр говорил, что у отца Дмитрия очень хорошо идёт работа с молодёжью, что он очень добрый и искренней, глубокой веры человек, но тот жанр, за которой он взялся, не для него или пока не для него. При этом, отец Александр старался говорить мягко, пытаясь ничем не обидеть, но упрямство отца Дмитрия словно бы лишило его возможности слышать. Потом какое-то время спустя острота в отношениях сгладилась, тем более, что отец Александр понимал причину такого страстного желания у отца Дмитрия высказаться по поводу тайны, которая интересовала многих и, которую многие, мне кажется из праздного любопытства, стремились узнать.

Отцы, отцы, какие разные судьбы, какие разные характеры! Все они были интересны отцу Александру, всем он старался помочь. Иногда у него останавливались священники, например, когда заочники сдавали экзамены в Академии. Однажды отец попросил меня позаниматься с отцом Алексеем Злобиным, сказав, что это священник из глубинки, что он отец трёх или четырёх детей, что сейчас он приехал на экзамены в Академию и нужно ему объяснить всё о символике храма, иконостаса и о том, когда именно и каким образом сложилась эта система. Для меня это предложение было в радость, так как я совсем недавно читала отца Павла Флоренского, его знаменитый труд об иконостасе, была полна эмоциями, и рассказывала отцу Александру о своих впечатлениях от прочитанного. Таким

образом, мой энтузиазм и желание ещё кого-то осчастливить знаниями, которые только что получила сама, как нельзя лучше разрешились этим предложением отца Александра. Его умение привлечь своих духовных чад к какому-либо полезному делу отличалось тем, что он знал, кому что лучше поручить, к чему тот или другой человек больше склонен и способен. Надо признаться, иногда бывали и сбои, подводила леность человеческая, наша российская ментальность и необязательность. Отец знал эти наши особенности, они не радовали, не зря же он подписал ту фотографию с храмом на фоне поля – *«Жатвы много, делателей мало»*. Но он всегда говорил: *«надо двигаться дальше»*, и *«всё идёт своим чередом»*.

Мне не хотелось бы много о себе писать, чтобы не получилось нечто в жанре *«Я и отец Александр»*. Но я всё же ещё раз хочу вспомнить о его проявлениях отцовства по отношению ко мне. Зная, как я люблю Загорск, свой родной город, он предложил мне поехать с ним. У отца были какие-то дела в Духовной академии и ему нужно было встретиться с ректором – архиепископом Филаретом. Мне же, пока он будет занят, он предложил познакомиться с археологическим кабинетом, что, в сущности, оказалось небольшим музеем. По коридорам ходили семинаристы, где-то репетировали очень красивые церковные песнопения. Мой осмотр этого музея, где было немало отличных памятников, завершился знакомством с иконой XVII в., размером с ладонь, очень тонкого, изысканного письма. Фигура с маленькой головой, с богато украшенным орнаментом одеянием и надпись – *«О прибавлении ума»*. Вот такая многозначительная фраза, и где! Там, где учится большое

количество молодых людей, часто приехавших из маленьких провинциальных городов. Я спросила отца Александра о том, что мне показалось не случайным присутствие именно этого образа здесь, на что он ответил, что вероятнее всего, когда отбирали иконы для экспозиции, то кто-нибудь из сотрудников мог специально выбрать её, но это всё наши домыслы, и как это было на самом деле, видимо, знает только хранитель коллекции. Как бы то ни было, отец закончил свои дела в Академии, а я познакомилась с замечательным музеем, находившимся в здании Царских Чертогов Лавры. Разумеется, наш визит мы завершили посещением Троицкого собора. Там, как всегда, пели акафист святому Сергию, горело множество свечей, а я вспомнила наши семейные визиты по праздничным дням, когда мы только стояли неподалёку от раки Сергия и никто тогда не думал к ней приложиться, а мы просто стояли молча и каждый думал о чём-то своём. Мы с отцом Александром подошли и сделали, что полагается в этом святом месте. Надо сказать, что мои детские впечатления от посещения Троицкого собора, очень изменились. Сейчас рядом был отец Александр. Надо было лишь взглянуть на лицо отца, когда мы отошли от раки святого Сергия, чтобы понять, что именно подразумевают, когда говорят о красноречивом молчании. Мы оба молчали, а отец был как-то особенно сосредоточен, так, словно не хотел расплескать то, что мы только что получили в дар. Мы вышли на соборную площадь и вот тут я уже не могла сдерживать свои эмоции. Я с детства очень любила Лавру, а особенно колокольню Ухтомского, эту доминанту всего архитектурного ансамбля. Разумеется, тут же я стала с жаром рассказывать всё,

что знаю об архитектурных стилях, которые можно увидеть здесь, но в какой-то момент остановилась, потому, что понимала, что отец и так всё знает. Вот только про реставрацию оставила рассказ «на потом». О ней я знала от Виктора Ивановича Балдина, который много работал в Лавре и очень любил монастырь. Так я запомнила на всю жизнь, что надо уметь прислушиваться к состоянию человека, который рядом с тобой, что так выплёскивать свои эмоции довольно эгоистично, молчать тоже надо уметь. Уже не помню, кто сфотографировал нас с отцом, идущими к монастырю по последнему перед воротами обители взгорку.

Загорск, 1970-е гг.

Так случилось, что почти все наши многочисленные встречи я запомнила довольно хорошо с массой каких-то мелких подробностей. Например, я приезжаю в Семхоз, Наталья Фёдоровна на работе, а отец быстро что-то готовит к вечернему чаю, в мгновение ока нарезается батон на ломти хлеба, крошится плавленый

сырок с луком, рекомендованный для готовки супа, всё это немедленно отправляется в духовку, а пока заваривается чай. Ароматы готовящихся горячих бутербродов, ох, как влекут к себе! Всё это делается легко, красиво выглядят подрумяненные бутерброды, а как вкусна эта простая еда! Ну, и конечно, мы говорим о том, что интересует и волнует многих: о книгах Гессе и Бёлля («Где ты был Адам?») или о том, что реально стал действовать Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Или о том чуде, как регулярно выходящие «Хроники текущих событий», при нашем-то регламентированном жизнеустройстве. Время от времени, отец мне что-то советовал почитать, то книгу Бориса Зайцева о Сергии Радонежском, то – Владимира Соловьёва «Духовные основы жизни». Всё, что советовал мне отец, попадало ко мне в руки, когда я была подготовлена к восприятию текстов того или иного автора. Удивительное и чуткое отношение, деликатное и, вместе с тем, руководство, в котором свободно дышится и хочется быть рядом с отцом, слушать и запоминать то, что он говорит.

Всю мою жизнь, начиная с нашего знакомства, даже когда я ещё не была верующей, я знала, правильное сказать, чувствовала, что отцу отнюдь не всё равно, что со мной будет. Сходным образом, это понимал и каждый человек, кому судьба подарила счастье знакомства и общения с отцом Александром. Тянулись к отцу и образованные, и интеллектуалы, и люди искусства, и множество женщин, часто с очень тяжёлой жизнью, выпавшей им на долю. Всем он уделял сердечное внимание, причём такое количество судеб он держал в голове и всех помнил по именам! Мне это казалось свойством

феноменальным, как, впрочем, и многие другие его качества. Так чувствовать и ценить каждый миг жизни, как это происходило у отца – уникальная черта его натуры. При этом, всё, что он делал, было органично, естественно и, казалось, легко. Близкие же люди знали, сколько раз отец переписывал и дорабатывал свою первую книгу «Сын человеческий». Если подумать, сколько всего сделал отец за свою совсем не длинную жизнь, то удивляешься, а правильнее сказать – ты поражён, изумлён таким восхитительным, виртуозным обращением и управлением временем! Как описать его занятость в течении суток? Как можно было совместить службу в храме и требы – это дело понятное и обычное для священника, но как быть с таким, порой зашкаливающим, количеством желающих поговорить с отцом? Вместе с тем, происходили не только встречи с различными людьми, но и создавались книги, готовились проповеди, никуда не исчезали родительские и просто семейные обязанности. И дело даже не в том, насколько много он успел за свою жизнь сделать, а в потрясающей глубине и безусловной искренности того, о чём отец говорил и писал. Я слышала разговоры и отзывы тех, кто был на его проповедях или же читал книги отца. Когда я слышала фразы наподобие: *«А ему я верю!»*, как однажды сказала женщина, стоявшая неподалёку от меня около храма, на сердце становилось так тепло! Это дорогого стоит.

Часто говорили, что отец Александр «поцелован Господом» или, что он ходит всегда перед Ним – все чувствовали, что это реальность, что так оно и есть. Поэтому так и стекались к нему люди и каждый хотел чем-то поделиться, о чём-то спросить. Да и сам отец не

прочь был узнать о том, как и чем живут люди, в том числе и в других конфессиях. Однажды, когда я была в гостях у отца Станислава Добровольскиса в Пабярже, в Литве, неожиданно приехал отец Александр с Зоей Афанасьевной Маслениковой. Надо сказать, что в чём-то они с о. Станиславом были похожи, хотя, разумеется, это довольно смелое суждение. При таком антирелигиозном давлении у нас, и в Литве, оба священника занимались с молодёжью. Несмотря на постоянные предупредительные и «разъяснительные» беседы с уполномоченными по делам религии, которые регулярно и весьма настойчиво напоминали, что в нашей стране развитого социализма недопустима религиозная пропаганда. Однако, в Литве, в отличие от России, существовала одна весьма важная особенность, которая меня очень радовала. Я думала, как бы нам этот опыт перенять? Я имею в виду тот тип монашества, которое у нас встречается крайне редко – это монашество в миру. Мы, конечно, помним поэтессу, друга Александра Блока – Елизавету Кузьмину-Караваеву, которая погибла в фашистском лагере будучи монахиней матерью Марией (Скобцовой). Я была знакома и с монахиней-иконописцем, духовной дочерью отца Сергия Булгакова, – сестрой Иоанной (Юлией Николаевной Рейтлингер). Но, всё же, это было весьма редкое явление. Сестра Иоанна была с отцом Сергием до конца его жизни. Она пережила удивительное преображение своего духовного отца на смертном одре, что отметили все присутствующие. В Лавре, в тогдашнем Загорске, работала реставратором Мария Николаевна Соколова, умный, тонкий, много сделавшей для возрождения иконописи человек и только из некролога в ЖМП я узнала,

что она была монахиней. Так же стала монахиней в миру Елена Ивановна Казимирчак-Полонская, очень известный астроном. Я была хорошо знакома и с Еленой Ивановной, и с Юлией Николаевной. Они обе в молодости участвовали в Студенческом Христианском движении, где и познакомились. Только Юлия Николаевна уже была монахиней, а Елена Ивановна в ту пору занималась наукой, была замужем и жила в Варшаве. Они познакомились во Франции на одном из собраний этого молодёжного движения РСХД. И та, и другая были покорены личностью отца Сергея Булгакова, обе пронесли это чувство до самой смерти. Отец Сергей для каждой из них был неким эталоном священника и духовника. Более того, Юлия Николаевна говорила мне, что переживает и чувствует веру отца Сергея, как некое постоянное горение и свет, который распространяется вокруг него. А познакомил Юлию Николаевну с отцом Александром Менем – Анатолий Васильевич Ведерников. Вернее, инициатором знакомства была жена Анатолия Васильевича – Елена Яковлевна тоже иконописец и репатриантка, что по тем временам было весьма смелым поступком. Так что, монахини в миру – явление для России редкое, можно сказать, уникальное. Хотя, на мой непросвещенный взгляд, кажется, что так было бы чудесно, если бы в больницах работали монахини. В клиниках и в домах, где содержатся пожилые и одинокие люди.

Как бы то ни было, отец Александр мог воочию познакомиться в Литве с этой стороной духовной жизни, которая, несмотря на множество различных запретов и угроз, продолжала существовать. Но не просто, а как бы в подполье. Об этой стороне не говорили, но

большинство знали и о монахинях, которые ходили в обычной гражданской одежде, ничем внешне не выделяясь. Правда, их отличал взгляд – открытый, улыбчивый, доброжелательный. С отцом Станиславом Добровольским меня познакомила Наталья Леонидовна Трауберг. В свою очередь, она бывала довольно часто и у отца Александра Меня и не только она рассказывала ему об этом замечательном монахе, который был пострижен до ввода советских войск в Литву, в те времена, когда монахи ещё ходили с тонзурами. Позже, я увидела фотографии, на которых молодой отец Станислав с его прекрасной улыбкой очень напоминал какого-то голливудского актёра. Наша же удивительная жизнь, с её крутыми виражами преподнесла отцу Станиславу испытания, которые выпадали на долю большого числа священнослужителей, монахов, просто верующих. Лагерь, лесоповал, затем запрет проживать в столице и крупных городах. В ту пору была такая специальная статья, касающиеся бывших политических, а отец Станислав, да ещё монах, был, конечно, идеологически чуждым элементом. За таким человеком был нужен постоянный присмотр, а неизменные доносы не давали забыть в какой стране, вернее, в какой системе мы все живём. Отец Станислав же не считал, что он претерпел какие-то страшные испытания. Да, он был в лагере и на лесоповале, но, как он считал, это было не самым тяжелым испытанием. Он даже находил какие-то положительные моменты в той суровой реальности. Отец Александр Мень многое знал от вернувшихся сидельцев. Так, например, отец Дмитрий Дудко был в своё время арестован и приговорен к десяти годам лагерей. Вот там-то и пересеклись пути отца Дмитрия и отца

Станислава. Об этом мне коротко сказал отец Станислав, не вдаваясь в подробности.

Как хорошо, что это знакомство состоялось и этим двум замечательным священникам удалось пообщаться! Незаурядным, хорошо образованным, открытым к миру и людям. Отец Александр довольно много слышал об отце Станиславе как от Натальи Леонидовны Трауберг, так и от тех, кто по её протекции уже съездил в Литву. Отцу Станиславу его духовные чада также рассказывали о замечательном священнике, весьма необычном для своего времени. И вот, сначала, с дороги отца Александра пригласили в столовую. Отец Станислав непременно всегда радушно потчевал гостей. Меня он попросил принести из кладовки что-нибудь к чаю. Я понимала, что после чаепития будет маленькая экскурсия в мастерскую, где отец Станислав занимался возрождением традиционных национальных т.н. «солнышек». Это – своеобразные кресты, сделанные из металла, словно бы источающие солнечные лучи. Причём, отец Станислав приглашал всех, кто сам хочет попробовать свои силы и художественную фантазию в этом замечательном ремесле. А «солнышки» у отца Станислава были самые разнообразные по форме и по размеру. Их можно было повесить в красном углу или над дверью, либо над окном. Они получались похожими на некие обереги в крестьянских домах. Были солнышки и на высоких арматурных шестах полутора-метровой высоты. Их чаще использовали в памятных местах. Отец Александр познакомился с мастерской отца Станислава и с самим домом, где была коллекция медной утвари и собрание колокольчиков. Я полагаю, что разговор этих двух уникальных священников был

обоюдно интересным и, несомненно, полезным. Помимо того, что хранилось в жилище отца Станислава, рядом – в небольшом доме было хранилище церковной утвари и церковных облачений, вышедших из употребления в связи с решением Второго Ватиканского собора о переходе к более строгим и аскетичным одеяниям.

У отцов несколько различался способ ведения занятий с молодёжью. У отца Станислава богословские занятия и душеполезные разговоры непременно сопровождались какой-нибудь работой. Тут была и мастерская, и труды на воздухе, постоянно нужно было что-то покрасить или починить, или же просто убрать церковный двор. Не надо забывать, что всё это происходило в годы, когда, помимо совершения треб, священникам не разрешалось никакой деятельности вне церковных стен. Вместе с о. Станиславом прихожане приводили в порядок кладбищенскую ограду и вообще помогали поддерживать там такой стиль, который можно было бы назвать «парковым». Вдумчивая планировка, чистые, ухоженные проходы между могилами – всё это создавало светлое настроение. Неподалёку от ограды было особое место, где хоронили самоубийц. Оно было отмечено особым поминальным столбом около двух метров высотой. Сверху в нишах с округлыми дугообразными формами находились раскрашенные фигурки, изображающие сценки посмертной участи грешников.

И отец Станислав, и отец Александр много занимались с подростками. У отца Александра была программа изучения Священного Писания в «малых группах». Где довольно свободно каждый мог рассказать, как он понимает только что прочитанный Библейский текст. Потом начали появляться и книги отца Александра,

которые читали, передавали друг другу. Позже, стали складываться группы, которые посещали детей, больных онкологией. Благотворительная деятельность прихожан отца Александра расширялась. Полагаю, что отцы рассказали друг другу о делах в своих приходах, о сходных трудностях, которые им доводилось обходить и преодолевать.

Сама эта встреча была событием знаменательным, потому что встречаться представителям различных конфессий в столь тёплой и дружелюбной обстановке в тот период было скорее фантастической мечтой, нежели реальной жизнью. Слово «экуменизм» в нашей российской религиозной жизни скорее обозначает нежелательное явление. Подчас, оно даже носит оттенок как будто какого-то ругательства. При нашей всеобщей малограмотности и, часто встречающейся необъяснимой уверенности, что, мол, мы-то знаем, где Истина, где настоящая религиозная жизнь, где Правда. При таком самосознании, встреча о. Александра и о. Станислава могла подвергнуться порицаниям и жёсткой критике, не говоря уже о доносах в определённые органы. Я вспоминаю о том, как молодые люди различных христианских конфессий во второй половине 1970-х годов захотели устроить нечто подобное конференции. Молодой эстонский математик Тармо, очень активный лютеранин занимался выбором места, в котором будет проходить это событие, а также приглашениями участников. Предполагалось в своих докладах знакомить слушателей не только с особенностями того или иного вероисповедания, но и с теми притеснениями, которые испытывают христиане в нашей стране. Это свидетельствовало о давно созревшем понимании необходимости

диалога между различными христианскими конфессиями. Это была попытка собраться и поговорить о различных проблемах внутри каждой из ветвей этого мощного христианского древа, а также о предрассудках и об элементарном невежестве, которые так неуклонно следовали за жизнью. Мало кто говорил о решениях Второго Ватиканского собора, где просматривалось желание конструктивного сотрудничества Католической и Православной Церкви. Правильнее сказать, что подобную активность, в основном, проявлял Ватикан. Не надо думать, что за этим стояло желание смешать все разнородные церковные исповедания, словно в одном плавильном котле. Но, увы, очень часто именно так здесь и воспринималось слово «экуменизм». Образованные же и думающие люди говорили, что, в первую очередь, экуменизм – это желание, сохраняя свою самобытность, быть открытым к другим формам христианского благовестия и самовыражения. Дай Бог, чтобы желание узнавать друг друга продолжалось, и мы бы открывали в иных христианских конфессиях различные нюансы Божественного Откровения. Это – колоссальная палитра всех оттенков чувств человеческих, мыслей, знаний о нас самих и о нашей истории. Казалось бы, довольно просто отделить зёрна от плевел, но в реальности это оказалось не так. Второстепенное легко стало подменять главные, важнейшие вопросы жизни и веры. В качестве примера, можно упомянуть народные представления, касающиеся всего того, что связано с Богом и божественным. Порой это выглядит трогательно, но если для аналогии мы обратимся к искусству, то такие проявления всё-таки относятся к культуре примитивов. Когда же речь идёт об очень важных

вероучительных вопросах, то скорее обращаются к авторитетам из плеяды древних богословов.

Итак, это время было наполнено всевозможными страхами, а среди церковных деятелей, людей с богатым багажом знаний, и причём весьма разнообразных, увы, было немного. Я уже говорила, что при несомненной глубине и основательности познаний, отец Александр был человеком лёгким, любил хорошую шутку, умел слушать и как-то незаметно помогал людям. Вообще, всё связанное с отцом я бы обозначила, как гармоничное дыхание. В нём не было тяжёловесной поступи и нравоучительной занудной риторики. Меня и не только меня, но и многих других удивляло, как у него получается делать многие вещи, словно бы не замечая запретов властей. Будто бы не было вокруг недоброжелателей, ушей и глаз, которые всё видят и слышат. В то время ходила шутка, что «скорость стука, быстрее скорости звука». Бóльшая часть людей была в курсе того, что за ними наблюдают и довольно многое о них знают. Что же касается отца Александра, то, понимая, что за ним следят, он имел твёрдую, непоколебимую веру в то, что он не делает ничего дурного, запретного и постыдного. Ему всегда было свойственно чёткое ощущение возможной допустимости того или иного решения. Эта уверенность в чистоте намерений передавалась ученикам и всем его единомышленникам. Она была тем воздухом свободы, который помогал жить и переоткрывать давно забытые истины, сокрытые под мощным спудом страхов и завиральных идей наподобие материализма. Эти ядовитые миазмы отравляли довольно большое количество людей.

Многие с этими идеями не соглашались, но предпочитали отойти в сторону и помалкивали. Время «молчалиных» уже подходило к своему завершению, но до этого оставалось ещё каких-то пятнадцать или двадцать лет. Все пока жили, не зная, что грянут перемены, и мы станем живыми свидетелями Божьего реального участия в нашей такой сложной жизни. Всё на удивление свершилось довольно быстро, но в ту пору мы лишь подступали к этому удивительному историческому моменту. Всё стало преображаться во время приближения 1000-летия Крещения Руси. Но пока, у нас ещё оставались страхи на прежнем месте.

Отец Александр работал с молодыми прихожанами, объясняя невозможность расти и развиваться в замкнутом пространстве полноценно, а значит, было необходимо общаться с разными возрастными группами, с людьми различной подготовки. Я уже упоминала, что он инициировал создание малых групп, разъясняя, почему и зачем это необходимо в приходах. Не надо забывать, что это происходило во время, как говорила А. А. Ахматова «вегетарианское», но увы, всё еще достаточно опасное. Следили за теми, кто «не те» книги читает, кто «не туда» ходит, а уж если, не дай Бог, это священник, то затаскают и на работе, и в КГБ на «беседы», которые часто заканчивались приглашением послужить на благо Отечества и вообще высоким патриотическим слогом склоняли к тайной службе осведомителем. Все, в сущности, понимали, когда надо промолчать, и где может таиться опасность. В то же время, с конца шестидесятых годов и до девяностых, самиздат знакомил ищущих правду с положением дел. Там была разнообразная тематика. Конечно, в первую очередь, писали о том, что волновало и,

что жарко обсуждалось в обществе людей образованных и равнодушных. Это касалось и жертв политических репрессий не только в нашей истории, но и в настоящий момент. Большинству казалось, что время больших испытаний нам ещё только предстоит пережить. Удивительно, что отец Александр не вовлекался в эти тревоги надолго, невзирая на обыски, допросы и слежку. Всё это как бы существовало в ином пространстве и будто не относилось лично к нему.

Конечно, давление существовало, как «заноза», которая не давала забыть, в какой ситуации мы существуем. Это держало нас в состоянии постоянной мобилизации и концентрации. На этом фоне, отцовское ровное поведение, спокойное и, иногда, немного ироничное, передавалось нам. Мы видели, что отец Александр уверенно ведёт свой корабль. Внимательно и осторожно. Он думал не только о деле, которому посвятил жизнь, но и о нашей безопасности.

У отца Александра в малых группах, помимо занятий с евангельскими текстами и знакомством с различными богословами, трактующими смыслы Слова Божьего, предлагались и творческие работы. Например, описать и сравнить какие-либо две судьбы персонажей из различных конфессий. Скажем, изложить современным языком житие Сергия Радонежского и Франциска Ассизского и, затем вместе обсудить эти два пути. Также в малых группах занимались помощью больным. Стали ходить в онкоцентр к детям, а затем и к взрослым.

Отец Александр, как лоцман направлял наш корабль в путь к смыслам, будь это песня, картина или стихотворение. Он очень ценил творческий подход к любым начинаниям в любой сфере нашей жизни и не только

дорожил этими инициативами, но и старался подогреть интерес к каким-либо занятиям, которые развивали бы творчество.

Важен текст Священного Писания, который необходимо было не только слушать, как удивительно красивый момент богослужения, но и понимать его глубинный смысл. И для этого необходимо было вживаться в текст, во все его нюансы и интонации. Отец Александр предлагал молодым людям попробовать свои силы в переводах Священного Писания на современный русский язык, и приводил, как удивительно удачный, если не сказать гениальный, пример А. С. Пушкина с его

*Рождество, 1968 г. Стоят слева направо:
Наталья Вьюева, Илья Вьюев, Наталья Комарова,
Вера Яковлева, Марина Бессонова,
Михаил Аксёнов-Меерсон.*

*Сидят: Павел Мень, Евгений Барабанов,
о. Александр Мень, Елена Иващенко.*

Фото Анастасии Дуровой

переложением молитвы Ефрема Сирина на русский язык («Отцы-пустынники...»), в котором не утратилось сакраментальное значение молитвы. Отец призывал пробовать, дерзать на этом поприще, не бояться. Ему очень хотелось расшевелить молодёжь, побудить их к активным творческим действиям.

Я вспоминаю большую семью Эрастовых, в которой было семеро детей, и всегда в ней устраивались праздничные представления. С этим помогал тогда ещё просто Миша Аксёнов-Меерсон, который позже станет отцом Михаилом в эмиграции, окончив в Париже Свято-Сергиевский богословский институт, а потом в Нью-Йорке Свято-Владимирскую семинарию. Затем эстафету в занятиях с детьми принял Олег Степурко, замечательный музыкант, очень общительный, и прекрасный популяризатор евангельских текстов среди детей. Эти занятия всегда проходили и увлекательно, и познавательно. Надо сказать, что и Мишу Меерсона, и Олега Степурко дети очень любили. Они ждали праздников, когда будет подготовка к Масленице или к Рождеству. Они всегда устраивали настоящие представления с весёлой увлекательной драматургией, которые затем долго вспоминали. *«А ты помнишь, а ты помнишь?!»*, – так часто можно было слышать в разговорах ребят. Понятно, что их что-то затронуло, запомнилось в наших представлениях и занятиях. Это радовало нас, значит, не зря мы живём. Группы были разные по возрасту, и по направлению, и по увлечённости подростков. Очень нравилось ребятам исполнять песни из тех, что называли «авторскими». К слову, отец Александр очень любил песню «Есть только миг», а также вещи Булата Окуджавы, особенно «Возьмёмся за руки друзья».

Мне хочется поделиться своими наблюдениями за различным опытом в жизни христианских конфессий, которые мне случилось наблюдать. Бог так устроил, что у меня никогда не было вражды к католикам, а лишь интерес к их обычаям и культуре.

В поездках, отец Александр внимательно смотрел на возможность разнообразных способов работы с молодыми людьми. Это были различные стороны христианского вероисповедания. И в каждой из них, мы можем увидеть и заимствовать что-то интересное, полезное и нам. То есть, отец был напрочь лишён глухоты по отношению к другим/иным христианским общинам. Я помню, насколько увлечённо отец разговаривал с лютеранским пастором Эйнером из Эстонии, который одновременно с большим интересом относился к католичеству, а также очень хотел познакомиться с нашей православной верой, и со священником, о котором так много слышал (т.е. об отце Александре Мене). Я осуществила это обоюдное желание и познакомила их. Так что, мы потом шутили, что знакомство с различными конфессиями состоялось, а экуменическое взаимодействие, доброжелательное и очень обогатившее всех участников, началось.

Монашество в мире для нашей православной традиции было не совсем понятным явлением. Оно появилось на Западе на рубеже XVIII и XIX веков. Особенно активно эта форма монашеской жизни стала развиваться после предложения отца Шарля де Фуко о малых общинах со строгим уставом. Они распространялись по всему миру, в самых проблемных местах. У нас они появились после землетрясения в Армении в 1988 году. Мне это напоминало источающийся свет горящих

свечей, таких маленьких огоньков по всему миру. Они называются «Малые сёстры Иисуса» (существуют и «Малые братья Иисуса»). Мы познакомились с этими представителями другой культурной религиозной традиции здесь в Москве у нашей доброй знакомой Анастасии Борисовны Дуровой. Это были монахини – Жаклин Пишон и Клер Латур. И мы были очень рады представить их отцу Александру. Сестры часто участвовали в богослужениях, рассказывали мне, как им нравится, как их трогает серьёзное и проникновенное отношение к Причастию у нас. Я приставала к отцу с расспросами о том, как случилось в XI веке наше размежевание, расставание, которое длилось во вражде долгие столетия? Да и сейчас, надо сказать, страсти не утихают. И это на фоне того неоспоримого факта, что католики не меньше православных почитают Богородицу и Иисуса Христа. Отец дал мне понять, какую литературу желательно почитать. Помимо рекомендованных книг, он так живо рассказывал об историческом фоне, на котором разыгрывалась эта драма, что казалось, что он сам присутствует там, а мы всё это видим его глазами.

Надо сказать, что в жизни я часто сталкивалась с различными суждениями о том далёком времени. Чаше всего, весьма не лестными по отношению к католикам, хотя святые раннего периода христианской веры равно почитаются, как в православной, так и в католической церкви. Отец же Александр открыт был и к другим христианским ответвлениям и говорил, что мы должны внимательно относиться к поискам Христа в других конфессиях. Об этом он ясно и убедительно писал и в своих книгах из серии «В поисках Пути, Истины и Жизни». Отец многим людям помог встретиться не просто

с учением, а с Господом, с живым Творцом. И мы, духовные дети отца Александра, находясь рядом с ним, всегда ощущали это тёплое, ни с чем не сравнимое чувство соприсутствия Божия.

Как бы то ни было, шло время, и удивительная наша жизнь преподнесла всем нам невероятный подарок – празднование 1000-летнего юбилея Крещения Руси. После этого и началось стремительное изменение всего нашего уклада – и политического, и религиозного, и житейского. Была отменена руководящая и «единственно верная роль партии». Вот тогда-то изменилась и жизнь отца Александра. Теперь ему было позволено ездить за границу.

Я вспоминаю, как мне посчастливилось одновременно с ним быть в Коктебеле в начале курортного сезона, в июне, когда в Коктебель ещё не хлынула масса знакомых из Москвы и Питера. Я очень устала после ухода из жизни свёкра, и мечтала только об одиночестве, созерцании крымских пейзажей и моря, которым можно любоваться до бесконечности. В первый день моего пребывания там я увидела на автостоянке отца Александра. О чудо, без толпы вокруг него. Оказалось, он жил совсем рядом. Мы договорились, что рано утром пойдём в Тихую бухту. Там отец купался и читал самиздатскую книжку Елены Ивановны Рерих. Он комментировал прочитанное с доброжелательной иронией. Отец сожалел, что последователи идей Рериха частенько не обладают глубиной, а порой, и просто знаниями догматов христианского вероучения. И ещё, что очень важно, выдуманная символика Рериха и его троичность разных по цвету сфер, не добавляют какого-то нового прочтения уже давно изученной символики цветов в христианском искусстве.

Отец объяснил мне, что, так как сейчас пошла волна интереса к Тибету и, соответственно, к Рериху, то он должен быть в курсе той проблематики, которая волнует людей разных поколений, различной степени образованности. Пребывание в Коктебеле, когда там одновременно со мной был и отец Александр, стало для меня истинным чудом. Я задавала ему множество вопросов, часто касающихся необычных людей. Например, мы одновременно с ним были на концерте Марии Вениаминовны Юдиной, так что было, что с ним обсудить. Перед своими выступлениями, она, как правило, непременно говорила о сущностных вещах и, иллюстрировала свои мысли, цитируя Флоренского или Соловьёва. Так что мы, обсуждая этот концерт, вспомнили и о том, что там присутствовал отец Николай Ведерников, друг отца Александра и пианист по первому консерваторскому образованию. Отец Александр говорил о нём так тепло! Затем я мучала отца вопросами о пятидесятниках и о том, как они встречают праздник Пятидесятницы, и что это за такой эффект говорения на других языках – ксеногlossия, когда человек произносит слова на языке, с которым сознательно не знаком.

Первая половина дня проходила, когда отец читал книгу, затем купался, затем отвечал на вопросы. Однажды мы поднялись к могиле Максимилиана Волошина. Это было традицией, как бы освящать пребывание в Коктебеле воспоминанием о замечательном поэте, художнике и критике искусства. О том, как Волошин глубоко проникся природой Коктебеля, всем людям искусства было отлично известно. Отец говорил, что не надо забывать об этом уникальном человеческом свойстве Волошина. Разумеется, его достижения в сфере

искусства были ни для кого не секретом. Также мы говорили о том страшном времени, когда в Крыму менялась власть. Причём эта смена происходила с особой жестокостью, Волошин то прятал белых, то красных и нельзя сказать, что это было легко и безопасно.

Я очень жалею, что не записала тогда наших с ним бесед, а говорили мы с ним о самых различных сторонах жизни. Это были и вопросы о литературе и поэзии, об изобразительном искусстве. Тогда отец Александр рассказал мне о том, как он видит и понимает ход развития искусства. Самым всеобъемлющим, интеллектуальным и гармоничным для него был стиль модерн. Я поняла, что отец любит это направление. Когда он задумал построить рядом с храмом крестильню, то эскизы, которые он рисовал, сами говорили о его предпочтениях и о его чувстве формы и замечательном умении вписать новую постройку в уже сложившуюся среду. Другое дело, что то, что было задумано, увы, не осуществилось, строительство закончили уже после убийства отца Александра.

Последние три года жизни отца Александра были чрезвычайно насыщены разнообразными событиями. Помимо богослужений и треб, а также различных встреч и лекций, свой заключительный монументальный труд отец посвятил Библии. И тем, кто писал о Библии, и тем, кто и как иллюстрировал её. Иногда он заезжал к нам домой посмотреть в библиотеке нужные для него работы авторов. Мне казалось, что у отца нет времени на сон, но он, как всегда был бодр и в тонусе. У него всегда была присказка – «надо торопиться!».

Отец Александр познакомился с монахинями из братства младенца Иисуса здесь, в Москве. Их сложный

и трудный путь неизменно вызывал у отца живой интерес. Я ни в коем случае не хочу умалять российский религиозный опыт, где было немало достойнейших монахов и святых. Это – наше духовное богатство, тот живой родник, который до сих пор не даёт нам раствориться в корыстных побуждениях и гордыне. Интересно, что отец Александр собирался осуществить работу, в которой бы были представлены наиболее чтимые и до сих пор широко и часто упоминаемые русские православные святые, а рядом с ними – так же часто упоминаемые и в литературе, и в изобразительном искусстве святые католические. К сожалению, что-то не сложилось. А жаль, что у отца не хватило времени на выстраивание подобных параллелей.

В эти последние годы жизни отцу Александру была предложена работа на радио. Там он планировал представить свою любимую тему: Библия и культура вокруг неё – искусство, музыка, литература. Я должна была рассказывать о том, как начальные главы Библии отразились в изобразительном искусстве.

8 сентября я была в храме в Новой Деревне на свои именины, и мы условились с отцом, он окончательно уговорил меня принять в этих передачах вместе с ним участие. Увы, так и не удалось нам поработать вместе, 9 сентября 1990 года отца убили. Яростная, злобная, мстительная сила не могла не проявить себя, не могла дать жить и активно действовать этой дивной святости, что являл собой отец Александр Мень.

После его лекций масса людей либо активно интересовалась жизнью Христа и его последователей, апостолов, искали где можно было бы прочесть об этом, либо хотели креститься. Это было массовое явление.

Знак изменившейся общественной ситуации. И уже было не страшно зайти в церковь и говорить у всех на глазах со священником, теперь это не считалось «изменой Родине». Пришла пора нагонять упущенное. И именно в это время так нужен был отец Александр с его удивительной способностью образно, живо и аргументированно говорить о Христе.

После убийства отца Александра, у нас, его духовных чад, было острое ощущение вмиг наступившего сиротства, с которым поначалу невозможно было согласиться и поверить в то, что это правда. Поминальная молитва в Новой Деревне проходила в удивительной тишине и сосредоточенной молитве, без всяких тычков в спину со свечками и записками. Конечно, многие плакали, и не только женщины, но и мужчины. У всех нас были мысли о нашей дальнейшей деятельности. Так как многие начинания наши были результатом предложений отца, это накладывало особенную ответственность. Нам предстояло подумать, как всё продолжить. После отпевания мы собрались дома у отца Александра Борисова. Помню, как очень горевал Ив Аман. Было трудно поверить, что это не страшный сон и не фантазмагорический фильм, а реальное событие, с которым нам, осознав его, предстоит дальше жить. Странное было состояние, но в моих ушах всё время будто бы звучал голос: «Будьте взрослыми, будьте взрослыми!».

Мы старались организовать, задуманное отцом Александром, издание Библиологического словаря, который охватывал многообразные сферы творческого осмысления Библейских текстов. Он семь лет работал над словарем. Нельзя забывать и о «малых группах», которые собирались помимо богослужебных дней, чтобы

провести занятия по разным вопросам. Это могли быть обсуждения книг либо статей, которые живо интересовали думающее культурное сообщество.

Как и прежде, прихожане помогали детям, больным онкологией в Детской Клинической больнице. Это довольно сложный труд, и добровольцев специально готовили к этому. Надо сказать, что отец Александр сам показал на своём примере, что это добродетельное дело необходимо не только больным детям, но и нам, взрослым, что бы сердце не черствело. То, есть «душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!». И этот девиз отец Александр постоянно воплощал на своём личном примере. Несмотря на свою безумную занятость, он всегда помнил и о нуждах сотен людей, и знал их всех по именам.

В день, когда прихожане прощались с отцом в Новой Деревне, в храме было огромное множество народа. Рядом со мной стояла женщина, которая хотела поделиться впечатлениями о внимательном и добром отношении отца к ней. Она говорила о том, что, мол, она простой человек «и книг не пишет, и картин не рисует». Но отец знал, что её сын пришёл из армии, а из всей одежды гражданской очень сильно вырос. И отец Александр тихонько положил ей деньги в карман и приложил палец к губам, мол, молчи! Вот так просто. Предельная искренность, с которой он относился к людям, подкупала всех, с кем он общался. Ему были интересны люди из разных слоёв общества, исключение составляли хитроумные манипуляторы, балансирующие на грани дозволенного, обыгрывающие проблемы духовной жизни. У отца было удивительное чутьё на этих персонажей. Он всегда старался отстраниться от них, причём, с мягкой

иронией. Однако, за этим стояло весьма твёрдое отрицательное отношение. Но он никогда не позволял своей оценкой обидеть или унижить собеседника.

Отец всегда был в центре всевозможных проблем, волновавших думающих и следящих за реальной жизнью людей. Это могли быть и наши внутренние социальные коллизии, и какая-то широко обсуждаемая книга, взбудоражившая круг интеллектуалов. Время от времени на горизонте возникала та или иная модная тема, на что отец также откликался. Я уже упоминала, как будучи на отдыхе в Крыму, на пляже он читал опус Елены Ивановны Рерих, зная, что молодёжь очень привлекают рассуждения о Шамбале. Он считал, что должен хорошо подготовиться к разговорам на эту тему. Реплики же, которые я слышала во время его чтения, скорее можно было назвать шутливыми дружескими замечаниями.

После трагической гибели отца множество задач встало перед нами, начиная с вопроса, где и у кого, мы, его духовные чада будем окормляться. Надо сказать, что очень большую роль сыграла активная позиция директора библиотеки Иностранной литературы Екатерины Юрьевны Гениевой. Она предложила мэру Москвы Лужкову передать прихожанам бывшую типографию Министерства культуры, которая находилась в переделанной в советское время церкви свв. бесср. Космы и Дамиана.

Правительство после празднования Тысячелетия Крещения Руси значительно активнее стало демонстрировать свою лояльность по отношению к инициативам, идущим от церковных властей. Так мы получили храм в центре Москвы, со священником Александром Борисовым во главе. Добрым старым другом и

единомышленником. Таким образом, объединились два потока: паства отца Александра из Новой Деревни и приход отца Александра Борисова из Москвы. Работа предстояла грандиозная: надо было создать ответственную, рабочую двадцатку. Старостой выбрали Татьяну Птушкину – человека решительного и знакомого с архитектурной практикой. Также были собраны: художники, искусствоведы, историки и практикующие строители. Группа собралась довольно большая, что оказалось не совсем правильным – множество споров затрагивало различные вкусы, а это, как известно, почти неразрешимая проблема. Причём не были обозначены критерии, условно говоря, какая художественная школа, или произведения какого художника берутся за образец. И здесь наметился барьер, так как оказалось, что нет никакой возможности объяснить, что замена неудачной росписи на более совершенную и просто более профессиональную – это обычное дело. И мы уткнулись в мнение, что нужно повторить то, что было написано на своде. Меня удивляло это охранительное суждение, и я говорила, что мы не Рублёва собираемся самовольно удалять со свода, но изображённая фигура Господа получится лежащей и не в рост. В конце концов, я просто устала говорить о студиях, которые делают студенты, исполняя в рисунках изменения положения фигур в разных ракурсах. Это лишь один из примеров по ходу нашей работы по устройству восстанавливаемого храма.

Сначала нужно было очистить помещение, которое нам досталось. Надо сказать, что к тому моменту здание было разделено на этажи. После выноса печатных станков необходимо было привести в порядок полы.

Одним словом, предстояло море работы, и большая тяжесть легла на старосту. Она как полководец должна была видеть и управлять решением множества вопросов и проблем. За этими хозяйственными делами мы не забывали, что храм и его приход наполовину состоит из прихожан отца Александра Меня. Сразу же мы озаботились вопросом о том, где мы будем собираться. Переоборудовали одну из комнат под храм. Соорудили алтарное пространство, всё делали сами. Так у нас появилась действующая церковь, хотя основное здание всё ещё реставрировалось и ремонтировалось. После такого трагического удара, как убийство отца Александра, который на нас обрушился, было нужно включаться в жизненно необходимые дела. Конечно, были у нас и споры, связанные с различными художественными представлениями о том, как и что нам изображать на стенах в храме.

В связи с этим, я вспоминаю один эпизод, связанный с началом нашей жизни в новом приходе, в Новой Деревне. Тогда я спросила у мужа, понравилось ли ему оформление храма, на что было коротко сказано — «смерть эстетам». Да, это была деревенская церковь, деревянная, небольшого размера, где были собраны иконы различных стилистических направлений и школ. Однако, при этом, они удивительно смотрелись, словно бы так и было надо. Они были согреты таким простодушным любованием, так что все высоко эстетические оценки сразу куда-то исчезали. Главное, что было в этом не слишком презентабельном храме — это активная жизнь многих молодых людей. В ту пору это было удивительно, так как приходы в основном заполняли люди старшего поколения, либо уже совсем старенькие

персонажи. Как тогда оценивали нового батюшку? Это можно было услышать в отзывах прихожан, как они рассуждают о нём. Не грек ли он? Уж очень он красивый, многое знает и рассуждает так просто и, при этом, убедительно. Конечно, не забывали и рассказать о его доброте, приводя свои примеры той помощи, которую он им часто оказывал.

Как бы то ни было, ремонт храма свв. Космы и Дамиана активно продвигался, но дел ещё было огромное количество. После освобождения здания от печатных станков, было необходимо всё вычистить, выдраить, вымыть. На всё это требовалось и привлечение людей, и очень активная и умелая организаторская работа нашей старосты – Татьяны Птушкиной. Мы обрели наш храм, о котором только могли прежде мечтать, наш дом! Нам предстояло решить множество проблем не только художественного плана, но и хозяйственных. Так что, все очень старались, каждый на своём месте. Собранная группа активных людей разнообразных специальностей должна была восстанавливать храм, ремонтировать и реставрировать, а это длительная работа. Хорошо, что у нас уже был как бы «походный» храм. Да, он был не большого размера, но как мы радовались, видя друзей, и все, несмотря на горе, которое мы остро переживали, были заряжены энтузиазмом. Да, мы создавали свой храм, и пусть не всё, что мы задумывали и придумывали, получилось. Теперь новое поколение будет осуществлять свои идеи, главное, что теперь есть свой дом и это – неизменное напоминание о нашем священнике – убиенном отце Александре, которого уже сейчас многие люди почитают как святого. По его книгам продолжается знакомство с ним, и он как бы всё

ещё продолжает осуществлять свою миссию на земле. Знакомство с Библейской историей и её героями всё ещё будоражат думающих людей, а отец Александр становится доброжелательным и уникальным проводником по вехам человеческих поисков смысла существования на земле.

Существует масса различных рассуждений о понятиях «быть и казаться». Так вот, отец Александр всегда в полной мере, соответствовал тому, о чём говорил. И когда он говорил о любви, то это и чувствовали люди, которые приходили к нему. Составленные им молитвы очень хорошо передают его интонацию, словно бы он находится с нами рядом. Это потрясающее чувство сопричастности отца с нами.

Да, так пророчество Христа, о том, что «вы будете ловцами человеков» в очередной раз исполнилось. Хотя, в нашей истории случались и горькие провалы, и отступления от истинного поиска самого Господа, а не каких-то призрачных политических успехов, я надеюсь, что грозное время нашего церковного кризиса минует. Сейчас другие времена, другие соблазны, сейчас стало модным прилюдно рассуждать о вере, о постах, и очень хорошо, что стали рассказывать о святых советского периода, например, о таких, как архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), который был одновременно и практикующем врачом и учёным. Его работы о гнойной хирургии не только знали, но они помогли спасти не одну жизнь во время войны. Он никогда не прятал и не скрывал своего духовного звания, ходил в облачении, а в кабинете помещал икону. Несомненно, в то время оголтелого атеизма, минимума культуры и общего образования, это было смелым и удивительным

шагом. В наши дни многое открылось, тайное стало явью, но где же покаяние? И убийство отца Александра тоже в том же ряду замалчиваемых дел, как будто это кому-то надо.

Однако, мы видим его труды, которые вдохновляют людей, зачастую мало знающих о временах Христа, о тех исторических реалиях, в пространстве которых происходила эта удивительная история Боговоплощения. И, конечно же, нам очень не хватает сейчас нашего духовника, с которым можно было говорить обо всём: и о внутрицерковных проблемах, и об отношении современных православных к католикам, и о рекламе, пропагандирующей ювелирные украшения с христианской символикой, и, разумеется, о новых интересных книгах и статьях.

До сих пор сочинения отца Александра раскупают и читают с огромным, нескрываемым интересом. Путь, Истина и Жизнь – те самые идеалы, открывающиеся через общение с отцом и знакомство с его книгами. И его духовные дети, его ученики стараются реализовать это в жизни. Нам, конечно, очень не хватает отца Александра, его реакций на разные случаи жизненные, его шуток и его заразительного смеха. Но его линию в служении и в жизни продолжили священники – отец Александр Борисов, отец Владимир Лапшин, отец Владимир Архипов, отец Виктор Григоренко и многие другие. Что же осталось нам после его гибели, после этой чудовищной трагедии? Книги, проповеди и лекции отца, его ученики и последователи. Из его начинаний продолжают жить малые группы и группы милосердия, посещающие больных детей и взрослых. Теперь есть благотворительный фонд имени Александра Меня, сплочённое сообщество

прихожан Храма свв. бессеребренников Космы и Дамиана в Шубине.

Жизнь со всеми её кульбитами, неожиданностями и перипетиями продолжается, так как ей и положено — главное, мы должны твёрдо знать, что мы не одни, с нами и Творец Небесный, и наш духовный отец Александр. Лишний раз мы убеждаемся, что зло не может вынести рядом с собой Святость, а отец Александр, смею заверить, был человеком глубокой, искренней веры. Да, он был убит, как многие мученики, но Господь «смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав». Отец Александр оставил нам и созданные им молитвы, и когда мы читаем их, то погружаемся в потрясающую атмосферу соприсутствия отца и слышим его голос, его тембр, его интонации. Да, он навсегда остаётся с нами. И мы благодарны.

Москва, 2021 г.

ПАМЯТНИК ПОГИБШИМ ЗА ВЕРУ

*Рассказ Михаила Меня,
записанный Александром Зориным*

В городе Шуя Ивановской области, на площади возле Воскресенского собора стоит памятник, посвящённый новомученикам Российским. Он напоминает о событиях 1922 года, когда безбожной власти большевиков не подчинились верующие люди. Не подчинились указу об «изъятии церковных ценностей», об ограблении церквей и монастырей. В Шуе начались волнения. Ценности были нужны большевикам – якобы для помощи голодающим. А на самом деле – для личного обогащения и подрыва Церкви. Голодомор в Поволжье 1921 года был удачным поводом для подобных репрессий. В то время, как Церковь в лице патриарха Тихона «соглашалась ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств» жертвовать церковные предметы, но неосвященные и не имеющие богослужебного употребления: не потиры, не кресты, не иконы. Но большевики изымали – крушили и грабили всё подчистую.

Тысячи протестующих собрались 15 марта 1922 года у православного собора. И были разогнаны пулемётным огнём. На площади остались убитые и раненые.

Памятник новомученикам изображает двух падающих священников и девочку, пытающуюся их защитить...

Главе государства В. Ленину, донесли о волнениях в Шуе и в других местах. 19 февраля 1922 года он пишет письмо правительству. Под грифом «совершенно секретно».

«Я прихожу к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. [...] Чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе, как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г. Шуи, а по возможности также и не только этого города, а и Москвы, и нескольких других духовных центров».

В 2005 году губернатором Ивановской области стал Михаил Мень, сын убиенного православного священника, который также попал под топор безбожной власти. Шуйские события минувшего века не выветрились из памяти русской Церкви. Губернатор и архимандрит Тихон, – ныне епископ Тихон (Шевкунов), – задумали поставить памятник на месте кровавого события. Однако Ивановская область далеко не самый богатый регион России и реализовать задуманный проект на бюджетные средства местная власть позволить себе не могла. Был брошен клич по коммерческим структурам не только Ивановской области. Отозвался московский предприниматель, готовый полностью профинансировать создание памятника.

Был объявлен конкурс, который выиграл известный скульптор Александр Рукавишников.

И тут выясняется любопытная подробность – почему предприниматель согласился пожертвовать свои деньги. Он признался Михаилу Меню, что жертвует их

не только в память трагического события, но и в память его отца – протоиерея Александра Меня.

В 70-годах прошлого века, он промышлял рискованным бизнесом, можно сказать, – контрабандой или, как тогда говорили, – фарцовкой: доставкой всевозможной техники из-за рубежа – магнитофонов, телевизоров и т.д. И один его приятель попросил для подмосковного священника привезти ротапринт – малую офсетную печатную машину. «Фарцовщик», разумеется, категорически отказался, понимая, что в случае неудачи, придется иметь дело не с ОБХСС, а с КГБ. Не только каждый ротапринт, но и каждый копировальный аппарат в Советском Союзе были на учете. Приятель уговорил его съездить вместе с ним к этому священнику – редкостному, интереснейшему человеку.

И он встретился с отцом Александром Менем. Беседа была продолжительная... Запомнилась на всю жизнь. Он понял тогда, для чего нужна типографская машина. Народ, потянувшийся к христианской вере, ничего о ней не знал. А только вера указывает истинный жизненный путь. Религиозная литература тайно и ограниченно пробивалась из-за рубежа. Её-то и нужно было размножать, перепечатывать... За то время, пока «фарцовщик» общался со священником, он многое понял из того, о чём раньше смутно догадывался.

И хотя он опасался чекистов, ротапринт привёз.

С отцом Александром он больше не встречался, судьбу ротапринта не знал – где и как он подключён к просветительской деятельности...

Памятник в городе Шуе – напоминание о бесчисленных жертвах за веру.

Никакая жестокость не может погасить тяги человечества к истинным ценностям – к правде, свободе, любви, – чему дьявольская власть всегда противится, всегда громоздит преграды и стремится уничтожить носителей истинных ценностей.

Павел Мень

НАШИ ПРАЗДНИКИ

Календарные праздники в нашей семье не отмечались. Кроме Нового года. Мама уступала папе. Он приглашал её в ресторан с двенадцати до часу ночи. Они возвращались, когда мы, дети, уже спали. Но мы стали подрастать, у нас появились друзья, свои компании, и в Новогоднюю ночь мы у кого-нибудь собирались.

Иногда у нас. Девушки, танцы. Тётушка, живущая неподалёку, всегда заходила проверить, как мы себя ведем, как празднуем, много ли на столе бутылок?..

Новый 1951 год, мне 12 лет, папа с мамой ушли, у нас кампания.

Ребята, друзья Алика, все старше меня, им по 16. Чтобы я чувствовал себя свободнее, брат предлагает посвятить меня в рыцари. Тут же вырезали из картона меч, один из юношей хлопнул меня мечом по плечу, сказал ободряющие слова, и я стал рыцарем.

К этому времени уже была реабилитирована ёлка, но всё равно её трудно было достать. Ёлочные базары ещё не появились. На Даниловском рынке мы покупали ёлку, завернутую в мешок, и тащили домой. Но наряжали ее к Рождеству, к 7 января.

Самодельные раскрашенные гирлянды, дореволюционные ватные игрушки, на самый верх крепили звезду – восьмиконечную, в отличие от сияющих на каждом шагу пятиконечных.

В те годы этот праздник был единственным без идейной начинки, не по этой ли причине пользовался у народа особым почитанием... Шампанское, вкусный

стол... А у верующих – пост. Мама посты соблюдала неукоснительно. И готовила, между прочим, на печке (газ провели в 52 году) нам и папе разные блюда. В среду, пятницу и в постные дни мы скоромного не вкушали.

У папы свой режим, свои вкусовые и идейные пристрастия. Он ведь с утра до позднего вечера на работе. Так что разговлялись мы только 7 января. Но, как говорится, келейно. Чтобы не привлекать особого внимания. Вечером в Церкви на праздничной службе, а седьмого, если не приходилось на воскресенье, – родители на работе, мы в школе. С соседями у нас были хорошие отношения, мама умела ладить со всеми. Правда, один пьющий сосед доверия не внушал. Он был вечно чем-то недоволен, а иной раз дерзок, очереди в туалет не соблюдал. Три семьи, 12 человек, трудно бывает, таким, как он, терпеть... Но мы его терпели. Мог ведь и донести, куда следует о странном нашем предпочтении.

Поэтому гостей в эти праздничные дни бывало немного. В 1946-м году посадили Марию Витальевну Тепнину, Нину Тропани, Елену Владимировну Вержбовскую, многих мечёвцев...

Поэтому мы были осторожны. Никаких икон на стенах, шкафчик с иконами при посторонних был закрыт.

Отмечали и все двенадцатые праздники. Скромно, но отмечали. Бывали и гости. Все кондаки и тропари с детства мы знали наизусть. Духовно нас поддерживала схиигуменья Мария, жившая в Загорске. У нас была постоянная связь. Она благословляла и все посты: первая, четвёртая и седьмая неделя Великого поста – без рыбы, ну а без мясного обходились все семь недель.

Молитва перед едой – обязательное правило. И молитва, и Евангелие – неотъемлемая часть жизни. Мама читала одну главу Евангелия перед сном каждый день. Пасха, Троица, конечно, отмечались, но главное торжество проходило в храме.

Папа тоже отмечал Песах. Но, скорее, в память о семье, в русле корневой традиции. Он учился в хедере, где один из учителей был атеистом. Учитель говорил: «Бога, конечно, нет, но Библия – главная часть нашей национальной культуры, ее надо знать». Ко всякого рода запретам папа относился с иронией. Например, к запретам праздничного или субботнего дня. «Что делать с яйцом, которое курочка снесла в праздник? – спрашивал папа с улыбкой. – Она ведь в праздник трудилась. Можно яичко съесть или нельзя?» Это, между прочим, проблема субботней заповеди, которую нарушал Христос. Но и до Христа она подвергалась критике.

Папин день рождения не отмечали, по еврейскому календарю день этот, 15-е шват, перемещается между январём и февралём.

Но папа от этого не страдал. У евреев, традиционно, дни рождения не праздновались. В паспорте у него стоял январь.

Его арестовали в 1941-м году по уголовному делу, но скоро выяснилось, что он не виновен. Его освободили, но Москва, – начало войны, – уже была закрыта, и он перебрался к родителям в Свердловск, куда они были эвакуированы из Киева. И там, на Урале, стал работать инженером на военном заводе. Имел бронь, и поэтому был невыездным.

В папиной семье были старший брат и три сестры. Иудейские религиозные обычаи строго соблюдались. Однако старший брат Яков увлекся коммунистическими идеями. Вступил в компартию и достиг высоких партийных должностей в Киеве. В 1919 году по ложному доносу его обвинили в присвоении имущества, которое конфисковало государство у богатых людей. Якова привезли в Москву и расстреляли через три дня. Вся семья понимала, что Яков никогда ничего не мог украсть. Для папы это событие было ужасным, и с 12 лет он на всю жизнь понял, что и коммунистическим властям доверять нельзя. Детям об этом страшном событии рассказали позже, когда мне было лет 12.

В начале войны мы переехали в Глинково, деревню под Загорском. Жилось и голодно, и беспокойно. Самолёты летали, бомбили, немцы уже под Москвой. Мы росли под покровом маминой молитвы, преодолевая страх и нужду. Бывало, что на завтра никакой еды не предвиделось, мама говорила: «Господь что-нибудь пошлёт». Посылал, так бывало всегда. То, что-нибудь из вещей поменяет на картошку, то тетя Вера привезет из Москвы продукты, которые она, ее отец Яков и брат Вениамин получали по карточкам. Делились с нами... Дядя Яков и Вениамин умерли от дистрофии. То вдруг мамин брат Лео проездом с фронта с рюкзаком консервов (американская тушёнка) и белыми булками, которых я никогда до этого не видел, появился в самый критический момент. Да и в Москве, когда вернулись в 43-м, есть всегда хотелось. Мама говорила – если уж очень невмоготу, намажь кусочек хлеба маслом...

В деревне мы жили без прописки, поэтому и в школу Алик пошёл только в Москве, и работы никакой в деревне маме не представлялось. Впрочем, какая там могла быть работа...

Папа был хорошим специалистом, на производстве им дорожили. И до войны и после. После войны он стал главным инженером на текстильной фабрике, терпели даже беспартийного. А подступались не раз, угрожали уволить. И когда его дети не вступали ни в пионеры, ни в комсомол – он молчал. Домой явилась классная руководитель, Фаина Израилевна. «Пускай идёт в комсомол, пускай идёт в комсомол», – говорила она об Алике. А меня особенно не беспокоили, во-первых, пример старшего брата, а во-вторых, я был хулиганистый, стилига, что с меня взять. Но поставили условие: «Если хочешь остаться в школе, постригись наголо» А у меня длинные волосы, спереди кок... Пришлось постричься.

После войны, в 50-х годах, отремонтировали и достроили дачу, в которой было 8 комнат, 4 террасы. И летом там гости не переводились: родные, приятели Алика, причём не зависимо от того, каких они были убеждений, какого вероисповедания или вообще никакого. Этот плюрализм по отношению к близким мы усвоили от мамы.

У мамы и тёти дни рождения почти совпадали. Их отмечали в один день 22 или 23 июля. Съезжалось много народу, родственники, друзья. И здесь уже взглядов своих никто не скрывал. О Церкви, о репрессиях, о бесправии верующих, о том, что они граждане третьего сорта, о беспросветной несправедливо-

сти. И мы, дети, росли на этом фоне. Не обольщались на счёт его показной парадности. Что стоит судьба маминых братьев...

Младший, Лео, родился в Париже – Лео Жорж Цуперфейн. Когда же семья переехала в Харьков, он стал Леонидом. В 19 лет бросил учёбу и по примеру своих сознательных сверстников отправился поднимать – Магнитогорский комбинат. Он был грамотный, здоровый человек. В 1939 году взяли в армию, и сразу – на Финскую войну. А там – бардак. Еды не хватало.

Голодные красноармейцы, одна винтовка на двоих, ни лыж, ни тёплой обуви... Лежишь в окопе, околевашь, и, если убьют твоего товарища, а не тебя, можешь воспользоваться винтовкой. А финские стрелки налетали стаями и расстреливали в упор.

В Отечественную войну, уже офицером, воевал под Сталинградом. На фронт присылали мальчишек, совершенно необученных. Лео вспоминал: «На них ползёт немецкий танк («Тигр»), а парни не знали, как обращаться с гранатой, выдернут чеку, а бросить не успеют... Взрывали сами себя... Однажды в рукопашном бою он прикладом снёс голову немецкому солдату... Из шейной дыры фонтаном хлынула кровь, а немец, уже безголовый, простирая руки, идёт на него... Долго потом Лео вскакивал по ночам – снился ему этот немец... А Сталинградская бойня преследовала его до последних дней, в беспамятстве он кричал: «Валька, Степан, бросай гранату, танки идут!».

Младший брат мамы, Владимир, родился в Харькове. Ещё учась в школе, решил стать военным. В 1941 году окончил артиллерийское училище и сразу на

фронт. Рассказывал, как в первые месяцы отступали советские войска: «Начальство удирало на малых самолётах, а мы часто под шквальным огнём, по мелко-лесью, по болотам, оставляя там своих товарищей...» Ко мне прилепилась какая-то девушка, радистка: «Не бросайте, выведите меня»... Я держу её под руку, пробираемся вместе и вдруг снаряд... и осколок в неё...

Зашёл в какую-то хату. «Дайте попить». Хозяйка говорит: «У меня молоко есть, попей, сынок». И тут же стук в окошко.

Немцы. Она мне: «Скорей, скорей – под печку». Заходят немцы, и видят на гвозде мою пилотку со звездой. Суют ей в лицо пилотку: «Где он?!» – «Нету, убежал, убежал» – машет рукой хозяйка. А я под печкой. Скрыченный. И вижу, как малыш, сынок хозяйки, топчется рядом, ему интересно, что там за дядя спрятался. Мать его оттаскивает, он хнычет, немцы не понимают, почему малыш плачет, дают ему конфетки. Они решили ночевать в этой избе... А я чеку выдернул из гранаты, но в нерешительности... Если взорву, то ведь и хозяйка с сыночком погибнут... Документ свой проглотил. Фамилия Цуперфейн, расстреляют немедля... Входит ещё один с фонариком. Чирк, чирк лучиком по полу и по моим лампасам... Но, наверное, не понял, что там за тряпки лежат...

«20 часов я, как тряпка скомканная, лежал под печкой, мучился – взорвать или не взорвать... Утром они ушли».

Он догнал свою часть. Когда восстанавливали документ, писарь не расслышал фамилию и записал Цуперфеев. Владимир так и остался с этой фамилией до конца жизни.

Рассказывал, что в Германии наши солдаты грабили, мародерствовали, насиловали немок. Маршал Рокоссовский издал указ, запрещающий насилие, при Жукове насилие процветало.

Кадровый офицер, он оставался в армии до 1947 года. Трижды подавал заявления на демобилизацию и, наконец, получив приказ, бросил всё своё нажитое имущество, мотоцикл, машину, и с одним аккордеоном, вернулся домой, в Новосибирск, где тогда жили его родители. Позже, он крестился вместе со своей дочкой Леночкой... Но – церковным христианином не стал. Не было среды, не было, быть может, в Новосибирске и достойного пастыря...

Я хорошо помню «дело врачей». По утрам отец вынимал газету из почтового ящика и когда открывал ее, становился мрачным, лицо его бледнело. Отец прекрасно понимал, какая угроза нависла над евреями в нашей стране. Он был главным инженером на заводе.

В марте 1953 года мне было 14 лет, я учился в седьмом классе 554 школы в Стремянном переулке (теперь это Вальдорфская школа № 1060). Директора школы звали Тимофей Алексеевич, он ходил всегда в военной форме, в кителе. Был он очень толстый.

Мы частенько встречали его у пивных, где они с собутыльником, школьным сторожем, опохмелялись. Мы его называли Бегемотом, потому что у него был огромный, в несколько слоёв, подбородок.

Однажды мы пришли в школу, нас всех выстраивают в коридоре, и Бегемот объявляет, что умер Иосиф Виссарионович Сталин.

Бегемот заплакал, и все его подбородки разом затряслись. Это было жутко смешное зрелище. Многие

ребята тоже всхлипывали. А мне было смешно. На стене висели портреты вождей. Чтобы не засмеяться, я стал смотреть на Берию. Он серьезный, в очках, подействовал на меня отрезвляюще. В общем директор порыдал, ребята повсхлипывали и нас отпустили домой на три дня.

Вечером папа радостно объявил: «Балабус отбросил копыта!» Балабус – это на идиш «хозяин»: хозяин отбросил копыта! И мы с моим приятелем Мишей Куниным (у него в семье тоже прекрасно понимали, кто такой Сталин) были страшно довольны: три дня свободных! Мы гуляли по улицам, жалея лишь о том, что кинотеатры и катки не работали из-за траура...

Мы с братом в школе, естественно, скрывали свои взгляды. Но среди одноклассников на самом деле большинство в те дни грустило. Я был в абсолютном меньшинстве. А у Алика – я знаю, был одноклассник Ефим Шагалов, он был единомышленник, по крайней мере, политически – в его семье кто-то пострадал, он и дома у нас бывал.

Смотреть на Сталина я не пошел. У меня с детства остались довольно мрачные впечатления от толпы, от первомайских демонстраций, на которые мою тетюшку – она работала в Институте дефектологии – заставляли ходить. Я ходил с нею, чтобы ей было веселее. А здесь опять толпа... Нет, не пойду... Вместо этого лучше погулять.

А Алик, со своими друзьями, на похороны пошли. Зажатые в толпе, дошли они до Трубной площади, а там по пожарной лестнице взобрались на крышу дома и так, наверное, спаслись. Знакомую девушку, подругу

одноклассника, задавили насмерть, – как тысячи других, скорбящих или просто любопытных, пожелавших посмотреть на вождя в гробу.

Ну, и разумеется, ни 1-го мая, ни 7-го ноября, ни прочих «красных» дней календаря, мы праздниками не считали. С малых лет понимали, что происходит в стране. А 9-го мая, зная правду о войне, вспоминали и молились о погибших и пропавших без вести.

ПАМЯТИ БРАТА РОЖЕ ШЮТЦА

Брат Роже Шютц
12.05.1915 – 16.08.2005
Фото С. Бессмертного

Священник Владимир Лапшин

**БРАТ РОЖЕ:
ЖИТЬ МИРОМ И РАДОСТЬЮ**

Сегодня включил компьютер и обнаружил, что последний раз пользовался им больше полугода назад. Ничего не писал, да и не хотелось. Точнее, просто не знаешь, что сейчас можно писать, находясь в России. Для каких-то коротких сообщений и обращений к прихожанам вполне хватало мобильного. Но момент настал, и вот пришлось себя подвигнуть: год 2025-й – особенный. В этом году 110 лет со дня рождения брата Роже Шютца и 20 лет со дня его трагической гибели, и в этом же году 90 лет со дня рождения отца Александра Меня и 35 лет со дня его убийства. Два дорогих и близких мне по духу человека, которых я считал своими наставниками. Они прожили очень разные – и по количеству прожитых лет и по внешним обстоятельствам – жизни, но закончили их здесь, на земле, одинаково – их обоих убили, пролили их кровь за верность Иисусу Христу и Евангелию.

Меня сейчас часто спрашивают, как бы переживали отец Александр и брат Роже события нашего времени, что бы они чувствовали и что бы говорили. Я не знаю, а гадать не хочу, тем более, что будь они сегодня живы, одному было бы уже 90, а другому и вовсе 110 лет, и неизвестно, были бы они вообще в состоянии что-то говорить. Но я знаю, чему они учили, о чем говорили, когда были живы, когда имели возможность говорить. Собственно, они и сегодня продолжают жить и говорить, учить и наставлять через свои книги и своих последователей. И это главное!

Должен признаться, что, хотя я считал их своими духовными наставниками, я никогда не был к ним как-то приближен. Наши личные встречи, даже с отцом Александром, были не частыми, не такими частыми, как хотелось бы. С о. Александром я познакомился в 1978 году и был знаком с ним 12 лет. Но посещать его в Новой Деревне, где он служил, или в Семхозе, где он жил, мог не часто. Сначала, в течении шести лет из-за специфики моей работы (многомесячные изыскательские экспедиции), потом три года Семинарии, когда каждая минута была на счету, ну и последние три года его жизни наше параллельное священническое служение на приходах в разных концах Московской области – он на севере, я на дальнем юге. Но все эти годы я получал и чувствовал его поддержку. Я взахлеб читал все его книги, которые к тому времени были изданы только за границей и в Союз привозились, конечно, нелегально. Их ждали, передавали из рук в руки. Такая книга, наряду с Библией или Евангелием, считалась самым хорошим подарком для хороших людей. Что-то ходило по рукам и в Самиздате – рукописи, переплетенные на дому. Ну, а уж его проповеди, его общие исповеди мне казались вершиной гомилетики. Все ловили каждое его слово, при том, что говорил о. Александр очень просто, чтобы понятно было каждому, присутствующему в храме.

И хотя говорил и писал отец очень просто, но то, о чем он говорил и что он говорил, заставляло задуматься и переворачивало сознание. Это была подлинная метафизика (обращение). Он говорил и писал о красоте Божьего мира и о том, что люди своим неразумным вмешательством из-за собственного хищнического эгоизма очень часто вредят этому миру. Мне это было понятно

и близко. Он говорил и писал о братстве всех людей на земле, о Богочеловечестве и всеединстве, – мне этого хотелось. Но самое главное, он говорил о смысле жизни, о месте человека во Вселенной, о духовных исканиях всего человечества. К моим тридцати годам меня это занимало и мучало больше всего. Отец Александр подобно ап. Павлу призывал – всё исследуйте, хорошего, доброго держитесь, ищите всем добра, никому не отвечайте злом на зло. Слушать и читать это в Советском Союзе было почти преступлением, а уж говорить и писать!.. Тем, кто готов был его слушать... а кто не был готов? Все хотели его слушать, и он открывал нам богатство западноевропейской культуры. Ну, может, кому-то в силу его образованности это было и не так важно, но для меня, недоученного и необразованного, это было, как откровение. Ведь, что я, мы знали о европейской культуре, только приключенческие романы, а он рассказывал и писал о западных духовных поисках, о философской мысли. А как он писал о Востоке – буддизм, даосизм, конфуцианство! Ну и, конечно, мир Библии, Ближний Восток, библейские цари, пророки. Он жил этим, он говорил и писал об этом, как современник. Вдруг вспомнился фильм «Тот самый Мюнхгаузен». Помните, он рассказывает священнику, что недавно общался то ли с Шекспиром, то ли с кем-то другим из великих, уже не помню. И на него смотрят, как на сумасшедшего. А отец рассказывал о пророках, о царе Давиде так, как будто только вчера с ними виделся.

И это воспринималось совершенно нормально – да он знает, о чем говорит, это его живой опыт, ему можно только верить. И открывалась удивительная картина, понимание того, что мы все, когда бы и где бы мы ни

жили, мы все люди, которых мучают одни и те же проблемы, мы задаем одни и те же вопросы и ищем на них ответы. Да, в разные времена и в разных уголках мира это было по-разному, мы шли, искали и находили ответы на разных тропах и дорогах. Но мы все одна человеческая семья, мы все братья и сестры, способные, если захотим, понимать и любить друг друга, что-то делать вместе. Да не просто что-то, а всё, вместе жить и творить во славу Божию! А потом я увидел это в Тэзе, в общине, основанной братом Роже. Но до этого прошло несколько лет. А сначала, сразу после убийства отца Александра, я почувствовал себя сиротой. Хотя, в принципе, к тому времени уже давно научился, как мне казалось, самостоятельно принимать решения и отвечать за свои поступки.

Об общине Тэзе я уже что-то слышал в окружении отца Александра, но совсем немного. Поэтому, когда в начале осени 1993 года мне предложили возглавить группу российских паломников для поездки в Тэзе на автобусе, меня одолели сомнения. Стоит ли это того, чтобы тратить драгоценное время, да еще и отсутствие денег, тяготы путешествия на неприспособленном для этого автобусе. Ведь, первые годы ездили на Икарусе, а проехать надо было как минимум 6000 км (туда и обратно). В реальности же оказалось еще больше, проехали почти 8000 км. Но потом стало ясно, что не только стоило, но и было мне жизненно необходимо. Чудеса начались уже в дороге. Узнав, что мы путешествуем в Тэзе, нас принимали в католических и протестантских приходах в Польше, в Германии, потом в чудесном Медоне под Парижем. Везде предоставляли ночлег, пропитание, оказывали необходимую помощь. И, конечно,

живое общение, мы всем были интересны. В Советском Союзе нам постоянно внушали, что мы живем в окружении злобных врагов. Что все западноевропейские страны хотят нашей гибели, и даже страны бывшего соцлагеря в конце советского периода норовят «вонзить нам в спину нож». И как же радостно было узнать, что всё это не так. На обратном пути был опять и Медон, и снова радостная встреча с уже знакомыми братьями и сестрами, потом Бельгия, опять Германия и Польша. И везде радость общения, молитвы, беседы до позднего вечера. Но сначала Тэзе.

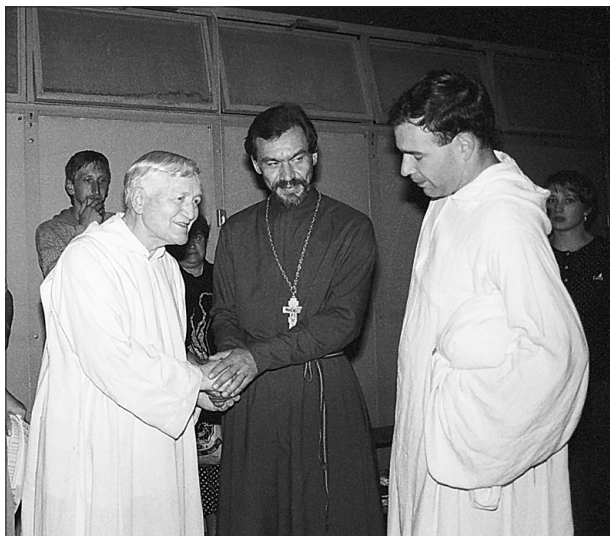
В общину мы приехали в конце сентября, и, хотя мы очень сильно запоздали с прибытием, приехали поздно вечером, почти ночью, нас встретили, всех разместили и даже, кажется, накормили. Сейчас уж и не помню. В общине были и есть несколько братьев, которые неплохо говорят по-русски – Мэтью (нынешний приор общины), Люк, Лео. Они нас просто опекали. А на следующий день, по-моему, прямо с утра, то есть перед утренней молитвой состоялось знакомство с братом Роже, основателем и приором общины. Ему тогда было 78 лет, то есть для меня он был уже глубоко

27.09.1993 г. Тэзе.

*Настоятель общины
брат Роже Шютц и
отец Владимир
Лапшин.*

Фото С. Бессмертного

*21.09.1993 г. Тэзе. Слева направо:
брат Роже, отец Владимир, брат Люк.*

Фото С. Бессмертного

пожилым человеком. Но сколько же в нём было внутренней силы и бодрости. Крепкие рукопожатие и объятия, а улыбка радостная и какая-то по-детски светлая. Его глаза просто источали свет и радость. Он совсем не говорил по-русски, я почти ничего не понимал по-французски, да и говорил брат Роже очень тихо, почти шепотом. На помощь пришёл брат Люк, который в те годы всегда был рядом с Роже. Но в первые минуты общения, при первой встрече в помощи Люка даже и не было необходимости. Взаимная радость от встречи, взаимное приятие и готовность дружить были очевидны с первого взгляда.

Колокольный звон собирал паломников на утреннюю молитву в храме. Вначале храм показался очень

странным – не то шатёр, не то навес, но с православными куполами на кровле. Много, много входов с разных сторон, а внутри в восточной части не то приподнятый алтарь, не то сцена. На сцене алые паруса и много огней. Эти алые паруса оставались там ещё много лет. Сейчас интерьер немного изменился. Храм в течение нескольких минут наполнялся людьми – белые, черные, желтые, красные. Было понятно, что они приехали туда со всего мира: Европа, Африка, Ближний и Дальний Восток, обе Америки. Совсем юные, среднего возраста с детьми, пожилые, мужчины и женщины. Показалось, что сейчас начнется «вавилонское столпотворение». Но в храме была тишина, а потом зазвучала красивая музыка и пение. Они проникали прямо в душу. Строки из псалмов, простые прошения. И при этом, хотя песнопения исполнялись на разных языках, всё было понятно, «каждый слышал как бы свое наречие». Это было не «смешение языков», а Пятидесятница! Братья общины, такие же «разноцветные», расположившись в центре храма, окруженные со всех сторон паломниками, задавали тон пению и молитве. Пел весь храм. В тот наш приезд в Тэзе было несколько сотен, может быть, около тысячи человек. Весной и летом там бывает и несколько тысяч паломников. Особенно в большие праздники.

Ну, а потом начались будни паломничества. Конечно, будни – это очень условно. Каждый день что-то новое, все интересно. Библейские введения, обсуждение и общение в малых группах, общая молитва три раза в день, совместная еда и какие-то необременительные послушания – мытье посуды, уборка помещений. И всё способствовало новым знакомствам и узнаванию друг друга. Помню, что мы с одним пожилым католическим

священником из Бельгии мыли общественный туалет и душевые. Но самое захватывающее в тот раз, да и вообще в первые годы наших поездок, было общение с братом Роже и другими братьями во время региональных встреч. На эти встречи собирались паломники из нескольких относительно близких регионов. Например, из России, Украины, Беларуси и Прибалтики. Но там же могли оказаться и люди из Западной Европы. Помню, один раз на террасе старого общинного дома нас собрали человек сто. Меня почему-то усадили на стул, а у моих ног прямо на полу сидел англиканский епископ. Очень хотелось понять, как всё это возникло, как зарождалось это Царство Божье на земле. Несколько братьев тихонечко разливали горячий чай и передавали паломникам, а брат Роже намазывал кусочки хлеба сливочным маслом, передавал из рук в руки и тихим голосом рассказывал о своем детстве, юности, о том, как пришло осознание необходимости такой общины, и как все было.

Брат Роже с поразительной нежностью вспоминал свою бабушку и мать, которые в годы Первой мировой войны и после неё помогали беженцам со всей Европы, в том числе и из России. Их мучал вопрос, как люди,

*Брат Роже намазывает
кусочки хлеба сливочным
маслом. 27.09.1993 г.
Фото С. Бессмертного*

принадлежащие, казалось бы, к одной европейской культуре и христианской традиции, называющие себя христианами, на поле боя при смертельной опасности молящиеся одному Единому Богу, могут убивать друг друга и причинять другим столько страданий. Эти святые женщины помогали всем, и католикам, и протестантам, и православным. Будучи сами протестантками, они стали заходить в католические часовни и храмы, чтобы там молиться. Да и отец брата Роже, протестантский пастор, тоже не стеснялся зайти в такой храм или часовню, чтобы помолиться Христу. Все это откладывалось в сознании юного Роже.

Конечно, не только пример родителей или нежные воспоминания о бабушке формировали его душу. Были и годы учебы, и тяжелая болезнь, долгое выздоровление, и духовные и философские искания. А потом Вторая Мировая. И снова «христиане» стали убивать друг друга. Тогда еще совсем молодой Роже, родившийся и выросший в Швейцарии, приехал во Францию и купил заброшенный дом в деревне Тэзе на юге Бургундии. Здесь, в деревенской глуши, он стал молиться и помогать беженцам так же, как это делали его бабушка и мать. Он помогал и католикам, и протестантам, и прятал у себя евреев, бежавших от нацистского преследования. Вскоре над ним нависла смертельная опасность, и он был вынужден на какое-то время уехать опять в Швейцарию. Но сразу после освобождения Франции, как только появилась такая возможность, он вернулся в Тэзе уже с несколькими друзьями. Так родилась община и началось великое дело Примирения, примирения христиан друг с другом.

В тот первый приезд к концу недели, проведённой в Тэзе, я понял, что я не сирота, что у меня вновь есть отец, духовный наставник, я почувствовал духовную связь с ним. Тогда, уезжая из Тэзе, я ещё не знал, увижу ли я его вновь, смогу ли еще раз приехать в это благословенное место. И вообще было совершенно неясно, чем встретит нас Россия – начало октября 1993 года, танки на улицах Москвы, расстрел Белого Дома. Но, прощаясь, брат Роже, как о чем-то само собой разумеющемся, совершенно уверенно сказал о встрече в следующем году, а на ухо тихонько шепнул – если что, помните, у вас есть домик в Бургундии. После этого несколько лет мои дочери подшучивали надо мной: ну хоть бы показал нам этот домик, прячешь от нас. Но маленький домик в деревне я и сам не видел, а вот большой братский дом и много, много братьев и сестер по всему миру община Тэзе и брат Роже мне подарили.

Брат Роже оказался прав, с той поездки в Тэзе началась наша духовная дружба и новый этап в моей жизни. Каждый год весной мы собирали новую паломническую группу и на автобусе приезжали в общину. В некоторые годы удавалось съездить туда и дважды, например, весной и осенью. Иногда группы наших паломников ездили и без меня. Но один раз в год, весной после Пасхи, я обязательно приезжал в эту деревню в Бургундии. Последний раз я был там в 2019 году. Но кто-то из наших прихожан, несмотря на все проблемы и препоны, и сейчас туда выбирается. И каждый раз все эти годы нас принимали и принимают с неизменной любовью и заботой. Мне не раз приходилось слышать от моих коллег в России, да и от некоторых просто «захожан», что нас специально там так привечают,

чтобы заманить в свои сети. Но в том-то и дело, что никаких сетей, кроме искренней любви, там нет. Там никого не пытаются «окаатоличить» или «опротестантить», ну или, как у нас в шутку говорят, просто «от-миссионерить», обратить. Все братья, возвращенные братом Роже в духе Евангелия, просто пытаются показать своей жизнью, своим примером, что для взаимной любви, для совместного делания и жизни вместе совсем не обязательно метаться в поисках лучшей конфессии. Необходимо только одно, единое на потребу – самому взирать на Христа и следовать по жизни за Ним. Самому быть хорошим католиком или православным, или протестантом, то есть просто христианином.

Весной 2005 года, в мае мы были в Тэзе. А 12-го мая брату Роже исполнилось 90 лет. Последние несколько лет он чувствовал себя не очень хорошо. Иногда пропускал общую утреннюю молитву, но по-прежнему источал свет и любовь, по-прежнему его рукопожатие было крепким, а встречи с ним, личные или региональные, – радостными. Каждому гостю он старался уделить внимание, хотя бы просто улыбнуться. И казалось, так будет всегда. Но 16-го августа уже поздно вечером по московскому времени от наших прихожан, которые в тот день были там, пришла страшная вестъ – брата Роже убили! Сначала мелькнула мысль – это невозможно, ну какой сумасшедший пойдёт на это, кому, вообще, такое может прийти в голову?! Но вот, пришло! Брата Роже убили ударом ножа в шею прямо в храме во время вечерней молитвы. Во время молитвы его всегда окружали дети, они сидели рядом. Я даже представить не могу, какой ужас они испытали в этот момент. Позже стали появляться сообщения в СМИ. А я вдруг осознал,

*Москва, 02.06.2006 г.
Храм Успения Пресвятой Богородицы.
Выступает приор общины брат Алоис,
переводит с английского – Михаил Завалов.*

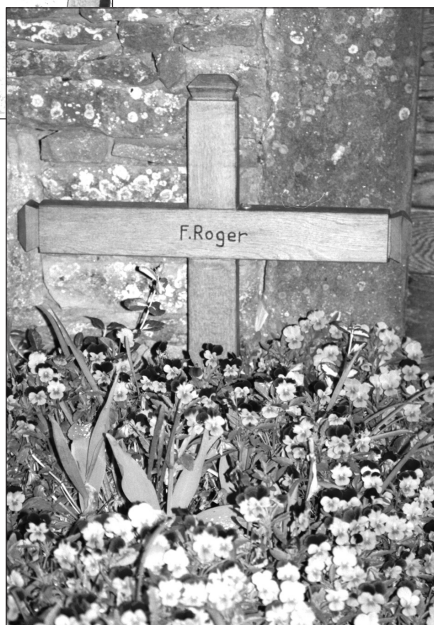
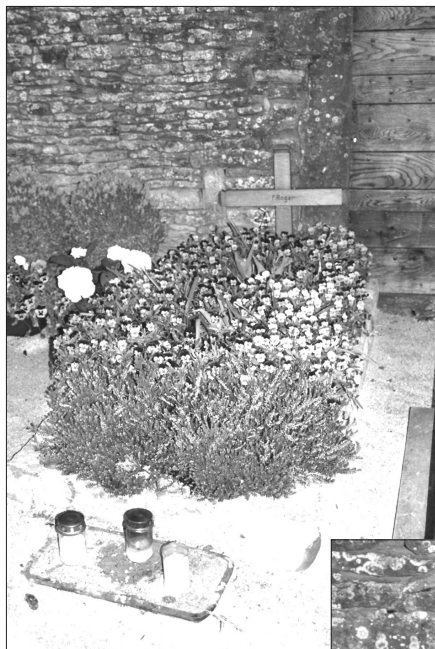
*С микрофоном отец Владимир Лапшин
Фото С. Бессмертного*

*02.06.2006 г. Храм Успения.
Встреча братьев Тэзе с православной молодежью*

*В первом ряду слева направо стоят
брат Люк, брат Алоис – настоятель общины;
в центре – отец Владимир Лапшин.
Фото С. Бессмертного*

*Могила основателя Общины Прими́рения
брата Роже Шютца. Тэзе, 2007 г.*

Фото В. Минченко

что наше знакомство с братом Роже продолжалось 12 лет, как и с отцом Александром. В этом для меня было что-то символическое, что-то очень важное. Это было знаком того, что настало время не сиротствовать, не искать новых наставников, а вместе с братьями из Тэзе, вместе с этой общиной продолжать великое дело Примирения, начатое братом Роже.

После 2005 года наша дружба и контакты с общиной продолжились. Новый приор общины брат Алоис и братья, опекавшие нас при брате Роже, сделали всё, чтобы мы в Тэзе не чувствовали себя сиротами. Более того, отношения углублялись. Некоторые братья, например, Мэтью и Лео, чуть ли не каждый год приезжали к нам в гости. К сожалению, такой возможности не было у нашего старого друга брата Люка. Он должен был поехать в Африку, чтобы там поддержать дело Тэзе. Надо сказать, что братья из Тэзе живут и работают не только в общине на юге Бургундии. Небольшие группы братьев, всего несколько человек, разбросаны по всему миру, особенно, в не очень благополучных регионах – Африка, Азия, Южная Америка. Там они живут среди самых простых, самых бедных людей, поддерживая отношения с христианами разных конфессий, стараясь наладить между ними добрые отношения и организуя какие-то общие проекты. Ну, а попросту говоря, на своем примере показывая радость совместной жизни и делания, делясь этой радостью со всеми, кто хочет жить миром и радостью.

А весной 2011 года на Пасху произошло чудо – состоялось первое паломничество в Москву! Несколько братьев общины во главе с приором, братом Алоисом, и несколько сотен молодых людей со всей Европы

приехали на Страстной седмице к нам в гости, чтобы разделить с нами Пасхальную радость. Несколько московских приходов, по благословению священноначалия, принимали паломников в своих храмах, расселяли их в семьях, обеспечивали пропитанием и проездными документами. Тогда наш храм был как бы штабом паломничества, координирующим центром. Было нелегко, но бесконечно радостно. Мы по-настоящему были причастны к чему-то большому и важному. Ну а потом были и другие паломничества братьев общины и молодёжи из Европы в Россию, как в Москву, так и в другие города. К великому сожалению, пандемия 2020 года, потом её последствия, а затем и последние события в нашей стране и на её границах поставили свои препоны. Как будто какие-то темные силы вознамерились нарушить нашу живую связь с общиной, попытались сделать её невозможной. И надо признать, что в чём-то эти силы тьмы преуспели. Но уничтожить дело, начатое братом Роже и благословлённое Самим Богом, уже невозможно, оно доказало свою жизнеспособность и стойкость. И я могу только благодарить Бога за то, что Он дал нам возможность быть причастными к этому, и молиться о том, чтобы тьма рассеялась, и мы снова смогли обнять братьев и сестёр по всему миру.

*Москва
11.02.2025 г.*

ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ

Священник Владимир Зелинский

ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ...

Эти тексты следуют за теми, что были опубликованы в «Христианосе-XXXIII» под хлебниковским заголовком «Стая легких времireй». Это все та же стая заметок, наблюдений, размышлений, но чуть уточнившая свой маршрут.

*Брешиа, Италия
2025 г.*

2018

10.02.2018. ПОМИНОВЕНИЕ УСОПШИХ

– особое церковное дело, которое по-своему оправдывает, наше, скажем так, «священное ремесло». Ты называешь имена тех, у кого уже нет слов на земле. Но ты жив, и можешь их имена произнести. Словно они их ждут, ты ощущаешь их ожидание. Оно налагает какую-то, трудно это выразить, ответственность перед ними. Откликаясь ожиданию, ты произносишь имя каждого, на мгновение окружив его воздухом благословения и молитвы. За именем стоит чья-то жизнь, за ней – душа, о которой, если это не друг и не родственник, ты ничего не знаешь. И в это произносимое с неизбежной сгороговоркой имя – а их бывает сотни и сотни – ты стараешься вложить частицу надежды и милости, открывающейся по ту сторону земной жизни. И та частица, как бы она ни была мала, где-то с тобой остается.

15.02.2018. «НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ»

Когда тебе исполнилось столько-то лет, пусть даже ты не успел их заметить, а дни, месяцы летят дальше, то, коль скоро ты полагаешь себя христианином, цель твоя – дожить до тех Симеоновых слов. Растворить их в сердце. Но сердце состоит из языческих, страстных пород, оно их отталкивает. Нет, Владыко, отпускаеши, но не ныне, удержи свой глагол. Ныне мгновение прекрасно, и солнце, и небо, и дождь, и чья-то улыбка. «Свет во откровение языков», вразуми!

04.08.2018. ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ПАМЯТЕЙ:

Митр. Антоний, Солженицын, о. Георгий Чистяков, Андерсен, И. Левитан, наконец, Мария, пришедшая первой ко Гробу. Каждый день омывается морем.

14.08.2018. ДОКТОР ГААЗ

Вчера (в день рождения Гете) исполнилось 165 лет со дня кончины доктора Гааза.

Гааз, классический западный праведник, всего себя подаривший тюремной, православной Москве. Жизнь, целиком состоящая из буквального исполнения 25 главы Евангелия от Матфея: «...был болен и вы посетили Меня; в темнице был, и Вы пришли ко Мне...». Каждый день, десятки лет, до самой кончины, ничего не оставляя себе. Ни семьи, ни богатства, ни времени. Святой русских каторжников. Святой больных, нищих, убогих, клейменных, умирающих на соломе, забытых, последних людей. Святой тюремных лазаретов, смрадных камер, Владимирской дороги... Ревностный католик, избранный Господом для служения православным, не спрашивая никого о конфессии. Носивший свое служение

без принуждения к милосердию, просто почему-то так в нем «изобразился Христос». Христос 25 главы.

Он, однако, принесший такого Христа в Россию, не только «ради нее потрудившийся» (даже успевший по-воевать за нее), но Его собою в России явивший, обновивший как икону, остался незамеченным Русской Церковью. Незамечаемый до сих пор. Доколе? как не спросить. Был немец? Так и первый русский юродивый Прокопий Устюжский (XIII в.) тоже немец, из любекских купцов, как и августейшая фамилия мучеников вместе с католиком Алоизием Труппом, недавно канонизированным, как бы заново крещенным посмертно кровью... С тех пор крещение во имя Пресвятой Троицы признается всеми Церквями, даже перекрещивать не надо. И вот совместная канонизация общего праведника, принадлежавшего куда больше Москве, чем Риму, могла бы стать тем самым словом, которое, как Христос сказал, сдвинула бы гору разделения, ввергла бы в море... Море, наверное, бы вышло из берегов. Римом доктор Гааз в прошлом году был уже причислен к лику блаженных (мой римский друг о. Джермано Марани активно здесь руку приложил). Может быть, и нас когда-нибудь позовут сказать: «Федор Петрович, милый, растопи и наши сердца милосердием твоим! Моли Бога о нас!».

О докторе Гаазе есть прекрасный роман Александра Нежного «Нимбус», прошедший, кажется, почти незамеченным.

Похоронен Фридрих Гааз в Москве на Введенском (Немецком) кладбище. На памятнике ему перефразированные слова Исайи: «Спешите делать добро». Могила его в 20 метрах от ограды, за которой похоронен почти

весь клан Зелинских: дед, бабушка, тетка и другие. И где, видимо, мне не придется лежать.

09.09.2018.

Поминаю о. Александра как убиенного все дни своего священства. Сегодня впервые помянул как святого Вселенской Церкви.

24.09.2018. ДАР ДО КОНЦА

Тайный подарок от Слова Божия ко дню рождения. «Ибо так возлюбил Бог мир...» – вчерашнее Евангелие. Бог посылает Сына, чтобы в Сыне мир был спасен. И ты – частица этого мира, существуешь, потому что Бог возлюбил мир. Как принять этот дар? Прежде всего откликом сердца, сокровенным знанием, что твое, как и всякое, существование есть дар, посылаемый сегодня.

Суть христианства, которое я открыл в 28 лет, для меня была именно в этом: Бог пришел не судить мир, но даровать его тебе для спасения, в меру милости Его и слабых твоих сил. Быть христианином – жить принятием дара в бесчисленных его ликах, иконах, отблесках, не однократным подарком, когда-то преподнесенным младенцу, но приходящим здесь и теперь, в твои 76 лет, которых пока практически не ощущаю. Да, завтра, нынешней ночью, все может кончиться, помню и знаю. «Только дай мне, Господи, прежде конца покаяние!» – просит православная молитва. «Только дай мне, Господи, это живое ощущение дара – до самого-самого конца».

08.10.2018. ЛОВЕЦ ЧЕЛОВЕКОВ

Вчерашнее Евангелие: «Отныне будешь ловить человеков» (Лк 5:10). Чудесный улов, от которого рвалась сеть, оказывается, уже не нужен Симону, теперь он – Петр, камень, рыбак вселенской Церкви, ловец. «И вытащив обе лодки на берег, оставили все и последовали за Ним». Ясно и просто. Но все же хочется дойти до сути: что имел в виду Иисус? Чем ловить человеков? Что это за сеть, которая привлечет нескладные косяки людей, радующихся, что их поймали? И которым в сетях будет по-библейски (Быт 1), по-евангельски (Мф 17:4) «хорошо»? И что за природа этого «хорошо нам здесь быть» – там, где, помимо всяких «хорошо», кишат еще и бесчисленные «проблемы Церкви»? Может быть, сам Бог оказался в этих сетях? Вместе с людьми и «проблемами»?

2019*07.02.2019. ТЫ И Я*

Чтобы различать твое «Ты», где спрятана превосходная его тайна, и свое «я», в сущности ничтожное и суетное, заключенное в тело, вложенное в социальные роли, занимающее место в обществе, приписанное к коллективу, облеченное в мировоззрение, погруженное в слова-слова-слова, нужно ощутить всю дистанцию между тем и другим. И решиться ее преодолеть. Не в этом ли то настоящее христианство, на которое никогда не хватает ни сил, ни времени, ни, главное, интереса?

10.02.2019. ДЕНЬ НОВОМУЧЕНИКОВ

Мученики памятные, мучители, в общем, забыты. И все же наша память должна быть конкретной, исторически заостренной, не просто соболезнующей вообще. Нельзя говорить о 70 годах сплошных крошечных гонений. Если тебя выгоняли с работы, вызывали на профилактическую беседу, вербовали, прессовали, не давали отремонтировать храм, стыдно становиться в один ряд с теми, кого избивали сутками, а потом ставили к стенке. Были гонения 20-х годов, потом 30-х, потом 50-х, они все злобные, но все разные. Имя тем бесам легион, но свиньи, в которые они вселялись, были все со своей индивидуальностью, не очень и похожие друг на друга.

Сразу после «великого октября» одержимость, видно, долго копившаяся, войной разогретая, вырвалась наружу, не прячась, надрываясь, изгаляясь, бросая вызов небу и собственной растоптанной детской вере, вырезая кресты на спине, топя в проруби, закапывая епископов в землю живыми (св. Андроник Пермский). То, что пришло потом, было масштабней, тотальней, но... иначе. Это как разница между погромом и окончательным решением. Легион вошел в другое стадо, и оно стало учреждением. Вошел в солидное стадо-систему.

Учреждение больше не допускало эксцессов. Оно обеспечивало счастливые лица на улицах, стахановские вахты на производстве и работало в рамках конституции, гарантировавшей свободу совести. Всерьез? Какие шутки; в самые оголтелые, бесноватые годы, когда священников расстреливали тысячами, а десятки тысяч шли в лагеря, уж не говоря об остальных, разве кто-нибудь из них пострадал непосредственно,

буквально, словесно, за исповедание, за священство? Многие из них, может быть, и хотели бы так пострадать. Но учреждение им такой привилегии не давало.

«Ты мне зубы своей поповщиной не заговаривай, сам в приходскую школу ходил. Религия у нас свободна. Ты вот здесь скажи на бумагу, какую правотроцкистскую организацию ты учинил под видом прихода? Кто сообщники? Имена назови! Явки укажи. А ружье у тебя почему? От деда, говоришь? Оно только с виду охотничье, а ты признавайся, гад, где пулемет зарыл? Думал, советская власть до тебя не доберется?»

Ты возражаешь, ты про веру, кто станет слушать? Но в протоколе так. В газетах так. И по радио все правильно. И на митинге. Вот и уважаемые священнослужители подтвердят. Какая там вера, о чем ты?

Потом сажали следователя, оказавшегося тоже врагом народа, и тоже все было хорошо. По бумагам, по отчетам, по сверхреальности. Той сверхреальности, которая и управляла шестой частью земли.

Когда слышу о православных всерьез тоскующих о сверхдержаве, думаю, где же вы наши старцы и духовидцы, владевшие искусством отчитки?

16.03.2019. КАНОН АНДРЕЯ КРИТСКОГО

Когда вослед Покаянному канону Андрея Критского, мы спускаемся в незаметную для глаза тину души, то находим там нераскопанные слои зла. Зла, в котором мир лежит. Мир, оказывается, населен персонажами Библии, и мы странствуем по нему наощупь, натываясь на старых знакомцев. «Вижу проходящих людей как деревья» говорит слепец, которому возвратил зрение Иисус. Здесь неясные облики обретают лица. Мы

встречаем их в памяти, чтобы от одних отшатнуться, другим подражать. Очевидный смысл Канона, когда он понятен, найти себя в себе и в мире, узнавая их заново в Священном Писании.

08.04.2019. БЛАГОВЕЩЕНИЕ И ВОСКРЕСЕНИЕ

Субботняя великопостная панихида накануне на этот раз не положена. Но люди все равно приходят помянуть умерших, потому что память о них настоящая, все всего стучится весной. Икона же весны, нежная тайна ее – Благовещение. «Послан был Ангел Гавриил от Бога... Радуйся, Благодатная! Господь с Тобою...» Это означало немислимое: Господь в Тебе! Было от чего смутиться, закружиться голове даже у Благословенной между женами. Есть сокровенная связь между этим зачатием, которое празднуется весной, и ожиданием воскресения мертвых. Такое ожидание, если вдуматься, тоже головокружительно. И вместе с тем оно сливается с вечным ритмом творения, само время подает о нем знак.

«Посмотри на то, как вся природа, к нашему упованию, внушает мысль о будущем воскресении. Солнце заходит и вновь появляется; звезды скрываются и опять возвращаются; цветы увядают и расцветают; деревья после зимы снова распускаются; семена не возродятся, если прежде не сгниют; так и тело на время, как деревья за зиму, скрывает жизненную силу под обманчивым видом мертвенности. К чему это нетерпеливое желание, чтобы оно ожило, когда еще зима в полной силе? Нам нужно дожидаться весны нашего тела». (Минуций Феликс, II век.)

29.05.2019. ЖЕНСКОЕ СВЯЩЕНСТВО

На богословской группе в Риме опять зашла речь о женском священстве. У протестантов и православных, говорю, здесь есть нечто общее: таковой проблемы нет ни для тех, ни для других. Протестанты поправили: нет, и у нас есть такая проблема, всюду есть непримиримые. Харизматические Церкви, число которых никто не может сосчитать, на дух такого священства не переносят. Тут и я вспомнил: вот и лютеранский архиепископ Латвии Ванагс, избранный пожизненно, женщин в пасторы не пускает.

Католики, участвующие в группе, все «за!». В Католической Церкви, говорит Джованни Серети, когда-то «было запрещено рукополагать рабов, пришельцов из третьего мира (*indigeni*) и женщин. Два первых запрета отпали сами собой, остался третий. Пора и ему отпасть. И как можно скорее. Ну а вы, православные, когда с места сдвинетесь? Вы против – на каком основании? Что значит: “народ не поймет”? Вы у народа спрашивали? Вы мнением женщин интересовались?»

«Уверяем вас, – защищаемся мы с о. Дионисием, греком, – у нас женщины первыми же восстанут против сего неслыханного новшества. У нас и женский диаконат ввести не способны, хотя он-то вполне в традицию древней Церкви вписывается...»

«Вот сравнительно недавно выступал ваш митрополит Иоаннис Зизулас на одной конференции», – рассказывает пастор Паоло Рикка, старейший, самый известный вальденский богослов Италии. «Нигде нет догматических оснований против женского священства», – сказал он. Ему возразил один мирянин-богослов, тоже грек: мол, Христос был мужчиной, и православному

священству, рукоположенному во имя его, тоже из мужского пола следует быть. «Что вы тут старые басни рассказываете, – прямо вскипел Зизулас, – это в земной жизни Сын Божий был мужчиной, а после Воскресения, в преображенном теле, Он уже не имел признаков пола...»

«Как не имел? – спрашиваю несколько ошарашенно. – Слушай, Паоло, но Христос – “во веки тот же”, Он всегда Сын, именно Сын, а не только преображенное тело...»

«И ты веришь в это? Что Он и после Воскресения мужчина? – Паоло Рикка прямо глаза вытаращил. – Tu lo credi, Vladimiro?» С характерным для него ударением на втором «и».

И вопрос незаконный повис.

01.06.2019. ВГЛЯДЫВАЮСЬ В СВЕТ

Перед отъездом из Рима, захожу к друзьям, бывшим москвичам, римским экскурсоводам. Более, чем скромная съемная квартира, словно слепок московского бывшего жилья. Тот же набор книг, который мы все читали, а если не успели прочесть, то держали в руках, дышали ими и непрочитанными, потому что они соткали воздух вокруг нас. Тот же набор разговоров, что и в былые годы. Через час с вокзала Термини, до которого меньше 10 минут ходьбы, вечерним поездом уезжаю в Брешию. А за оставшийся час перед дорогой хорошо выпить чаю или вина, поговорить о кризисе нашей Архиепископии, о журнале, как будто закрывшемся, но еще имеющем надежду выжить, вспомнить общих знакомых. Словом, как бывало, поговорить.

Сижу перед раскрытым окном и не могу взгляда отвести от стены напротив. Она вся как бы греется под

каким-то особенно мягким, добрым, приветливым светом. «Пришедше на запад солнца, видевше свет вечерний...» – приходят слова. Вглядываюсь в этот свет, вслушиваюсь в него и сознаю, что он непременно что-то хочет мне передать. Отсеченность, обреченность, покой. И наш московский разговор, особого значения не имеющий, тоже как бы теплится под этим лучом.

По контрасту, видимо, он пробуждает память о жизни, текущей где-то на берегу неба. Там, где возник этот осколок, начался тот разговор, сгустился воздух, занесенный сюда. Сейчас там торжественно служат в соборах, гибридно воюют, воруют, жируют, бедствуют, празднуют славу-победу, бьют ногами, даже пытаются вот таких, как мы с собеседником. Какими мы были, какими нас нет. И видно уже, не будет.

03.06.2019. «ДОКОЛЕ ЕСТЬ ДЕНЬ...»

Вчерашнее Евангелие от Иоанна: «Мне должно делать дела Пославшего Меня доколе есть день...». Отец послал Меня, чтобы наполнить этот день, малый фрагмент сотворенного Им времени, делами Его на земле. Потом придет ночь, где не будет времени, не будет и дел. Пробежал глазами эту строку, которая казалась понятной и все же отчасти недоуменной: Христос пришел возвестить День Немеркнувший, который придет за ночью («Воскресения день...»), а тут упор переносится на дела, которые следует делать здесь и сейчас. И они должны быть зримы. Иисус отверзает очи слепцу, чтобы он увидел то, что раньше было доступно ему лишь наощупь, на слух. Мир Христов даруется исцеленному тем, что видимо, и освященным всем, что день содержит в себе: вот колодец, где можно напиться и скот

напоить, вот виноградник, где надо подрезать лозу, вот женщина, которую Бог пошлет тебе в жены и храм, о котором сказано: «Мое имя будет там», и Тот, Кто говорит с тобою...

06.06.2019. ВОЗНЕСЕНИЕ

«И когда благословлял их, стал отдаляться от них и возноситься на небо» (Лк 24:51).

И мы вот уже два тысячелетия провожаем Его взглядом. И пытаемся проникнуть за пределы того, что можно увидеть.

«И когда они смотрели на небо... вдруг предстали два мужа в белой одежде и сказали: мужи Галилейские! Что вы стоите и смотрите на небо?» (Деян 1:10-11).

Смотрим потому, что туда скрылся Господь. Ушел в одно из Своих творений, но оставил Свой след, который ведет во что-то невместимое. Ибо «небо и небо небес не вмещают Тебя» (3 Цар 8:27), по словам молитвы Соломона.

Кажется, Он только что был с нами и вот вышел, оставив дверь полуоткрытой. Дверью стала бездонность и распахнутость небесного свода, за который не может залететь ни наша мысль, ни чувство, ни богословие. Но само небо как что-то предметное, тварное мы способны как-то постичь. И потому делаем его видимым, мыслимым жилищем Божиим. Даже рукотворным храмом, «небом на земле». И все же останавливаемся на пороге этого жилища. Стоим и смотрим, когда дверь распахнется вновь. Вознесение – праздник ожидания.

09.06.2019. СМЫСЛ РАДОСТИ

«Радость ваша да будет совершенна». Меня не покидает интуиция, что здесь «смысл философии всей». Что в радости суть познания Бога. Не усилия разума, который всегда что-то рассекает и отсекает, но цветение жизни перед лицом невидимого Отца, узнаваемом в Его Слове, спрятанном, но подающем весть о себе в каждом видимом творении. Радость неба на земле, которая усваивается нами так редко и робко, потому что строгие люди готовы назвать ее прелестью – это и есть почва, на которой когда-то выросла Церковь. Из радости ожидания встречи отточились, потом догматы, поднялись стены храмов, сложились обряды. Но все это – лишь человеческое усилие – это ликующее знание предельно точно передать, сохранить, оградить, продлить, рассказать о нем Богу и самим себе.

15.06.2019. НА ПУТИ В ХРАМ

Случайный прохожий, заметивший сегодня около 7 утра странную фигуру пожилого, прилично одетого господина, перелезающего через забор дома, едва ли угадал в нем религиозного писателя и православного священника, торопящегося на автобус, чтобы попасть в храм за 60 км отсюда и служить там Троицкую родительскую субботу, потому что дочка, у которой он накануне ночевал после концерта в Салó (ударение на о) с участием семилетней внучки Кристины, забыла сообщить ему код от ворот на выход, а ему не хотелось будить ни ее, ни жену. И все же это был именно он.

17.06.2019. СЛОВА И МОЛЧАНИЕ

Троица. «Кто верует в Меня, у того, – как сказано в Писании, – из чрева потекут реки воды живой» (Ин 7:38). На память неожиданно приходит изумительная «Молитва о словах» С. Аверинцева. «Боже, слова отбегают от уютного жилья человека...» Не все наши слова помещаются в жилищах разума, далеко не все соразмерны тому, что за ними стоит. Они сгибаются под глыбами своих смыслов, устают, выгорают. Кто способен породниться с тем, что живет в именах «Отец», «Сын», «Дух Святой»? Произнести их – нет ничего проще, принять их в дар как причастие труднее всего. «Мы молимся Тебе, слово, от начала бывшее у Бога, выговаривающее без речи молчания Его глубины...» Может быть, та живая вода Иисуса течет и «выговаривается» сначала без речи?

15.08.2019. «ЗАВЕЩАНИЕ»

В последние дни, если не годы, в памяти все чаще всплывает «Завещание» Заболоцкого, особенно вторая строфа.

Я не умру, мой друг. Дыханием цветов
Себя я в этом мире обнаружу.
Многовековый дуб мою живую душу
Корнями обовьет, печален и суров.
В его больших листах я дам приют уму,
Я с помощью ветвей свои взлелею мысли,
Чтоб над тобой они из тьмы лесов повисли,
И ты причастен был к сознанию моему.

Автор говорит о себе, но обращается к внутреннему собеседнику, которого называет другом. Словно что-то ему обещает. Я не умру, значит, не умрешь и ты. Поэт готов поделиться бессмертием со всеми, кто готов его принять. Не личным бессмертием, о нем ни слова, но всемирным, космическим. Он видит посмертную судьбу своего «я», надеясь удержать его вещах, с которыми был связан на земле. Его «ум», глубина его личности ищет приют в листьях дуба, и мысли его, которые расстилаются во тьме лесов, возвращаются оттуда к живущим.

Ветви деревьев, дыхание цветов, шелест жизни, доносящийся отовсюду – Заболоцкий обладал гениальным слухом к нему – сами по себе несут какую-то весть и надежду. В этой вести отчетливо слышно признание в любви ко всему, что сотворено. Здесь нет Творца, Он, как бы мы сказали, анонимен, но предметы, в которые поэт вкладывает свое упование, наделены жизнью, смешаться, слиться с которой хочет жизнь человека. «С миром дремлющим смешай» (Тютчев). Но здесь же рядом: «Всякое творение Божие хорошо» (1 Тим 4:4). Во всяком дыхании поэт хвалит Господа, не видя Его лица. Он движется к тайне Слова, из лона которого все пришло к бытию, оставляя на пороге свое здешнее «я». Он хочет верить, что там ему и с листьями будет хорошо. Может быть, такая вера – начальный этап на пути туда, куда сам Николай Алексеевич не успел дойти.

Оставим этот путь для него открытым.

Сейчас это забывается, но помнить нужно: Заболоцкий оказался самым стойким и сильным среди поэтов. Душевно, физически сильным. Всех биографий, конечно не помню, но... Многодневный конвейер допросов в 1938 году. Многочасовые избиения и издевательства.

И никаких показаний, он не подписал ничего. Потому и срок в бесчеловечии своем оказался чуть человечней: пять лет всего. Но в 1958 году внезапно умер от инфаркта в 55 лет.

Поздней весной 1973 года я жил Тарусе, в том доме, где в последние годы Заболоцкий проводил каждое лето. В том самом, где «целый день стирает прачка, муж ушел за водкой». Собачки из песни, о которой так симпатично поет Сергей Никитин, давно не было, была другая подобная. Простые, честные, добрые крестьянские люди. Детей у них не было. Муж, верно, налегал на водку сильно, но она только усиливала в нем природную ласку и доброту. При этом он всегда работал. А жена была очень благочестива, не пропускала ни одной службы. В Тарусе в ту пору был действующий, хотя и редко, храм, священник, сам из Брянска, был приездным. Помню, рассказывал безо всякой жалобы: только отслужишь, домой вернешься, а тебя уже ждет телеграмма: срочно ждем на отпевание. Машины у него, конечно, не было, ездил с пересадками. А Николай Алексеевич говорил хозяйке, которую очень уважал за церковность: «Марья Григорьевна (в отчестве не уверен) хотите я вам тропарь спою, – и пел без запинок. – Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником славу Свою...»

Он уезжал из того дома всегда в одно время: 30 или 31 августа, намереваясь вернуться на следующий год в первых числах июня.

Над головой твоей, далекий правнук мой,
Я в небо пролечу, как медленная птица,
Я вспыхну над тобой, как бледная зарница,
Как летний дождь прольюсь, сверкая над травой.

Был май, грело солнце. Чернело свежевспаханное поле, на нем работал трактор, над полем носились птицы, счастливые от того, что на распахнутых бороздах могли найти для себя столько пищи. Я шел вдоль этих борозд, впервые отчетливо понимая, что мне надлежит стать священником.

21.09.2019. РОЖДЕСТВО БОГОРОДИЦЫ

«Почему в Евангелиях нет ни слова о Рождестве Богородицы?» – «Потому что главным для апостолов было то, что “Иисус есть Христос” (Ин 2:22; 5:1)».

Но во Христе апостольская вера открывает присутствие Его Матери. Сначала невидимое присутствие. Потом оно узнает себя в том, чего нет в Евангелии как тексте: Успении, Введении во храм, Рождестве... Рождество Богородицы – неотъемлемая часть того пути, которым Бог пришел к нам. Человеческого пути. Сотканного из свободы и обыденности, заботы и молитв, тишины и детского плача, колыбельных и сказок, библейских преданий и возрастания в семье и при Храме для того, чтобы ответить ангелу: «Да будет мне по слову твоему».

Это всегда было моей интуицией: Благая Весть начинается с детства. Вернее, она уже заложена, скрыта в нем. Она «сквозит, тайно светит» через него. Рождество Богородицы – это праздник Ребенка, через которого в мир приходит спасение. И теплота этого праздника, и Радостной Вести в целом осеняет и на всякое человеческое дитя.

03.10.2019. «СВЯЩЕННОЕ РЕМЕСЛО».

ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЯ

Премиями не обласкан, тиражами не утешен, чины сам обошел. Но вдруг кто-то откликнется. И ты понимаешь, что и один читатель – это очень много. Особенно, когда он является из давнего разделенного прошлого. И потому, думаю, почему бы не рассказать?

Дорогой Отец Владимир,

Я прочёл Вашу книгу («Священное ремесло» – В. 3.), и с восторгом. Вы меня предупреджали, что она философская, и м.б. трудна для чтения, но оказалось, что вовсе нет. За исключением одного эссе про Хайдеггера, кот., действительно, мне было трудновато читать, и я не стал напрягаться, так как этот персонаж меня не очень интересует, – все остальные, включая очень остроумное про Гегеля, читаются легко, и с удовольствием.

Это, конечно, по той простой причине, что Вы пишете великолепно. Читать Вас одно удовольствие. У Вас очень гибкий и пластичный язык, который ведёт читателя, как по горной тропе, держа его за руку, и не позволяя упасть в пропасть скуки, даже когда Вы говорите о совершенно абстрактных вещах и понятиях.

Мне было интересно почти все в этой книге. Особенно выделяю некоторые эссе:

Голосовкер был для меня открытием и откровением. Никогда не слышал этого имени, и Вы написали про него так проникновенно, с такой любовью и пронизательностью, что читается, как роман, не отрываясь. Очень хорошо про Л. Толстого, а Ваше сообщение в конце о встрече его с Вашей мамой и бабушкой, – просто откровение. Очень живо и убедительно описан

о. Лев Жилле, прекрасна беседа с Оливье Клеманом, и очень интересно было читать о Гершензоне, Шестове, Бердяеве. Как и «письмо» Чаадаеву. О Франке было немного сложнее, видимо, я его не очень чувствую. «Философичность» Блока меня не убедила, но Ваш подход к нему интересен и оправдывает его место в книге.

Вообще, резюмируя, книга исключительных качеств, и не припомню, когда я читал по-русски книгу с таким содержанием, такой глубины, и такого знания предмета. И на таком уровне литературного языка.

Огромное Вам спасибо, о. Владимир, что дали мне возможность её прочесть!

Инна тоже изъявила желание почитать. Можно ли нам оставить её ещё на месяц, чтобы она её прочла? Если книга Вам нужна раньше, я сразу пришлю.

Ещё раз спасибо!

Анатолий Ракузин

13.11.2019. АД В УМЕ, АД НА ЗЕМЛЕ

«Держи ум твой во аде и не отчаивайся». По смыслу слов, пришедших от Господа преп. Силуану, ад есть темное подполье лично его – да, понятно, что и всякой – человеческой души, откуда не следует бежать, где надо заставлять себя быть, взирая на небо, которое дарит свет и надежду. И так, не отчаиваясь, спастись. Таков православный опыт подвижников. И речь здесь исключительно о духовном опыте, от которого отсекается все внедуховное, внешнее. А все, что происходит вовне и причиняет страдания – лишь перенесение скорбей, попущение Божие, несение креста своего. Однако для людей, живущих в истории, церковных и внецерковных, «ад», как образ, как термин, прежде всего – в испытываемом ужасе, гибели, муке.

Читая книгу о. Софрония о преп. Силуане, изумляясь поистине ангельскому его опыту, я все же не мог отогнать от себя вопроса: неужели ничего не слышал он о Великой войне, революции, терроре, казни царской семьи, родной Тамбовщине, где газом травили восставших крестьян? Ну, о Тамбовщине мог и не слышать. Но ни о чем подобном – ни слова. Или о. Софроний записывал только «духовное», оставив в стороне все преходящее, незначущее, не важное для спасения? Все то, что связует мое «я» с его скрытым адом, но и сокровенным раем, с другими, делает его частицей человеческой семьи, все это в стороне?

Молился ли Силуан о своей земле и православных людях ее, да и вообще о людях, брошенных в плапильню XX века? Должно быть, молился. Но трудно найти о том конкретное свидетельство. Возможно, я ошибаюсь, читал давно. И все же тот ад, из которого нельзя выпустить свой ум, он – не только во внутреннем, спрятанном в нас подземелье, но и наверху, среди людей, в их словах и делах. И пребывание ума в этом аде без отчаянья – войне, голоде, ГУЛАГе, Холокосте, в унижении и пытке, есть тоже деяние, которого Господь от нас ждет.

«Держи свой ум во аде...» Потому что нет разделения между невидимым адом помыслов и страстей и тем внешним, когда страсти и помыслы вздымаются со дна души и учреждают ад на земле. Все незримо взаимосвязано. «Не бо есть вещь неявленная пред Тобою», как говорится в чине Крещения. Всякая вещь пред Ним обнажена, и та, что в глубине, и здесь, в казарме, больнице, зоне, в жизни каждого. В России они как-то безнадежно разделены. Если ты захвачен «вещью» духовной, то скорее всего равнодушен к исторической.

И наоборот. Не просто разделены, они расколоты на два не знающих друг друга, если не враждующих опыта. И все же втайне обращены друг ко другу в поиске примирения.

*08.12.2019. К ГОДОВЩИНЕ УБИЙСТВА
ОТЦА ПАВЛА ФЛОРЕНСКОГО*

Уверен, хоть и не знаю всех обстоятельств, эта казнь была результатом запущенного механизма, абсолютно безликого и безглазого. Никакой там классовой ненависти; приходит разнарядка очистить Соловецкий лагерь перед его ликвидацией за счет духовенства или что-то подобное. Личность священника Павла здесь отсутствует полностью, как и личность стрелявшего; один расписывается в ведомости, другого профессионально, быстро жестко делают телом на каменном полу. Но его убивают вслепую, не видя, не слыша, не зная о нем ничего, как бы в царстве теней. Людей просто нет, ни там, ни здесь. Одни, исполнив функцию, усталые, возвращаются домой с работы, забежав в магазин, роль других – в том, чтобы быть отведенным в подвал, простоять полминуты, а потом рухнуть и быть куда-нибудь выброшенным.

Но устроитель этих сцен и сочинитель сценариев, он-то как раз очень зряч и видит лица, подглядывает и за сердцами и целится не в ведомости, не в галочки, а именно в тех, кого хочет убить. Расстреляли бы Бердяева вместо высылки (а там дело на грани было), все бы четко стояло на своих местах: вот он классовый враг офицерской крови – выпрямился, посмотрел с презрением, бросил его в лицо палачам, перекрестился, может быть, еще сигару бы выкурил напоследок. Но

Флоренский, он был некурящий, по Апостолу «покорный властям» приносивший техническую пользу и еще способный принести бесконечно много, ни в каких оппозициях не встретившийся... *«И яко агнец непорочен, прямо стригущаго его безгласен, тако не отверзает уст своих»* (из проскомидии). Невозможно представить каких-либо его лозунгов или патетических жестов в последнюю минуту. Как нельзя представить его слез, криков, жалости к самому себе. Но в сгущенном абсурде этого убийства читается какой-то стратегический замысел того, кто был «человекоубийца от начала». (Ин 8:44). Нет, он ничего не перепутал, он именно так и хотел.

Из Завещания о. П. Ф.: 1922.VIII.14 (детям за 15 лет до кончины).

«Давно хочется мне записать: почаще смотрите на звезды. Когда будет на душе плохо, смотрите на звезды или на лазурь днем. Когда грустно, когда вас обижают, когда что не будет удаваться, когда придет на вас душевная буря – выйдите на воздух и останьтесь наедине с небом. Тогда душа успокоится».

Пусть так и останется этот день: днем исполнения Завещания.

18.12.2019. В КАТОЛИЧЕСКОЙ СЕМИНАРИИ

После лекции в семинарии Реджо-Емилии спрашиваю у ректора: «Окончив семинарии, приняв сан, куда пойдут эти молодые люди? Останутся в Италии?» – «Едва ли, – говорит он, – кого пошлют в Бразилию, кого в Японию, кого в Китай или в Африку; мы, савериане, разбросаны по всему миру. Выучат язык, будут работать там многие годы». Таких орденов десятки,

миссионеров тысячи и тысячи. Кто преподает, кто лечит, кто колодцы роет, кто просто живет в самых гиблых кварталах рядом с людьми, проповедуя жизнью, иногда и с риском для нее. Не всегда даже и объявляя, что они миссионеры.

А уж то с каким вниманием, чуть ли не сочувствием, слушают эти милые семинаристы про свои «католические ереси» – об этом только православным и рассказывать. И старательно в тетрадку записывают.

2020

25.02.2020. ОТЕЦ БОРИС БОБРИНСКОЙ

Исполняется 95 лет одному из самых важных людей в моей жизни: Борису Бобринскому, протопресвитеру. Не вижу его годами, но считаю духовным отцом. Около 25 лет назад, в дни и годы выбора пути и юрисдикции, его совет был решающим. Сегодня говорил с ним по телефону, радуясь. И поминаю всегда. Как и отца по плоти, день кончины его сегодня.

26.03.2020. ВИРУС И ПАРАДОКС СМЕРТИ

Парадокс смерти эпохи постмодерна в том, что технический прогресс обгоняет и даже преодолевает человека. Это показал вирус, напавший из-за угла, внезапно, никого не щадя. Явился он не от бедности, не от беженства, а скорее от кипения экономики, от плотности деловых связей, от интенсивности снования взад-вперед по планете, преизбытка передвижений и бизнес-рукопожатий. Пришел, прыгнул сверху на тех, кто на здоровье не жаловался и умирать не собирался. Вспоминаю библейского Иова, он тоже ни на что не жаловался, но

пришел Противоречащий и в одночасье отнял все, чем Иов гордился: наследников, дом, поместья, гараж, бассейн, счет в банке. Наконец само тело в его физической уверенности в себе, силе, опрятности.

Сегодняшняя медицина, там, где она есть, совершенно не намерена дать вам умереть от хвори. Она, отдадим ей должное, с огромными усилиями, человеческими, техническими, финансовыми, будет делать все чтобы не заглох мотор жизни, который заложен в ваше тело. Чтоб легкие могли набирать воздух, сердце не останавливалось и качали почки. Но с благодарностью отдавая себя в ее руки, мы не можем не ощутить, что наше существование здесь сведено теперь лишь к работе изнемогающих клеток. Вездесущий вирус довел эту редукцию до предела: вокруг снует, сбиваясь с ног, медперсонал, делая все, чтобы удержать нас в этой биологической жизни, за пределом которой, разумеется само собой, нет ничего. Все, что за пределом, четко отсечено от ее медицинских действий.

Но вот за ними вы вдруг находите то самое отсеченное – самого себя. Тело, уходя, открывает в себе личность, до которой раньше было недосуг, душу, сведенную к самому существенному, к стону, крику, тревоге, надежде, к тому соприкосновению с вечным, которое не должно прерваться. Но сказать вам об этом некому, слово вам не принадлежит. Болезнь, которая растеклась по миру от густоты общения, лишила вас общения. Белые или зеленые халаты, маски, капельницы, беготня от одной койки к другой... И как последнее, чуть унижительное испытание, судно, подкладываемое под тело, уже не способное справляться со своими нуждами.

Когда Иов сидел на своем гноище и чистил черепками кожу от проказы, пришли друзья, помолчали, потом стали утешать. Не столько даже утешать, сколько наставлять духовно. Они лучше Иова знали причину его бед. Они понимали, что Иов наказан не просто так. Их голосами, казалось, говорила сама мудрость. Перечитайте речи Вилдада или Софара. Ты, Иов, согрешил и должен понять в чем именно, Богу не перечить и принести покаяние. Все ведь правильно говорят. Они как бы владеют сокровенным знанием Божиим, знают точно, за что Иову такая кара. Но Иов добивается от Бога знания своего, не чужого, не общего, и потому упорствует в своем неразумном вопле. Он хочет встретить Бога лицом к лицу, услышать Его голос, а не богословие друзей. И Господь ему отвечает.

В отличие от нынешних умирающих, Иов способен спорить с друзьями. Сейчас умирающих лечат, с ними не разговаривают. И лечат, в общем, хорошо, лучше, чем лечили в прошлом. Однако стенание больных, их разговор с Богом чем-то схож с воплем Иова. Их голос заперт внутри себя. Некому услышать то, что они могли бы сказать напоследок. Масса людей вокруг, но у них другие, насущные, технические заботы. И вот этот вопль в глухой тишине, это одиночество на пороге другого бытия, порой вызывает к жизни какое-то последнее исповедание. Так часто оно говорит словами Псалма (21), которые произнес Христос на кресте: «Боже Мой! Боже Мой! для чего Ты меня оставил»? Бог, даже не исповеданный, сокрытый, Бог «губ шевелящихся», слышит и принимает твою исповедь. Если захочешь ее донести.

Нет, конечно, умирание само по себе не есть ни оправдание, ни спасение. Но может им стать. Особенно

если пережить его заранее, когда мы крепки, свободны и не замкнуты в себе.

29.03.2020. БЕЗ ЛИТУРГИИ

«Утешайте, утешайте, народ Мой, – требует Господь в книге пророка Исайи, обращаясь к священникам (они здесь подразумеваются и прямо вставляются в греческом переводе), – говорите к сердцу Иерусалима» (40:1-2). «Я не пророк, и не сын пророка», – признается Амос (7:14), но прожив уже третье воскресенье без встречи с людьми, которых дал мне Бог, ощутил, что слова Исайи стучатся и ко мне. Иерусалим сейчас – это приход. Что сказать здесь? Какие слова следует принести человеку во время бедствия? Он знает их сам, у меня таких нет. Пусть приношением моим будет лишь домашняя литургия по скайпу, с убогой проповедью, дома, с женой и сыном, перед импровизированным престолом. Для ревнителей: без литургического бесчинства, по благословению митрополита.

11.04.2020. СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА.

ПЛОЩАДЬ СВЯТОГО ПЕТРА

Сегодня Via Crucis не в Колизее, как бывает каждый год, теперь без людей из-за пандемии.

Крест несет, передавая друг другу, небольшая группа в 14 человек, одетых буднично, несколько мужчин, три-четыре женщины, два священника. Все они – служащие Падуанской тюрьмы или как-то с ней связанные: охранники, врачи, социальные работники, волонтеры, даже один тюремщик, посвященный в сан дьякона. В центре площади – белая фигура Франциска. Белизна особенно подчеркивает усталость и старость. Рядом

неподвижный епископ с лиловым поясом. Пустое пространство вокруг. И миллиард пар глаз по всему миру перед телевизором.

Все тексты, прозвучавшие на протяжении Крестного Пути, так или иначе завязаны на преступлении и наказании. Их авторы – двое падуанских пожизненно заключенных, тот самый тюремщик-дьякон, родители дочери, убитой бандитом, наркоман с каким-то тяжелым прошлым за плечами, судья, вынужденный выносить приговоры, тюремная воспитательница, женщина, прожившая жизнь без отца, потому что он с раннего детства ее сидит на пожизненном, священник, просидевший 8 лет просто так (очевидно, по подозрению в педофилии), потом оправданный... Все они приносят Кресту свой опыт, свои исповедальные свидетельства о примирении с Богом. Они перемежаются чтением отрывков из Писания, Евангелия прежде всего. Иисус несет Крест, Иисус падает под его тяжестью. Иисуса пригвозждают ко Кресту... Изумительно точная церемониальность всей сцены, четкость движений, участники предельно серьезны и ничего не разыгрывают, видно по лицам. Главное послание этого вечера, папы Франциска и всего католичества, каким оно стало в наши дни: нет в мире виноватых, все несут свой крест, повсюду есть только страждущие, Иисус с ними. Он берет на себя вину каждого. Он – в центре страдания мира и всякого человека на земле. Сравниваю с нами, Восточной Церковью; ее послание остается неизменным с самого начала: страдания этой жизни ничего не стоят, есть вина, есть только грех, ты должен покаяться и Крестом спасешься.

За спиной Франциска – безмолвное величие базилики святого Петра, массивная мощь колоннады

Бернини, охватывающей площадь, словно оставшейся от триумфальных, уже музейных веков. *Tu es Petrus...*

18.04.2020. СУББОТА ВО ГРОБЕ

«Сия бо есть благословенная суббота, сей есть успокоения день, воньже почи от всех дел Своих Единородный Сын Божий, смотрением еже на смерть, плотию субботствовал...» Четвертая Заповедь: «Соблюдай день субботний» исполняется во гробе. Демонстративно, вызываясь нарушая святость субботы во дни земного служения, Христос соблюдает ее там. Субботой субботу поправ... Не я это говорю, но творец стихир. «Днешний день тайно великий Моисей преобразоваше...» Значит, ради неведомого, немеркнувшего, грядущего Дня была дана на Синае Моисею заповедь о почитании субботы?

22.04.2020. «ОБЛАЧКО МУКИ»

Дни рождения: Гитлера, Ленина. И Рима. День памяти Катастрофы. Войны, ГУЛАГи, Голодоморы, утопии, депортации, вирусы, кризисы. За вычетом тех немногих, чья жизнь как прогулка на катере, вся история – как улица ко Кресту «И муки облачко над ней», как сказано у Ахматовой. И воздух Воскресения над облачком.

05.02.2020. ЖЕНСКИЙ ДАР ВЕРЫ

«В первый день недели, очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу...» (Лк 24:1).

«Еще кругом такая мгла, еще так рано в мире...» (Пас-тернак). Эта рань как бы ранена предыдущими днями. Тогда были заговор синедриона, суд Пилата, вопль толпы. Крест, у которого они стояли, погребение, в котором участвовали. Мария Магдалина, Мария Иаковлева,

Мария Клеопова, Саломия пока не знают, о чем им возвестят приготовленные ароматы.

Ароматы не говорят, они празднуют. Это праздник приношения, природу которого не могу разгадать. Праздник силуэтов из мглы возникающих учениц (не учеников!) Иисуса, идущих к пустому гробу, которого они еще не видели.

Как сказано у Исайи: «Сторож, сколько ночи? Приближается утро, но еще ночь».

Ночь уже прошла, но они этого до срока не видят. Вера, которая их привела ко гробу, не имеет зримой опоры. Она возникает из того первоначала, который соприкасается с Богом. Это вера-тайна, тайна-любовь, потому что Лицо, к которому она обращена, еще во мгле. Таков особый дар быть женщиной: знать Бога знанием, еще не родившимся. Знать Его иначе, может быть, даже знать Его иным. У мужчин свои дары: ясно мыслить о Боге, говорить о Нем догматически правильно, учреждать миссии, возводить соборы, состязаться в слове, носить меч духовный, о другом мече тоже не забывая, оружие у нас всегда под рукой. Но такой предрассветной веры, требующей ночью подняться, чтобы идти к мертвому телу с ароматами, полагаясь только на доверие, на тихий зов, непонятно куда; такая вера у нас, мужчин, даже если и есть, то под оком проверяющего разума.

Какой священник не слышал, в постсоветское время особенно? «Батюшка, простите, в церковь много лет не ходила, но на Пасху куличи каждый год пекла. Муж был неверующий, сама в партии состояла, но с детства знала, что Он есть и рядом. И жить старалась по воле Божьей. Не всегда получалось, конечно, только теперь поняла...»

Так было, есть и будет. Хоть при коммунизме, исключительно мужским тестостероном придуманным, хоть под глобализацией. Дар женского знания Бога можно заморочить атеизмом, вытеснить феминизмом или вещизмом, даже как-то оцифровать, он все равно останется. «Ибо дары и призвание Божие непреложны», как говорит Послание к Римлянам.

05.06.2020. СМЕРТЬ В ЛОМБАРДИИ

Из разговора с врачом, позвонившим, чтобы попросить помолиться о его дяде, только что умершем от коронавируса:

«Никогда в жизни такого не видел, даже не думал увидеть. Люди звонят в скорую помощь, задыхаясь, сосуды легких забиты тромбами, и слышат в ответ: "Ничего не можем сделать, в больнице мест нет, кислорода нет, оставайтесь дома, умирайте дома". Сейчас стало немного полегче. Места освобождаются. С 4 мая началась вторая фаза, открылись некоторые производства и даже бары, банки работают в нормальном режиме, прогулка больше не преступление. Но еще посмотрим, что будет через две недели. Если накроет вторая волна, все закроется снова и надолго. Мы, итальянцы, привыкли, что так люди умирают только в Африке или в Азии, а мы пьем кофе и ездим в отпуск на море. Так устроен мир, каждому свое. Теперь Господь немного переменял наши роли, мы не вправе роптать».

27.05.2020. ВАЦЛАВ ХРЫНЕВИЧ

26 мая на 83 году жизни в Люблине умер Вацлав Хрыневич (Wacław Hryniewicz). На Западе, вопреки ходовому придиричивому мнению, немало есть людей, романтически влюбленных в Россию и в «русскую

веру»; одним специалистам по Достоевскому я уж счет потерял. Но вот человека, целиком посвятившего жизнь православию, не тому земному, которое мы знаем, а тому небесному, которое живет в молитвах и книгах, встретил лишь одного, о. Вацлава Хрыневича. Когда лет 30 назад я пересекся с ним в Люблинском католическом университете, где он преподавал, он показал мне часть своих книг, это была приличная такая гора, загрузившая полшкафа. Главная среди них – о пасхальной тайне Христа в Восточной Церкви в трех могучих томах. Сразу подумалось: вот католический священник, пишущий о нашей духовности (в 1990 году она еще не совсем была пресловутой), у самой российской границы, и никто у нас о нем даже не слышал, ни разу, кажется, не переведен. С польским языком у нас проблемы, с Польшей и подавно. Вспоминаю о нашей с о. Вацлавом мимолетней встрече, и невольно всплывает ощущение смирения и света, двух прикосновений христианской подлинности.

28.05.2020. ОТЕЦ ИННОКЕНТИЙ ПАВЛОВ

Вернулся со службы Вознесения, открыл Фейсбук и как током ударило: умер о. Иннокентий Павлов. Вдруг оборвалось и повисло все недоговоренное, недоспоренное, не признанное от него. Сейчас не буду ничего вспоминать. Приведу только одно письмо. Без сокращений, чтобы ощутить струение жизни, которая ушла.

04.01.2017.

Дорогой о. Владимир,

Сердечно рад возобновлению нашей переписки.

В первую очередь поздравляю Вас с Рождеством Христовым и Новым годом трагических воспоминаний

о событиях столетней давности! Здоровья и всяческого благополучия Вам и Вашим близким.

За время, прошедшее с Пасхи 2015 г. в моей жизни имели место важные события как раз связанные со здоровьем. В начале лета, несмотря на прекрасный климат Восточной Карелии, где я теперь имею радость жить, моя астма из-за неправильного лечения привела меня к весьма печальному состоянию. Но Бог оказался ко мне милостив. Собрав последние силы, я выбрался в Петербург, поскольку как раз рядом с Финляндским вокзалом нашел через Интернет частную клинику с пульманологом. Это оказалась симпатичная дама, доцент мединститута, которая установила мне правильное лечение, но главное, направила меня в Елизаветинскую больницу. Это новое (введено в строй в 1990 г.) лечебное учреждение на окраине города, получившее имя прпмц. Елизаветы Федоровны сразу после ее прославления. Больница эта самая обычная, туда даже бомжей свозят со всего города, но там современная диагностическая база и прекрасные врачи. Положили меня в терапевтическое отделение, где я провел 10 дней, заметно ожив.

Но тут случилось самое интересное. Врач, видя мою бледность, решил меня как следует обследовать, так что колоноскопия выявила у меня рак ободочной кишки. И хотя мне не отказали в возможности провести операцию на месте, все же рекомендовали попытаться счастье в Москве. И тут имело место действие промысла Божьего (иного объяснения у меня нет). Мне позвонил о. Алексей Гостев, с которым у меня до того лет 15-ть не было связи. Я ему поведал о своей горе и он через своего старосту вывел меня на Онкоцентр

им. Блохина, на знаменитую Каширку. Правда, большие месяцы пришлось потратить на разные обследования и получение квоты от горздрава, но, наконец, 11 августа меня прооперировали. Поскольку в мой старый позвоночник нельзя было вести местный наркоз, то операцию делали под общим. Так что у меня был свой опыт схождения в Шеол, когда на три часа (это я понял по настенным часам в реанимации, когда пришел в себя) я, погрузившись во тьму, пребывал в небытии – без времени, пространства, чувства, мысли, прямо в соответствии с псаломским описанием. Думаю, это самый главный религиозный опыт в моей уже не короткой жизни (в июле этого года мне стукнет 65, возраст, когда немецких профессоров выставляют на пенсию). Но хватит о здоровье. Слава Богу за всё!

Потом в сентябре я принял участие в конференции по случаю 25-летия ББИ. Пишу об этом потому, что там сделал сообщение, которое при сем прилагаю, представляющее некоторую переработку (в плане сокращения) известных Вам тезисов поместив их в известный Вам церковно-исторический контекст. Оно, к моему удивлению, не вызвало отрицательной реакции и даже по требованию Бодрова было опубликовано в «Страницах». Более того, оно заинтересовало добрый десяток молодых московских и питерских батюшек, нашедших его интересным. Так что я со сдержанным оптимизмом смотрю в будущее. Всё же веру можно будет сочетать с исторической наукой хотя в России уже, видимо, не при моей жизни. Что касается самих тезисов, то они также заметно дополнены и кое где переработаны. Их я вам также вышлю, вероятно, через месяц, когда еще раз смогу их вычитать. Они имеют

объем более 3-х авт. листов. Для статьи это слишком много, а для книги мало. Почему я их поместил в свою книгу о Дидахе, которую теперь дорабатываю.

Ну а вопросу о Предании я скажу так: то, что передано Господом Иисусом Своим апостолам, то и находится в области Предания. Беда в том, что исторические обстоятельства в которых оказались иудео- и языко-христианство привели к отступлению от Предания, отсюда и те приращения и девиации, которые отчасти в науке выявлены (тем же Семинаром по Иисусу, в частности), так что я не пионер, а скорее отделочник уже отстроенного здания.

Простите, что оторвал много Вашего внимания к моей скромной персоне.

Остаюсь Вашим во Христе,

Иг. Инн.

10.06.2020. ОТЕЦ НИКОЛАЙ ВЕДЕРНИКОВ

9 июня, накануне своего 92-летия, скончался отец Николай Ведерников. Прочел в новостях, и тотчас имя его плеснуло в меня какой-то благодарной теплотой. И печалью, конечно. Не только печалью о кончине, но, правду сказать, и печалью о себе самом, потому еще, что не общался с ним, наверное, с 80-х годов, а служил он в последние годы не очень далеко от моего московского дома, в храме Ивана Воина на Якиманке, напротив французского посольства. Все мои воспоминания об о. Николае относятся лишь к 70-м годам, периоду неожиданной и главной встречи с Церковью, и он стал одним из первых ее привратников-духовников. Пожалуй, даже лучшим из них. У него было пронзительное, глубинное переживание веры, сосредоточенное,

редчайшее по тонкости умение слышать другого, готовности на время общения с глазу-на-глаз отдать себя целиком.

Помню, в его доме на Юго-Западной всегда происходили встречи с митр. Антонием, которого сам о. Николай своим духовным обликом очень напоминал, только без харизмы владыки. Он сочетал в себе открытость с замкнутостью, был сдержан, немногословен, из тех, кого обычно называют интровертом. Имя его не шумело ни в каких церковных кругах, не врезалось в споры, не прилеплялось к проблемам, не окутывалось особой славой, хотя, как я узнал из энциклопедии, он был довольно активным духовным композитором, автором 2-х симфоний. Но именно смиренность без харизмы, видимой, ощутимой, заставляющей о себе говорить, и было той его харизмой, которая всегда как бы таилась, и вот сейчас так ясно почувствовалась.

Стиль православных биографий таков: перечисляются все храмы, где покойный служил, все песнопения, которые создал, все награды (немногие), которые получил, и ни слова о семье. Между тем, если говорить об отце Николае, то, помимо, трех дочерей, которые у него родились, он был, наверное, самый влюбленный муж, которого я когда-либо видел. Он как будто весь состоял из постоянного излучения любви к своей жене Нине Аркадьевне, это все чувствовали и чувствовали, именно как святость любви, ибо она как-то органично вливалась в его священство, окрашивала его собой, даже в себе несла. Когда матушка Нина, так ее все называли, скончалась лет 15 назад, я все думал, как же он сможет прожить без нее. Но ведь любовь не кончается со смертью.

Я уж не говорю о неповторимой музыкальности – но без всякого наигранного артистизма – его служений, просто не помню таких.

Одна из самых светлых встреч в моей жизни.

07.08.2020. КОНЧИНА ОТЦА БОРИСА

И вот он умер, о. Борис. Жизнь теплилась, тянулась, слабела и, как всегда, неожиданно прервалась. На 96 году жизни. Для меня он был как бы духовным отцом. «Как бы», потому что виделись редко, в последние годы совсем не виделись, почти не говорили по телефону, говорить ему было уже трудно, но каким-то струением передавались от него «наставления» веры, доброты, человечности, молитвенности, дружества, насыщенности богословской культурой, наконец аристократизма. Это стало для меня лицом нашей Архиепископии, куда я вошел, потянувшись за ним и словно через него. День его рождения (25 февраля) совпадал со днем кончины моего земного отца. Был для меня в этом какой-то знак. За почти 21 год моего священства не было ни разу, чтобы вслед за патриархом и архиепископом я не помянул бы на литургии протопресвитера Бориса. Теперь буду помянуть уже не среди живых. Но он ушел на землю живых, ко Христу.

04.01.2020. РОДОСЛОВНАЯ ИИСУСА

Вчерашнее Евангелие от Матфея, 1:1-25. «Авраам родил Исаака. Исаак родил Иакова. Иаков родил Иуду и братьев его». Имена как виноградные косточки, падающие на землю и приносящие плод. Священное вино, бродящее из рода в род, становящееся плотью.

Непростой сюжет для священника. Читаешь эту славынизированную вязь древнееврейских имен, и уже после первых 4–5 из них чувствуешь, что оступаешься и теряешь почву под ногами. Разве к концу списка, через Давида и Соломона, добравшись до праведного Иосифа, кто-то из твоих слушателей сможет опереться на что-то знакомое, твердое. Но для большинства – одно сгущение непонятностей. Церковь – край родной долготерпенья. Ей и не привыкать.

Дух, носившийся над пустыней, из которой возникнет небо и земля, вливается в родословную Иисуса. Здесь почти нет жен, только мужи, за исключением Фамари, Рахавы и «бывшей за Урией», Руфи. Бог готовит Свой приход на землю через, не гнушаясь игрой плоти и крови, крепостью мужских желаний, даже нарушением Его же заповедей. Авраам рождает Исаака, волны имен выносят Младенца, бездна – Слово.

2021

04.01.2021. СВ. АНАСТАСИЯ

Люблю эту агию Фармаколітрию, Анастасию Узорешительницу, святую 4-го января. Не только потому, что в день ее памяти родилась одна из моих дочерей, названная так почти за полгода до рождения. Но прежде всего за мудрую красоту имени. Выговаривая его, наша речь прислоняется к его благозвучию и благородству, затем и к житию. Анастасия, христианская девушка знатного происхождения, посещала христианских узников, принося им, как могла, утешение и заботу. Была замучена зверски в 304 году в Сирмиуме, в сегодняшней Сербии, при императоре Диоклетиане. Гонения перед концом особенно свирепеют.

С тех пор почитается покровительницей заключенных за веру и «правое дело». Но русский лингвистический ум извлек из ее имени еще один смысл: разрешение от уз чрева, помощь в родах. Не спрашивайте, каким образом юная дева может в этом участвовать; гений языка хитрее нас.

В 90-е годы прошлого века, место ее мученичества и упокоения почти на стыке Сербии, Хорватии и Боснии Герцеговины, обуянных ненавистью друг ко другу, стало невидимым средоточием будущего примирения. И остается таковым до сих пор.

Оказавшись впервые в Италии 32 года назад, я набрел в Вероне на храм святой Анастасии, огромную базилику в стиле ранней готики, чье строительство началось в 1290 году, а завершилось только в 1471. Почти обычные сроки для возведения могучих средневековых твердынь, вздымающихся к небу над домишками у их подножья. И сразу же, вопреки огромности, повеяло каким-то миром, остающемся во мне до сих пор.

Есть ли в России храмы, посвященные святой Анастасии, вот именно этой, Узорешительницы? Очень бы пригодились. Много раз еще пригодятся.

10.01.2021. ДВЕ КОВИДНЫЕ ПОТЕРИ,

хлестнувшие сегодня по сердцу:

Николай Анастасьев, приятель отроческих лет по Переделкину (с 1955 года, наверное), с которым вновь через полвека заружились в последние годы.

Отец Анатолий Волгин, крестный, путеводитель ко Крещению в 1971 году, тесный друг, чье дружеское, пастьерское, участливое присутствие рядом всегда ощущал, хоть и не виделись с середины 80-х.

Они никогда не были в наших краях. Но, оглянувшись, вдруг ощутил с болью, что мир, теперь внезапно без них. Мир, но не память, не молитва.

24.01.2021. ПОКАЯНИЕ И ЗАКАТ

Сегодняшнее Евангелие: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное». Красноватый закат на горе. «Пришедше на запад солнца видевше свет вечерний». Есть какая-то нить между покаянием и закатом.

22.03.2021. АПОСТОЛ ВАРФОЛОМЕЙ НА ТИВЕРИАДСКОМ ОЗЕРЕ

Однажды, лет 15 назад, Патрик де Лобье показал мне фотографию – Христа и следующих за Ним чуть поодаль спутников: «Это с какой картины? – Ни с какой. Один мой друг (я забыл, кто) сделал снимок Тивериадского озера (моря), а когда проявил его, увидел Христа. А в спутниках Его узнал апостолов Филиппа и Варфоломея. Хотите верьте, хотите смейтесь!»

Патрика не расспросишь, его уже несколько лет, как нет. Сегодня он напомнил мне о себе во сне. А вчера читался отрывок из Иоанна о Нафанаиле («Прежде чем позвал тебя Филипп, Я видел тебя под смоковницей»), из любимых сердечнейший. Нафанаил же, по мнению библистов, это апостол Варфоломей.

Взгляд Христа нашел Нафанаила под смоковницей и удержал в себе. Их встреча, о которой Евангелие, стала проявлением Его взгляда. «Господь мой и Бог мой!» – невидимое вошло, ворвалось в видимое, оставаясь невидимым для других. «Бога не видел никто никогда...» и увидеть Его невозможно, пока Он сам не подарит тебе снимок Своей встречи с тобой. Фон: смоковница,

море, горе, дорога, совесть, лес, радость, грех, падение, свет... Бог – даритель. Он удерживает тебя во взгляде, а снимки посылает тебе. Один за другим. Только ты не Нафанаил, не апостол, не способен их проявить. А тот снимок до сих пор у меня.

10.04.2021. НЕ СУДИТЬ

Если годы намыли во мне какую-то песчинку мудрости (не ума, который изменчив, изворотлив и все гребет под себя), то она советует мне не судить душу моего ближнего или дальнего в ее «божественном». Я не говорю, что все веры равны, все религии истинны, упаси Бог! – но у всякой веры есть видимая часть, она может быть светлой, может быть темной, вложенной в извращенную структуру, может быть даже безумной (*delirium religiosus*), но есть и невидимая, и мы не знаем в ней соотношение света и тьмы.

25.05.2021. БОГОСЛОВИЕ ДЕТСТВА

«Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное».

Что значит «обратитесь»? Арамейская речь Евангелия не дошла до нас. *Strefo* по-гречески значит повернуться, вернуться, измениться. Повернуться куда? Вернуться к чему? Измениться как? Каждому человеку послано приглашение куда-то сдвинуться, брошен этот глубинный вызов выйти из своей житейской данности и стать иным. Из такого вызова он и должен понять самого себя. Такое учение о человеке в святоотеческом его ключе можно заключить в формулу митр. Каллиста Уэра: «Стань тем, кто ты есть». А кто ты есть? И Писание и Предание единоклюбно: ты не в грешном

существовании, а в основе своей, ты есть тот, кого сотворил Господь. Ты есть Его творение, которое Он вызвал к жизни Своей волей, заключил в Свой замысел. Он участвовал в твоём возникновении, наблюдал за тобой еще до рождения («Ибо Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей» – Пс:138), «Не сокрыты от Тебя были кости мои» – смею сказать, не только кости, но и гены, и задатки, и дары, посланные тебе для жизни – все объято Его взглядом, Его любовью. «Еще нет слова на языке моем, но Ты, Господи, уже знаешь его совершенно».

Человек пронизан взглядом и знанием Божиим, но не помнит об этом. Его «я», даже и верующее, сопротивляется; бессознательно оно само хочет быть богом, идолом для самого себя. А когда это «я» еще не вступило в полные свои права, не овладело рациональной мыслью, пребывает как Божья тварь среди тварного мира? Тогда, когда следы творения еще видимы – во младенчестве. Не сюда ли следует вернуться, в свою изначальную до-греховную сотворенность? Мне был не до конца понятен смысл аскетики, я нашел его здесь, в этом возвращении. Младенец хранит молчание о своем прошлом, о своем общении с Творцом, он несет это общение в себе. Когда младенчество перерастает в отрочество (тот самый трудный возраст, когда Бог отпускает человека на свободу), оно почти полностью вытесняется. Но в ранние годы дитя, в которое мы призваны обратиться, еще отмечен памятью об этом общении. Он несет его в себе. Вера может помочь их обнаружить и сохранить. Иногда их можно найти в искусстве. Гениальность – это незабытое младенчество, которое вдруг вспыхивает, обретает себя в памяти.

Да и сами Церкви проверяются для меня по мере их близости к таинственному, младенческому началу творения. И потому Православие, пожалуй, самая детская из вер. В нем сокрыта непосредственность, которую можно разглядеть под отяжелевшей броней взрослого разума. Вот когда оно начинает доказывать, что Третий Рим выше Первого и главное Второго, тут оно становится похожим на дитя, которое пригласили в ученое собрание сделать доклад об истории Церкви. В Православии более, чем у других, сохранилась гениальная не-, вернее, до-разумность. В теплом безмолвии Богородицы. В Ангелах, которые видят лицо Отца. Даже в монотонности, в непонятной повторяемости обряда.

Книжка моя начинается с выдуманной сцены, вот, когда-то в каком-нибудь средневековье, в некоем глухом углу встречаются два монаха, восточный и западный. И вступают в спор (кто-то обучил восточного начаткам латыни): как спастись? Православный говорит: иду в леса, ради трудного жития, чтобы, от людей вдали, молиться, трудиться, плакать о грехах своих (никому, кроме него и Бога не видимых). Западный говорит: иду в Китай, где живет несметное количество язычников, несу им Благоую Весть. Там и потружусь, пока кожу не сняли. А снимут, другой брат придет, за ним еще и еще. Православный католику: какой там тебе Китай, по сторонам ходить – только грехи множить, а я еще даже не приступил к невидимой брани, которой нет конца. Католик православному: о спасении души моей братья в монастыре молятся, а «невидимая брань» не уведит ли мимо стольких душ человеческих, обреченных погибнуть, не узнав имени Христова?

Два призвания к святости, и спорят они, в сущности, и по сей день. И пока не договорились. А, может быть, возможно повернуть на общий путь и на нем примириться – к ребенку, еще живущем в нас? Сегодня нельзя затеряться ни в сибирских лесах, ни в Китае, все пронизано тяжелым, безликим виртуальным взглядом глобализации, а она еще только в самом начале. И только «дитя, в которое следует обратиться, может – с благословения Божия – нас спасти». Уж никак не всякие общества, манифестации и прочие там глупости против электронного концлагеря. Но в обретении в себе того ребенка, которого сотворил Господь, создал для Себя, и он вдруг открывается нам во младенце. В нем еще есть то, чего уже нет во мне.

30.05.2021. «ЕЩЕ НЕТ СЛОВА НА ЯЗЫКЕ МОЕМ,
но Ты, Господи, знаешь его совершенно» (Пс 138:4).
Просыпаюсь с этой строкой, допытываюсь смысла. Первое несложное открытие: здесь не должно быть привычной человеческой логики. Если мои слова известны Ему прежде их выговаривания, то и слова-мысли других, многих миллиардов людей, живших и живущих ныне, тоже известны. Значит, Бог есть всезнание. Невероятный мозг с памятью, хранящей, несущей все на свете... Ничего не значит. Я узнаю в себе Твое знание, его ощущаю и исповедую, перед ним каюсь и радуюсь, с ним живу и собираюсь умереть. Но не делаю из него никаких экстраполяций, не помещаю это знание в центр глобальных идеологических систем с их гордыней и принципом разделений.

Слово еще не родилось, но оно уже ведомо. «Куда пойду от Духа Твоего, и от лица Твоего куда убегу?

Взойду на небо – Ты там; сойду ли в преисподнюю – и там Ты» (Пс 138:7-8). Достаточно погрузиться в себя поглубже, чтобы найти подобный «опыт» (Ну, не опыт в нашем смысле, конечно). С первого же момента моего существования во чреве матери, я соединен с Тем, Кто подумал обо мне и приказал быть. Твоя дума вошла в меня и стала мною: костями, лепетом. Твое знание, которое было мной когда-то разбужено, извлечено из потаенности и анонимности. Вера в таком пробуждении и состоит. Только будить себя и просыпаться надо всегда, снова и снова.

«Тот, кто ищет Тебя, искушает Тебя» (Рильке). Я не ищу. Не ищу, но знаю: Ты здесь вблизи каждого слова, не только доброго, но и злого, поверх мысли и чувства, но сам я прячусь от Твоего взгляда. Сочлененность бытия Божия с человеческим мы едва ли можем вообразить. И потому следует, о ней, наверное, молчать.

24.07.2021. О БОГОСЛОВСКОМ СЛОВАРЕ

Б. С. БАКУЛИНА

Вчера получил от Сергея Бычкова известие о виртуальном рождении «Православно-богословского терминологического Словаря» Бориса Саввича Бакулина (1905–1992), наверное, главного его труда. Более 3 миллионов знаков, более 1100 плотных страниц, если не ошибаюсь, 1400 статей. От «Аббата» до «Янсенизма». И все же это не самая обширная его работа. Ей предшествовала 7-томная Богословская Энциклопедия, о которой о. Александр Мень говорил, что по уровню своему она выше Энциклопедии Лопухина. Борис Саввич, доведя свою Энциклопедию до буквы К и поняв, что довершить ее все равно не успеет, создал этот Словарь.

В 90-е годы шли разговоры об его издании, но замерли, время было нищее. После его кончины я написал о нем статью в *Христианосе-VII*¹ с подзаголовком «Неизвестный путь русского богословия: из “гнева” в небытие» («Наречение имени»). Это была дань памяти и дружбы, но дальше дело не пошло. Несколько мелких публикаций в «Выборе», в «Символе», в «Вестнике РХД» еще при жизни, а затем – лишь благие намерения. Вот одно из них благодаря Сергею Бычкову, наконец, осуществилось.

Что могло ожидать русского богослова, родившегося в сибирском селе в 1905 году? Поначалу счастливое детство, потом, впрочем, и так понятно, что потом.

Потом вот что (исправлено): за участие в религиозно-философском кружке А. С. Мишенькина в Нижнем Новгороде в 1923 году приговорен к расстрелу, несколько месяцев провел в камере смертников. Был помилован, отделался несколькими годами ссылки. В 1943 году был арестован по 58 статье, получил пять лет ИТЛ. Освободившись, всю жизнь проработал инженером-статистиком в татарском городе Альметьевске, где и вышел на пенсию в 1965 году. И, если вспомнить М. Булгакова, «не подымал головы от рукописи».

¹ *Зелинский Владимир*. Борис Саввич Бакулин или Неизвестный путь русского богословия: из «гнева» в небытие. // *Христианос-VII* – Рига: ФиАМ, 1998. С. 157–178.

В *Христианос-VII* были опубликованы также три статьи Бориса Бакулина:

Бакулин Борис. Забытый смысл Евхаристии (Евхаристия как таинство любви); Смысл Троиинства (т.е. Догмата о Пресвятой Троице) как нормы Божественного и человеческого бытия; Главный праздник Православия // *Христианос-VII* – Рига: ФиАМ, 1998. С. 179–200. (*Прим. ред.*)

Воображение мое отказывается разместить у себя эту картину. Вот сухонький, мало кем знаемый, битый жизнью старичок, в дальнем Альметьевске, существуя с супругой на скромную инженерскую пенсию, за 25 пенсионных лет, создает в тишине, в полулегальности невиданную, по крайней мере, по объему, богословскую систему, которую не знаю, с чем и сравнить. Можно сопоставить с Карлом Бартом с его «готической», грандиозной «Церковной догматикой», но у Барта были в распоряжении европейские библиотеки, аудитории, издательства, секретари, наконец восхищенное удивление христианского мира. А у Бакулина?

Вот то, что я помню по названиям: «Можно ли доказать существование Бога?» (1967), «Философское введение в христианскую апологетику» (1967), «Философия естествознания» (1969), «О природе религиозного сознания» (по словам Бориса Савича, книга эта пропала), «Душа человека» (1972), «Эсхатология» (1972), «Очерки православной экклезиологии» (1979), «Статьи о спасении» (1980), «Современные проблемы церковной жизни» (1987), «Очерк мариологии», «Указатель русскоязычной богословской литературы» (1988) и наконец «Догматическое богословие» (для Богословской Академии в одном экземпляре). И так далее.

Все это понималось им как его личное служение Русской Православной Церкви. Все это предполагалось к обсуждению на будущем Поместном Соборе, издавалось в количестве 4–5 экземпляров, дарилось интеллигентным архиереям, платившим Борису Саввичу за перепечатку и переплет (не простой переплет, а архиерейский, с золотым тиснением). И там где-то и оста-

лось, растворилось, архиереев тех уже нет в живых. Правда, ныне здравствующий А. И. Осипов, по слову Сергея Бычкова, очень ценил Бакулина и рекомендовал его приобретать. Осипов же, насколько я понимаю, никого ни даром, ни авансом, не похвалит.

И вот теперь первый выход в публичное пространство. Хотя бы такое, но теперь, возможно и самое важное. Почти 30 лет спустя после кончины. «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф 11:12). Столько лет длившееся неослаблявшее усилие мысли, воли, веры, бескорыстия, служения, глас, вопиющий в пустыне почти без надежды быть услышанным при жизни...

19.08.2021. ПРЕОБРАЖЕНИЕ

«Летят за днями дни, и каждый час уносит частичку бытия...» Но бывают частички, которые словно падают ниоткуда и останавливаются. Садятся как мотыльки на цветок, крылышками «крылышкуя», ловя солнце. Не отсвет ли преображения часов и частиц? «Преобразился еси на горе...», преобразив и гору и все, что вокруг. В веянии тихого ветра явил Себя Господь. Но и в этом прикосновении времени, которое сейчас проживаем.

28.08.2021. «УСПЕНИЕ» ОЛЬГИ СЕДАКОВОЙ

Перечитываю Ваше «Успение», которое остается для меня непостижимым. Это словно икона, сплетенная из трав. Здесь нет лица, но есть его отражения. По-моему, ничего прекраснее я не читал. Захотелось поделиться. С праздником, дорогая Ольга!

09.09.2021. 31 ГОД НАЗАД

Звоню главному редактору «Русской Мысли».

Я (дружески): «Как вы отдохнули, Ирина Алексеевна?»

Иловойская (с непривычной хмуростью): «Я не отдыхала».

Я (настороженно): «Что-то случилось?»

Она (мрачно): «Погиб отец Александр Мень».

Я (цепenea): «Погиб? Что значит погиб?»

Она (еще мрачнее): «Зарублен топором».

Оторопь. Не могу связать. Топор и лицо. Топор и голос. Топор и улыбка. Древняя мощь, исходящая от его глаз, рук, от слов и жестов – и вот, начиная с этой секунды нашего разговора, всего этого больше нет. Есть топор.

Он отрубил от него 90-е годы, которые ему нужно было прожить, отсек нулевые... Казалось, ему предстояло открыть у нас новое тысячелетие. И все же он эту миссию выполнил. Прожитая им эпоха – 1935–1990, от катакомб до внезапно свалившейся, пусть и неосуществленной пока свободы Церкви, влилась в новое столетие. Она стала его неистребимым наследием. Особой, меневской мерой того церковного времени, которое только начинается.

11.09.2021. ТЕКСТЫ СЛОВА

Если Слово стало плотию, то оно говорит нам не только в храме, не только в памяти об усекновении главы Иоанны Предтечи, которому была посвящена сегодняшняя служба, но и плотью посланий. Текстом пожаров, революций, принимаемых законов, человеческих открытий, но и человеческих заблуждений, эпидемий,

даже и преступлений. Слово Божие всегда дает о себе знать. Правда, наш слух чаще умеет воспринимать то, что оно донесло до нас вчера и века назад. Когда мы пытаемся перевести Его на язык наших понятий, то слышим апокалиптические угрозы, обещания конца света или слезы по Эдему, в котором нас не было. Да, язык этих посланий создает неимоверный шум, но иногда мне кажется: не надо их переводить и расшифровывать во что-то общепонятное. Молчание, когда оно обращено к Слову, скажет больше.

16.10.2021. ЯЗЫКИ ВЕЩЕЙ

Все предметы, созданные человеком, от дверной ручки до произведения искусства, от корабля, замка, лекарства до тайной полиции суть способы того или иного вида общения людей между собой. Они – языки, нам о себе по-своему говорящие. Дверной замок с нами заводит один разговор, президент другой. Все эти вещи суть послания разной качественности, разной степени плотности. Виртуальный мир, куда мы недавно вступили, словно обнажил все на свете до информационного костяка, до комбинации знаков, которые мы можем узнать, но едва ли можем сдвинуть с места. Хотим раздобыть какие-то сведения о человеке или о событии, и Гугл, если знает, расскажет нам то, что знает. Знания, входя в нас, делают нас другими. Но впуская их в себя, мы остаемся пассивны. Дважды два слишком часто четыре, Волга все еще впадает в Каспийское море, Лермонтов погиб на дуэли в 1841 году. И еще целый водопад знаний, который затопил нас, а он все продолжает падать в нас из мира извне.

Но, разгадав информационный код вещей, как не попробовать попытаться его изменить, переиначить по воле своей? Личной волей или коллективной. Сколько вам, вещи, гордиться вашей независимостью? И душа протестует: почему бы морю Хвалынскому не впадать в Волгу, Лермонтову не дожить до смутных наших дней, а президенту не научиться безмолвию? Следующее поколение изобретателей гуглов (с нынешним я был даже знаком, когда ему было пять лет) не поменяет ли радикально нашу позицию во вселенной? И тогда мы, некое коллективное человечество, владельцы главных секретов, овладеем функциональным языком предметов, научимся именем, мыслью, простым кликом указывать, как им, предметам, на свете быть, двигаться, меняться. Все станет текучим и гибким, и водопад повелительных знаний будет падать не сверху вниз, а снизу вверх, от нас к вещам и уносить их по нашей воле. Словом, владея знанием, «будем как боги»?

Это не философия, но лишь сон, тревожный и долгий, как все сны, не имеющий логики, но так сегодня приснившийся.

25.10.2021. ВЗИРАТЬ НА НЕБО.

СМОТРЕТЬ ПОД НОГИ

«Ищите прежде всего Царства Божия и правды его, и это все приложится вам» (Мф 6:33). Здесь итог Нагорной проповеди, смысл и назначение истории от Адама до Второго Пришествия. Но позволено ли нам задавать Тебе вопросы, Господь? Те вопросы, за которыми нет готовых ответов. «Все это» – это что? По прямому смыслу слов Иисуса: еда, питье, одежда. Но можно, наверное, пойти дальше: семья и здоровье, все, что кормит

и поит – урожай в поле, не растоптанный чужими конями, виноградник, не порушенный соседом, рыба в сети, диссертация в карьере, удача в деле, на которое выходишь по утрам, место в обществе, должность хорошая в государстве?

Тысячелетиями верилось и верится до сих пор, что Царство Божие должно отражаться в земном, которое пыталось устроиться «по образу и подобию» небесного. Однако земное всегда существовало в тех же греховных структурах мира сего, где не только заповеди «не убий», «не прелюбодействуй», «не кради» нарушались ежедневно и повсеместно, но и «да не будет у тебя иных богов» звучало медью звенящей. От этой веры осталось ностальгическое воспоминание, которое иногда еще считает себя нормой на все времена, частью откровения, особенно когда функционирует обличительно. «О, эти блаженные монархические времена, не то, что этот Вавилон демократического разврата, конец твой уже при дверях!». Тогда, не то, что сейчас, и педофилии не случалось, никто ведь не жаловался.

«Удостоившийся видеть грехи свои выше ангелов» – такова одна из максим православной святости. Нет, конечно, никакой аналогии быть здесь не может, грех и сравнивать. Мы и не пытаемся. Аналогии нет, сравнения недопустимы, но тень, отдаленная между сердцем кающегося грешника и систематическим самобичеванием общества, которому никто не велит равняться на свою якобы святость, такая тень где-то все же существует. Всякая же крепкая, авторитарная власть просто с физиологической необходимостью, словно железами внутренней секреции порождает свое небесное отражение, могучее державное Я, полное добродетелей, свое

зеркало самолюбования, которым прикрывает все, что угодно. Мощью, стабильностью, славой великой победы. Даже и видимостью демократии, как мы видим, любит похвастаться.

Три человека шли когда-то из Иерусалима в Иерихон. Двое из них взирали на небо, взгляд их был ослеплен солнцем их религии. Третий, еретик-самарянин, смотрел под ноги и увидел Христа, выброшенного у дороги после пыток в Городе Солнца.

13.11.2021. ВЗГЛЯД ОКРЕСТ

«Я взглянул окрест и душа моя страданиями человеческими уязвлена стала», – сгоряча воскликнул первый русский диссидент. – Не смей и глаз подымать, – рявкнула великая держава. – Не верти головой, – возвысила строгий голос Церковь, – в себя смотри, вишь, сколько там грехов накопилось – Кто прошлое помянет, тому глаз вон, – подтвердила вековая мудрость. – Что за охота в ямах копаться, на дворе ноябрь, а в Таиланде солнышко светит, да и Кипр приветит, – спели сирены. И вообще тебе надо их, турбулентный? – в упор спросили домашние тапочки и коты. – Подыми имя мое из праха, шепчет то, что называлось некогда человеком.

28.11.2021. 200-ЛЕТИЕ НЕКРАСОВА

«Что ни год уменьшаются силы,
Ум ленивее, кровь холодней...
Мать-отчизна, дойду ль до могилы,
Не дождавшись свободы твоей?»

1861 год. Год освобождения крестьян. Некрасову 40 лет. В эти дни ему 200. Но у бессмертных какая могила? Добро, Николай Алексеич, ино еще побредем.

06.12.2021. ВСТРЕЧА С МОЦАРТОМ

Одно из воспоминаний, которое не стирается.

Лет 16 назад, в июне в Вене, побродив по собору св. Стефана, а затем по близлежащим улицам, я набрел на музей-квартиру Моцарта. В музее не было ничего. Единственным экспонатом был деревянный пол, похожий на настоящий, который только и мог похвастать, что слышал когда-то ту музыку, звук тех башмаков, голос Констанцы, игры детей. Это была томительная пустота. Не так, как в российских музеях, где хоть что-то хотят сохранить.

В одной из комнат стояло музыкальное устройство. Можно было нажать кнопку, и в наушниках будет Моцарт. Тот, которого выберете. Я выбрал наугад, это был 20-й фортепьянный концерт, К. 466. Удивило тотчас, как в Моцарте много печали, светлой, медлительной и преодоленной тревоги.

Я следил за развитием музыкального сюжета, он был вполне прозрачен. Его нельзя изложить словами, но с ним можно было общаться, его спрашивать, слушать его запрос, обращенный к тайне, к тому, что за пределами здешнего мира и слышать ее ответ. Так всегда с великой музыкой, ты участвуешь в этом диалоге, уходишь в то, что скрыто за музыкальной фразой, разгадываешь ее снова и снова. В последние годы слушаю этот концерт каждую неделю, а то и чаще.

Выходишь и замечаешь, что вся Вена, по крайней мере центр ее, одевается в Моцарта. От ливрей экскурсоводов, от карет с запряженными лошадьми до всяких шоколадных раззолоченных сладостей с его профилем, которые стараются поймать твой взгляд из всякого уличного ларька. С назойливым перебором даже. Вена

словно неуклюже, виновато и безнадежно просит прощения, что когда-то позволила ему умереть.

Сегодня, нет уже вчера, 5 декабря.

2022

05.01.2022. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЕРЫ

К нашему русскому Рождеству.

Поступил вопрос по Мессенджеру: что ты, священниче, думаешь о словах Апостола «Вера же есть осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом»? Как понимаешь сии слова?

Во всем Новом Завете 11:1 из Посл. к Евреям – один из самых сложных и мною любимых текстов. Читал его на разных языках, когда-то еще с В. В. Бибихиным обсуждал, но в данном случае (конкретно в данном) выбираю славянский. Другие переводы делают скорее акцент на ожидании моего «я», на личной уверенности, славянский же каким-то крылом, гением языка, касается самой сути вещей: «Есть же вера: уповаемых извещение, вещей обличение невидимых». Тот, кто кого-то ждет, даже не всегда отдавая отчета кого, «извещается». Упованию посылается весть. Она проливает свет на невидимые, неприкасаемые вещи внутри нас, свет освещает тайну самой надежды: веру. Не одну веру, но и Того, к Кому вера обращена: Того, Кто есть. Свет падает на уверенность, «обличает» ее, наделяет ликом: Он есть в нас. Бога мы носим в сердцевине самой надежды, Он Сам есть основа, «субстанция», исток упования. Упование, ожидание и упваемое, ожидаемое здесь встречаются, как правда и мир во Псалмах, – ищущий Бога находит Его в себе.

Рильке сказал: «Тот, кто ищет Тебя, искушает Тебя». И верно: Того, Кого усиленно ищут, принуждают прятаться. Не надо искать, надо довериться вести. Уступить надежде. Не сопротивляться упованию. Придет срок, Бог сам родится.

23.03.2022. ИМЕНИНЫ ВОДЫ

Кто придумывает посвящать дни профессии или явлению? День детства, день поэзии, день философии, это понятно, но день воды? Он был вчера. Надо сказать, это отличная придумка; с водой мы вступаем в отношения гораздо чаще, чем с поэзией, философией, даже с космосом. Уже не говоря о том, что сами на 90 % состоим из воды, она для нас – вечная загадка. А значит и предмет поэтических отгадок.

(Из моей книги «Будьте как дети», о младенчестве восприятия).

«Серый язык воды» (И. Бродский). «Серый мозг воды» (А. Тарковский). Тоньше у Ольги Седаковой: «И было чуть светлей от запаха воды...». Отец воды, предлагает людям как детям разгадать ее и наречь, постичь ее суть и довериться сути, когда она открывается в точности и неожиданности общения, в скрытой простоте предметов.

Еще ближе к детству вода итальянской поэтессы Антонио Поцци (1912–1938): «Мои мысли сегодня похожи на эту девочку-воду, что бежит серебристым шажком за каждую лодкой» («I miei pensieri somigliano stasera a quest'acqua bambina che corre a passettini d'argento dietro tutte le barche»).

Но здесь приходят на память слова одного итальянского богослова, вспомнившего, как увидел врага в

ручье, текущего солнечным днем над лицом утонувшего ребенка. Общение с водой далеко не всегда бывает мягким и поэтическим. Иногда она объявляет нам войну и вторгается в то, что создано человеком, унося целые поселения. Вековые льды стоят молча, но предупредительно: а вот как растаем, как зальем все то, где вы устроились так тепло и уютно; библейский рассказ о потопе – не сказка, но предупреждение. С водой пора заключить конкордат, если не завет, политика будущего должна строиться на поэтике, на разговоре с Богом, сотворившего море и «яже в нем» в образах, которые к нам обращены, с нами разговаривают, носят имена, которые мы им когда-то дали, вступив в диалог.

Хорошо бы учредить еще день горы, день дерева, день травы... Профессии подождут.

25.03.2022. СЕНТИМЕНТАЛЬНОЕ

Прихожанка, приютившая беженцев с Украины спрашивает у Влады (6 лет): «Тебе нравится в церковь ходить?» – «Иногда нравится... иногда». – «А в той, где в прошлое воскресенье была, хорошо было?» – «Да, очень хорошо, там бог прямо среди людей ходит, по голове меня даже погладил, Настюхе (2 года) верблюженка подарил. Ну, деревянного».

Отцы и учителя, а вы там, в странах большого православия, сакральность свою в алтарях храните на почетном расстоянии?

08.05.2022. КО ДНЮ ЖЕН-МИРОНОСИЦ

«Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?» (Лк 18:8). Пронизывающий века вопрос. Что имел в виду Иисус, какую веру ожидал найти? Ту, что, сойдя

с апостольской верфи, поплыла по истории, вдоль нее, вместе с нею? Древний корабль, доверху нагруженный священным грузом знаний о Боге, памятью, вздымающейся в соборах, говорящей в молитвах, сакральных жестах, формулах, разведанных залежах Духа. В каких только бурях он ни перебивал, но плывет. И есть все же иное знание, то, которое будит перед рассветом и отправляет в дорогу. Ее едва различишь в темноте, но дорога сама знает, как дойти до пустого гроба, донести ароматы. Если вы не взошли на тот высокий корабль, доверьтесь спонтанной мудрости тропы вослед женщинам, когда-то рано проснувшимся, разбуженным или вообще не сомкнувшим глаз.

14.06.2022. ДУХОВ ДЕНЬ

После вчерашней толпы на Троицу в храме едва 10 человек. Жара прижимает мой велосипед к мостовой, но почти прохладно внутри. Большое распятие на желтоватой стене перед престолом. Сюда через окно забралось солнце и устроилось, как Библия говорит, в «трепетном безмолвии» (см. Цар 19:12), рядом со словом. «Сие есть...» Годовщина венчания в маленькой церковке в Новом Иерусалиме под Москвой. Когда-то, в Духов день.

24.08.2022. ПАМЯТИ

МИТРОПОЛИТА КАЛЛИСТА

Горестная весть о кончине, хотя и не вполне неожиданная. Мне выпала единственная встреча с ним, лет 17 назад, в довольно необычном месте: в алтаре католического собора в Вашингтоне (Basilica of the National Shrine of the Immaculate Conception) после какой-то эку-

менической конференции. Была годовщина моего крещения, в этот день я стараюсь найти человека, который бы принял мою исповедь. Я прочел тогда «The Orthodox Church» и «The Orthodox Way». Но при встрече тотчас ощутил, что православный путь может сотворить монаха, молитвенника и богослова даже из безукоризненного английского джентльмена. Один из тех людей, который подарил мне частицу света. Каждое из таких дарений непохоже на другие. Теперь его нет, но дар остается. Deus conservat omnia. Вечная память о Господе, владыка Каллист!

20.09.2022. НЕ ВЛАДСТВОВАТЬ

«Мы же не властвовать над верою вашей хотим, — вы в ней и сами тверды, — нет, мы трудимся вместе с вами для радости вашей» (2 Кор 1:24, перевод под редакцией Кулаковых).

Не властвовать. Не сводить отношения «я и Ты» к тому, что можно, чего нельзя съесть или нельзя подумать. О том вчерашнее апостольское чтение и проповедь моего собрата. Ап. Павел, еще до того, как христианство тронулось в свой исторический путь, словно угадал тот главный соблазн, который этот путь собою окрасит: веру как отправление власти. Ибо власть, главный искус человеческий, хочет владеть не только народами и огородами, но и тем, что ходатайствует в нас воздыханиями неизреченными. И если/когда трудимся мы для радости, то исполняем забытый «детский» долг и нашего священства.

Тогда не властью, но радостью будет и вера крепка.

23.09.2022. ЮБИЛЕЙ

80 лет тебе, пресвитер-велосипедист. Жизнь исполнилась; все, что сверх, уже не предусмотрено ни Писанием, ни Преданием. Отпустив тебя жить умирающим, почти обреченным, Бог потом подарил тебе «храмину», которую до сей поры не приходилось много чинить. Быв с самого начала не так, чтобы очень нужным природным родителям, ты однажды обрел их – как избежать пафоса? – на той родине, откуда мы пришли и куда идем. Земная твоя страна несла для тебя угрозу, но всякий уголок мира был посольством чего-то иного. Пробежав эти годы, и разбежаться не успел, но успевал удивляться. Знаю себя лет с трех, но не помню, чтобы когда-либо был иным; Господь творит человека сразу и целиком. Потом, за последующую жизнь пытался дорасти до того, кем был Им задуман. Путь был ясен, но, признаюсь, не получилось даже начать. Пусть же то малое, что еще осталось пройти, будет живо доверием, покаянием, благодарением. Ощущением материнской Руки под головой и отеческого Взгляда над.

31.12.2022. КОНЧИНА ПАПЫ

Умер Бенедикт XVI. Этот тяжелый год в последний его день он омрачил своей кончиной. Когда умирают 95-летние иногда бывает более удивительно, чем, когда умирают те, кому за 70. Почему-то возникает ощущение, что кому-то, может, и пора, но эти будут жить и жить.

Не к месту вспоминается одна из шуток покойного Томаша Шпидлика: «Я, наверное, так и не умру. Ведь после 90 мало, кто умирает».

У меня есть одно воспоминание о Ратцингере, которым, наверное, следует поделиться. Осенью 1988 года

меня впервые выпустили на Запад, в начале ноября я прибыл в Рим. В аэропорту меня встретил о. Стефано Каприо, давний знакомец по Москве и сквозь проливной дождь отвез меня сразу в конгрегацию по вероучению в Ватикане, которую возглавлял кардинал Йозеф Ратцингер. Так было договорено.

Ауденция эта была обусловлена тем, что незадолго до того у меня вышла по-французски и по-итальянски книга «Дабы уверовал мир». Это был отклик на книгу Ратцингера и Витторио Мессори «Беседа о вере», изданную двумя годами ранее. И кардинал, отвечающий за вероучение всей Католической Церкви, пожелал со мной встретиться.

Встреча была, скорее, формальной. Я увидел сверхзанятого человека, который, помимо того, что заведовал тем, что было когда-то Святой инквизицией, слыл одним из самых плодovitых и глубоких богословов. Я же еще не научился вести себя при встречах с такими особами. Я рассказал немного о своей книге, где Ратцингер говорил о кризисе католичества на Западе, я сравнивал его с кризисом православия на Востоке, совершенно иным, но в чем-то параллельным. Он расспрашивал о России, я говорил, что мы атакованы восточными религиями, которые тогда, казалось, заполнили все. «L'Evangile est plus fort (Евангелие сильнее)», — сказал он на прощанье, улыбнувшись.

Через годы, встретившись на площади св. Петра, обменялись взглядами как старые знакомые.

Ратцингер, в отличие от Иоанна Павла II, который с одинаковой легкостью и простотой мог говорить с миллионной толпой и с глазу на глаз, был человеком неразговорчивым, скорее интровертным. Когда его избрали

папой, и он вышел на балкон собора св. Петра, чтобы приветствовать толпу, я, наблюдая эту сцену по телевизору, заметил в его глазах какое-то смущение, даже неудобство. словно он стеснялся, что оказался на такой высоте. Раньше его взгляд был совершенно другим, он смотрел на меня во время нашей единственной встречи испытующе, твердо, я как-то ежился под этим взглядом. Теперь этот был совсем не кардинальский взгляд, в котором светилось что-то подкупающее, дружеское, словно застенчивое.

Помню его слова на том же балконе сразу после избрания:

«После кончины любимого нашего Папы преосвященнейшие кардиналы избрали меня, смиренного работника в винограднике Господнем...»

И это было правдой. Весь свой понтификат, появляясь на людях, он провел в каком-то смиренном смущении. Меня не удивил его неожиданный уход на покой. А после избрания я предполагал, что первым главным его документом будет что-то вероучительное, католическое, сугубо римское. Но первая его энциклика называлась *Deus caritas est*, Бог есть любовь.

Вечный покой, столь им заслуженный.

2023

02.01.2023. ОДНАЖДЫ НОВЫЙ ГОД

«Однажды. Все только однажды. Однажды и больше ни разу. Мы тоже однажды. Но это однажды, пускай хотя бы однажды, пока мы земные, наверное, неотвратимо» (Рильке).

Старый год ушел, унеся с собой что-то необъятное для каждого. Мы вступили в иное, открывающееся

сегодня, чему названья нет. Всякий Новый год, даже и нынешний, с «кровавым отсветом в лицах» (Блок), предназначен быть праздником благодарения и благословения.

«Зародыш мой видели очи Твои, в Твоей книге записаны все дни для меня назначенные, когда ни одного из них еще не было» (Пс 138).

Те дни, что в книге Твоей записаны, незачем и считать. Назначено то, что назначено. Но как научиться благословлять текущее это «однажды», неотвратимость минуты и не опоздать?

07.04.2023. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Склоняюсь и отступаю перед этим праздником. Бог в человеке, но и три разорванных времени, в которых здесь существуем, сливаются воедино. Оно совершилось, живет с нами и ждет впереди. Память и упование и та мгновенность радости, который исходит от Ее дара, Ее света нам здесь и теперь.

11.05.2023. «ПО ВНУТРЕННЕМУ СЛЕДУ»

Кончина Олега Севастьянова, пастора и актера.

Разбуженный болью о вчерашнем уходе Андрея Бессмертного, тотчас встречаю новый удар: внезапная смерть Олега Севастьянова. Ничем как будто не болел, он был найден мертвым в своем доме дочерью. На 75 году жизни. Я был лишь его читателем и корреспондентом. В чем-то даже ощущал его братом «по музам, по судьбам». Мы и родились в один день. Этой осенью он собирался в Брешию, чтобы нам встретиться.

Начав в Москве как актер театра и кино, он сошел с этого поприща, нашел себя в ученичестве у о. Александра

Меня, но затем идя «по внутреннему следу» (цитирую О. Б.), становится лютеранским пастырем в Нарве, где служил с 1990 года. Я никогда не спрашивал об истоках его выбора, но теперь, когда в православии столь четко обозначилась граница между патриотизмом и христианством, понимаю гораздо лучше. Вообще быть русским лютеранским пастором в Эстонии, первым с начала 18 века, было как-то не очень патриотично; однажды ночью его нашли с разбитой головой без сознания на снегу зверски избитым. Едва спасли.

Он не был богословом в точном смысле, хотя когда-то в Америке получил степень магистра богословия. Насколько я могу представить его облик, он был странником внутри самого себя, прокладывающим дорогу к Богу через тайну. Тайна вдруг освещается, вспыхивает на миг. «Внимай себе» завещал св. Василий Великий, как и множество других отцов. Олег вел свой дневник вниманий, названный «Из хижины странствий». «Рядом со следами дней обычных светятся следы другой необъяснимой жизни».

Выбираю наугад, где откроется: «Редкие звезды зажглись, а птица не может никак завершить начало куплета». В стиле японских хокку, в образе остановившихся мгновений, в которых прикасается к нам Господь. И он писал свои книги прикосновений, обреченные на то, чтобы их не замечали в толпе даже усердных, подготовленных читателей. Но и там бродит много странников, кто-то вдруг обернется.

Андрей и Олег. С одним дружил с перерывами около полувека, другого никогда не видел. Едва ли они слышали друг о друге. И вот теперь побратались в моей памяти и поминовении.

13.09.2023. ИИСУС

Что есть Иисус для меня, средневерующего? Слово в тысяче его воплощений: вторая глава Символа веры, определение «Распятого же за ны при Понтийстем Пилате...», Тот, Чье бытие удостоверено не розысками ученых книжников, но и нестираемой коллективной памятью двух этих тысяч лет, имя, обращенное к тайне, растворившейся в мысли, хотя и не до конца, истина о Боге, за строгость которой мы так держимся, что растоптать готовы всякого, кто правды нашей не соблюдает. Младенец на руках Богородицы, «печатъ равнообразная, в Себе показуя Тя, Отца» и далее, далее, ведь икона, умозрение в ликах, она тоже слово. Умозрений у нас – целый небосвод над сонмом неисчислимым сестер и братьев, живых и усопших.

Есть Иисус, узанный или неузнанный, ускользающий от определений, сторонящийся торжественных формул, даже песен церковных. Он – как костыль нашего/моего «верую, Господи, помоги моему неверию», вообще во всем помоги, Друг, поддержи, Врач, исцели, Хозяин, вмешайся, Золотая Рыбка, исполни желание, Всевидящий, разреши проблему, Сам знаешь какую... Он – и скальпель в руках хирурга (однажды перед операцией и я молился о его руках), и носилки, которые другие руки несут... не перечислить предметов, за которыми хотим Его видеть. Наконец, Он есть и Суд, куда мы несем греховные немощи, чтобы избежать суда.

Но есть еще и другой Иисус по ту сторону всяких предметов, еще более интимный, еще менее выговариваемый, Иисус – крыло, дуновение того, что не входит в ум, что не слышало ухо, шелест, который скрыт в вещах, «видимых же всех и невидимых», внезапная

вспышка любви/света из иных краев, из глубины твоего, наконец молчание, потому что главное открывается за гранью звуков и образов, иногда и в час смерти нашей...

Они едины эти, условно говоря, три, «неслиянные и нераздельные». Но Христос один, «во веки Тот же». У нас же Он разный, по обстоятельствам души.

2024

15.02.2024. НЫНЕ ОТПУЩАЕШИ

Бывает у людей ощущение, что живут они слишком долго, дольше положенного, записанного в течение их жизни, и пора им уходить. Не всегда и обозначается это «пора» болезнями или скорбями, но возникает подспудно какая-то изжитость жизни. Даже не усталость от нее, но истощенность. Вспоминаю не к месту людей остро одаренных: Цветаеву, Блока, даже Лермонтова, хотя ему и не было 27 лет. Вот дана тебе гениальность, ты ею повязан, без нее, ты уже не ты. Словно дальше все будет лишнее. Вот дан тебе срок, но ты ощутил, что он завершен, и жизнь с ладони державшей тебя руки скользит вниз. Немногие, правду сказать, могут найти в этом иссякании опору. Но, может быть, Тот, Кто дал, приготовил нечто лучшее? Верим, но полным знанием не знаем. И все же есть нездешняя радость в надежде. «Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко» – да, жизнь умолкает, но тот глагол, который тебя отпускает, хранит и другие слова. Они еще не сказаны. Но ты можешь видеть отблеск их света. «Яко видесте очи мои спасение Твое...» – это как завещание старца, идущего к смерти, тем, кому еще предстоит умереть.

10.03.2024. «ЧТО ЕСЛИ?» НА СТРАШНОМ СУДЕ

«Алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня...» Два тысячелетия читаем св. Матфея, чуть голову со вздохом склонив: да, хорошо бы когда так... Но у меня рассуждения часто начинаются не там, где положено, а со «что если»? А что, если освободить эти слова из облака благочестия, проплывшего минуту назад, и перенести в сердце богословия? Сделать их условием стояния в Церкви? Не ритуальное «согрешил словом, делом и помышлением», ненужное никому, а реально – канонем перед причастием, правилом Евхаристии? Как во Второзаконии сказано: Напиши их на косяке дома твоего, на вратах Царства, куда хочешь попасть. Но что тогда стало бы с нами, с питающими прежде всего себя, да со всей Церковью? Все эти тысячелетия неисчерпаемую тайну Богочеловека она облекала в раковины четких определений. Собирала Соборы, ковала непреложное знание. Стояла на камне сем. А вот если бы она собирала Соборы, ради познания Христа иным, Им указанным способом?

Тебя, батюшка, уж не в Армию ли Спасения заносит? Ты, поди, еще все христианство к благотворительности сведешь? А то к какому-нибудь, прости Господи, гуманизму?

Упаси Бог, пишущий – рядовой призванный среди бесчисленных других, в ряду стоящий, на переключку исправно откликающийся: здесь я! Но пресвитерского ряда не нарушая, на средину равняясь, про себя тихо задумываюсь. А что если?

19.03.2024. ЧЕНСТОХОВСКАЯ

Есть иконы, которые приходят вдруг и остаются. Однажды Она подала знак. Потом как бы просочилась неслышным, невидимым светом, не давая совсем уж сбиться с пути. Заслоняла от беды, которая не раз была у дверей. Лет тридцать просил о чуде, правду сказать, не до конца веруя быть услышанным. И Она мне его, кажется, послала.

Сегодня Ее православный день.

26.03.2024. КЛЮЧ И РИТМ

Ключ к устроению мира в Слове Божьем и безмолвный ритм, заложенный в творении – не одно и то же, но где-то они под грохотом, скрежетом, воплем переключаются. (Приснилось на Благовещение по западному календарю).

24.07.2024. «ЛАТИНСКИЙ АФОН»

Традиционно их называют картезианцами. Более по-домашнему, чертозинцами. Для себя я не без смущения назвал их спонтанно «латинским Афоном», хотя мысленно поперхнулся этим прозвищем; ведь строгих к экуменизму афонских отцов такое словосочетание могло бы и оскорбить. Какой там Афон; речь идет об ордене, основанном св. Бруно из Кельна в 1080 году в долине Cartusia, или la Chartreuse (к северо-востоку от Гренобля). Афон не пускает к себе существ женского достоинства, здесь ворота закрыты практически для всех. Т.е. всяких благочестивых посетителей музеев.

От Флоренции чуть более 80 км пути вместе с другом и сослужителем о. Лазарем в сторону Лукки, в северной части Тосканы. Гнетущая жара, но в его машине

кондиционер. Мой собрат по священству когда-то, в подростковые года, скаутствовал вместе с нынешним приором Чертозинской обители; так через него пришло это странно почетное приглашение: прочесть две лекции; одну о церковной ситуации в Украине, другую о православных богословах конца прошлого века, как-то повлиявших на мое поколение. Темы истоптанные; не-большого плана достаточно.

Их 17 человек, братьев, еще три молодых послушника. Что им Украина, что им православные богословы? Интернета здесь нет. Нет, кстати, и кондиционеров. Но имена Лосского, Флоровского, Шмемана что-то им говорят, глаза их живые, вопросы задают по делу. Вот по этим глазам еще раз понял разницу между двумя аскетиками: западной и восточной. В восточной аскетике, когда она всерьез и надолго, глаза уходят в пустыню и не возвращаются, в западной – они еще в миру, не в вульгарном смысле, но лишь в тональности общения, понимания, соучастия. Они тебя допрашивают, но не как грешника, которого Господь наконец привел к покаянию, а как вестника того фрагмента творения, о котором сказано: «и здесь Господь». Их монашество – только личный их путь, оно свершается не под давлением смертельной угрозы собственному спасению, той, что не засыпает в монашестве восточном.

Между тем, молитвенная их дисциплина, если называть ее аскетикой, серьезней некуда. Насельники не общаются между собой, а едят вместе только по праздникам и воскресеньям. У каждого отдельный домик со своей печкой, куда дважды в сутки приносят деревянный ящик с аккуратно, по мисочкам – Запад есть Запад – разложенной едой. Скромной, но никак не голодной,

разумеется, без мяса. Уставная тишина здесь переходит в литургическое безмолвие. Помимо многих богослужебных часов (мессы, вечерни, утрени...) у чертозинцев есть еще не менее четырех-пяти молитвенных уединений в келье, где каждый сам должен справлять и держать свою молитву. И это у них, как я мог мимолетно понять, получается, хотя Большой Брат-приор не наблюдает за ними из телекамеры. Самыми трудными все же остаются часы утрени с полночи еще приблизительно два с половиной часа ночной службы. Для сна – вечер, а потом – рассвет. Но Бог, отделив свет от тьмы, так устроил человека, что его устройство велит ему ночью спать. А вот перерыв в естественном ритме все же содержит вызов этой потребности естества, не все ведь способны заснуть до или сразу после утрени. И потому в орден не принимают после 40, с возрастом все труднее приспособить свое естество к этой переломленной ночи.

Храм отсчитывает свой возраст с первого кирпича 13 века, хотя и барокко потом заглянуло сюда. Пение только грегорианское, исключительно латинское. Псалмы, псалмы в храме и в келье псалмы с Евангелием. Так проходит день за днем – от обета до кончины. С кончиной здесь тоже свои отношения, кладбище в самом центре обители, это небольшой луг с крестами, строго равными друг другу, ни на одном из них нет имени усопшего. «Господь у нас архивист», сказал мне приор, отвечая на мой удивленный взгляд. Во время войны община прятала у себя еврейские семьи, немцы расстреляли за это 12 братьев, однако нынешние насельники и слышать не хотят ни о каком церковном их прославлении, ставшем возможным, начиная с Иоанна

Павла II, ни о деревьях праведников в Иерусалиме. Отчасти по мотивам благородно эгоистическим: «Набегут туристы, наведут шум...»

«Небо и земля пройдут, а слова Мои не пройдут», – говорит Господь. Никакая поэзия не живет столько времени, не стираясь по краям в архаику, не каменея в «мировой культуре». Но здесь она обновляется, «яко орля», во всяком ею молящемся. Значит, Он сам приготовил это крепкое словесное питье для всякого, кто жаждет с Ним встречи? Странно, впервые задумался. Возвращаясь домой (Лукка, впервые увиденная, – Флоренция – Брешиа), вдруг допрашиваю Давида. Как это к тебе, пастуху, (или коллегам, на чьих крестах не осталось имени) пришли такие слова, простые, в сущности, что столько людей, не так уж и мало их, поколение за поколением погружают свою жизнь в их поток, доверяя ему нести себя к желанному устью окончательной Встречи? И уже 30 веков всякой славящей Бога душе, шепчущей, кричащей, исповедующейся, более точного языка не найти?

07.08.2024. УЗНАТЬ СЕБЯ В ТВОРЕНИИ

Опять в Камальдоли, вновь в Тоскане. И свидание с лесом, самым, пожалуй, мощным в Италии. Ради него откликаюсь на приглашение на одну из эко-экуменических конференций на прошлой неделе. Моя секция – «Воспитать себя для творения», если вольно переводить (*Educarsi ad essere creature*). А совсем уж вольно: в собственной тварности узнать себя.

Вспоминая «Миф о Сизифе»: единственная серьезная философская проблема, говорит Камю, не игры разума с самим собой, а решение – стоит ли вообще жить.

Однако жить можно не только в ясном сознании абсурдности жизни, но и в ощущении ее дарованности. И когда знаешь, что этот дар послан и другим, твое знание становится глубинной основой благодарящей солидарности. Ты не вправе отнимать жизнь ни у кого из живущих, начиная с себя, ведь на всяком существовании лежит отпечаток мыслящей и любящей воли. Это ощущение или доверие открывает путь в особое измерение жизни. Оно выходит за пределы того, что стоит между рождением и смертью, но уходит дальше, в «до» жизни и в ее «после».

Возвращаюсь к своей книге «Будьте как дети» («Ребенок на пороге Царства»). Что значат слова: «истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф 18:3). По скольким толкованиям я не пробежался, они всегда в конечном итоге сводились к назиданию: мол, будьте добрыми и послушными, может быть, и войдете. Идем к Марку: «Кто примет дитя, во имя Мое, Меня принимает...» Здесь толкования этические, в высшей степени уместны: не губите детей во чреве, да и родившимся протяните руку... И все же, поверх этик и моралей, шагнем в средоточие тайны: обратитесь в дитя в себе, примите себя, каким вас Бог сотворил. «Стань тем, кто ты есть», как отчеканил митр. Каллист (Уэр).

Открытие детства в себе – это как? Речь не идет о какой-то особой безгрешности, которая бывает только у детей, но прежде всего об осознании греховности мира, которая во всех отложила и накопила. Будьте как дети, преодолите свою взрослость, станьте святыми, какими были созданы. По лицам многих святых, особенно православных, можно узнать первоначальный

замысел Божий о человеке. Да и сам Христос, обращаясь к слушателям давно не-детям, говорит им вещи, которые можно понять лишь сквозь младенческое восприятие этих вещей, через их невозможность. «Оставьте мертвым хоронить своих мертвецов...», «если скажете горе сей, подвигнись и ввергнись в море...» Слово Божие сотворило гору, владеет и ее «словесностью», сутью, определяющей ее бытие. Ибо разум ребенка как-то соприкосновенен Слову.

Но есть еще изумленность миру, секретом которой владеет искусство, это «озаряюсь безбрежным» (Унгаретти). И есть смерть, к которой мы должны готовиться; в ней младенчество при нашей беспомощности, безоружности изредка достигает невероятной близости. Назад «к дитя», как и вперед «к дитя» – евангельский наказ не-ребенку, – взрослому. В той цивилизации, которая надвигается на нас, где человека все более норовит заменить комбинация цифр, лишь дитя Божие, которое ждет, чтобы мы в него обратились, может нас спасти.

*29.08.2024. ОТДАНИЕ УСПЕНИЯ: ЖИЗНЬ,
СМЕРТЬ, СЛОВО, СНОВА ЖИЗНЬ*

С чем-то, подобным трепету, жду этого праздника, а когда он проходит, продлеваю его в себе, не хочу отдавать раствориться во времени. Властью, никем мне не данной, богородичную лазурь в нашем храме сохраняю до самого Введения. Вслед за Преображением, это был первый мой великий церковный день после крещения в 1971 году. Но тогда на Успение в тот тесный, старинный (еще бояр Колычевых), душный от благодати – так мне казалось – храм у Переделкинского кладбища, я не

попал, пришлось остаться дома с ребенком. С тех пор стараюсь Успения не пропускать. И не пропустил ни одного, как бы наверстывая потерю того года.

Успение – другой язык благовестия, переведенный на язык кончины, икона смерти в Духе Святом. Той смерти, которую Господь приготовил любящим Его. Тропарь праздника высветляет в себе парадокс или «недоведомость» Воплощения: «...Богородице, преставилася еси к животу, Мати сущи Живота». Мария уходит в Жизнь как реальность Бога, которую уже несла в Себе, потому что на земле Она родила саму Жизнь как тело Человека. Два образа Ее тайны сливаются в один. Она рождает Слово Божие, и Слово в Успении входит Божие Безмолвие. Это молитвенное безмолвие, из него Она говорит. Недосказанное на земле, в сжатом евангельском времени, обретает в Ней голос.

Не касаюсь загадочных Ее явлений, где бы они ни происходили. Воздерживаясь от всякого конфессио-нально умного указания Богу, как и где Ему Себя открывать, как с нами разговаривать. Мы не знаем всех Ее посланничеств. Но главное из них – в союзе сердца и памяти. Владимир Лосский в очерке «Всесвятая» предлагает покоряющий образ: если Слову Божию надлежит быть проповедану на кровлях, то из молчания Богородицы вырастает Предание, которое уже скрыто в Слове. Оно им становится в тишине. Предание вырастает из слов, которые Мария слагала в сердце своем (см. Лк 2:19, 51).

Отрывок из Евангелия, который читается на все богородичные праздники, заканчивается возгласом Иисуса: «Блаженны слышащие слово Божие и исполняющие его». В Слове Божиим не сказано об Успении, но

Слову дана способность бесконечного роста и расширения. Слышать и исполнять – значит слагать в себе его послания. Хранить упавшие в нас семена, ибо они всходят или умирают/засыпают во всяком дыхании нашей жизни. Мы пытаемся их расслышать, а иногда откликнуться. В любом мгновении, во всякой вещи есть оклик Слова, обращенный к нам. Однажды оно должно окликнуть нас в смерти, нашей смерти, твоей смерти, ибо смерть – это трудное милосердное решение Бога о жизни каждого из нас. Мы, готовясь Его решение принять, просим словами или без слов о том, чтобы сквозь немоту и оледенелость тела пробился Свет Жизни и мы сумели бы ухватиться за него. Успение – оклик смерти как бесконечного упования.

05.09.2024. 25 ЛЕТ СВЯЩЕНСТВА

...со дня рукоположения в Париже на rue Daug 5 сентября 1999 года. В Архиепископии православных русских церквей Константинопольского патриархата. Мне 57 лет. В Париже я сшил подрясник, это было единственное мое церковное имущество. Наперсный крест мне подарил о. Габриэль Бунге, в ту пору бенедиктинец. Итак, в путь.

Он не стал идилией тихой прогулки вдоль реки, текущей где-то там, на безбурном Западе. Начался он с почти мгновенного (после 4 литургий) изгнания церковным советом из первого прихода в Сан Ремо, куда меня поставил мой архиепископ Сергей. Предлог: подозрение во мне московского агента. (Кто меня знает, улыбнитесь.) Причина: после полувека отсутствия в приходе хозяина, новый настоятель, который еще и ключи от церкви требует и вообще хочет в храмово-финансовых делах

разобраться, был церковному совету, из года в год самозабывавшемуся, совсем не угоден. Признаться, из всех ударов, полученных мною в течение жизни, это был самый болезненный и ядовитый.

Но при этом и назидательный. Я понял: не лови журавля в небе – пусть он там над Лигурийским морем летает – здесь в твоём деловом, далеко не курортном, городе, поле твоей работы. И действительно: со дня изгнания и двух недель не прошло, как нашёлся старинный храм в самом центре Брешии – Santa Maria dei Miracoli (Святая Мария чудес), где мне разрешили, можно сказать, пригласили, два воскресенья в месяц служить. Приход свой я набирал по скверам и площадям и, как ни странно, набрал. На первую службу в феврале 2000 года, в день Новомучеников российских, пришло 35 человек. Та община сменилась уже несколько раз, ни одного из первых прихожан, не осталось сегодня, но число их сохранилось неизменным для обычного, не праздничного воскресенья. Тогда это был первый православный приход в Брешии. Теперь их шесть.

Здесь, как бы у себя дома, я начал с нуля: ни чаши, ни лжицы, только крест и подрясник. Добрые люди сразу помогли (прежде всего о. Александр Геронимус, вечная ему память!), вскоре оброс нужной служебной утварью. Служу, уже не два, а все воскресенья, но тут вот что выяснилось: в конце войны американцы этот храм разбомбили, по ошибке приняв его за ж-д. станцию. Сами разбомбили, сами извинились, сами и починили. Но починили наскоро, через 60 лет потребовался капитальный ремонт; словом, нас со всей экуменической деликатностью попросили помещение освободить.

Началась многолетняя бездомность, скитание со всем скарбом из храма в храм, из подвалов на чердаки и выпрашивание постоянного места у католических наших собратьев.

На 11-м году, наконец, дали заброшенный храм даже с органом (на нем еще успел поиграть о. Петр Мещеринов), но вот беда: после каждой грозы с ливнем с потолка сыпалась штукатурка, что было случайно обнаружено пожарниками. (Сейчас почти то же самое, но сыпется только над алтарем, где нет прихожан, куда не заходят пожарники.) На Западе нет слова более уважаемого, чем безопасность; ни на какие сетки под потолком комиссия не согласна, извините, и вот мы на улице. Потом служили в бывшем храме, ставшем, благодаря фрескам 16 века, музеем себя самого, но каждый месяц намекали: вы же обещались здесь пробыть три недели, а вы уже третий год, пора, мол, и честь... А куда идти?

Ну вот, после всех мытарств мы в «своем» храме, предоставленном нам орденом Ancelle della carità (не знаю, как определить эту конгрегацию прелестных таких старушек в черном, — скажем, Служительницы милосердия). Я могу его открыть своим ключом, так что, благодаря Бога и людей Его, вот уже 10 лет, за исключением ковидного года, пользуюсь в этом храме свободой совести и отправления культа. Даже иконостас завели. Мир и покой? Если бы.

Все это время не было дня, чтобы я не работал. Не только преподавал в университете с полной нагрузкой русский язык, но и переводил с женой книгу за книгой, разъезжал по конференциям, преподавал всякие православные предметы в католических семинариях, писал в итальянские и французские газеты и журналы

(несметное количество писем, личных и деловых, не считаю), словом, как всякий *pater familias*, выживал. Да и бесплатным жилищем никто меня не наградил. Наконец, просто писал, уже не для выживания. Проработав 21 год был отправлен на пенсию, достаточно скромную (для нормальной нужно иметь 35 лет стажа).

Через пару недель мне исполняется 82 года. Недавно, переменив место жительства, покинул меня мой замечательный собрат и сослужитель, на которого я всегда мог опереться. Приход со всем своим весом остался на мне. Что ж, день короткий, год еще короче, следуем дальше, пока легкие дышат и ноги идут

Протяни руку, Господь!

23.09.2024. 25 ЛЕТ СВЯЩЕНСТВА. А ПО СУТИ?

Мой текст, 25 лет священства, от 5 сентября, получивший множество откликов, дружеских и комплиментарных, заставил меня вспомнить святоотеческое: хвалят тебя враги твоему спасению, лишь недоброжелатели говорят правду. Да и верно, все это я забавные истории рассказываю: интриги, неудачи, какие-то камешки с потолка. (Впрочем, и сейчас после сильного ливня в храм вхожу с трепетом.) Ну, а по существу? Чем наполнил ты эти 25 лет?

Память относит меня к Тивериадскому озеру, благодарение Богу на нем довелось побывать. 20 веков назад несколько рыбаков-апостолов, встретились здесь с Иисусом Воскресшим. Когда же они обедали, Иисус спрашивает Петра: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня? – спрашивает трижды, и трижды Петр отвечает, – так, Господи, Ты знаешь, что я люблю Тебя». На последний вопрос даже и обиделся («опечалился»). И всякий раз

получает твердый наказ: «Паси агнцев Моих. ... Потом другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». Прямой смысл, о котором гадать не нужно: пастырство не имеет иного источника, кроме любви ко Христу. Коли любишь – делай, как Я говорю. И будь готов платить назначенную тебе цену. В пастырском труде много всего; у любви есть и власть, но это не власть кнута, есть и причастие к любящей науке пастырства, а прозаически говоря, пастырство – как-никак и трудоустройство, все это и многое чего еще, но все обернуто вокруг «люби и паси». Без сего стержня все осыпается, принимает вид, скатывается к пародии.

А что есть любовь?

Но повторим вопрос Воскресшего: «Любишь ли ты Меня?». Люблю – значит прежде всего узнаю. Они обедали, говорит Евангелие, их глаза встречались. Когда по-настоящему я вижу Другого, я осознаю свою зависимость от Него. Мое «я» выходит из своей скорлупы или башни, или царства подводного и входит в пространство Другого. И находит радость в том, что оно, это «я», растворяется в его потоке, текущего ко мне и мной узнаваемого. «И сладостно тонуть мне в этом море» (Леопарди). Самое подлинное любящее знание – растворение меня в ином, в человеческом лице, в Боге.

«Любовь не ищет своего» (ап. Павел). Однако мало кто совсем свободен от такого искательства. Даже проповедуя любовь к Богу, не стараемся ли мы сделать это хорошо? И тогда невольно отмечаем хорошее в нас. Тем самым переносим взгляд от Бога на себя. И входим в свое, от Бога отделившееся, в королевство кривых зеркал, во тьму, которая в тебе.

«Другие – это Ад, так правду Ада Ад исповедал» (Аверинцев-Сартр). Ложь высвечивает правду. Правда – не в нас самих, но в любви Бога, которую мы узнаем в близком нам, принятом нами, радостного нам в человеке. Однако в каждом есть крупницы Ада, из тех крупниц вырастают залежи. Может быть, загробный ад состоит в бесконечном воспроизведении той части нашего «я», которой мы безоглядно служили в течение жизни. Представьте богача, пирующего до тошноты и не в силах остановиться. Или кошмар вечного секса. Или похоть бесконечного убийства. Поэтому чистилище, которое на Востоке считается справедливо выдумкой, придумано от милосердия, как говорила Наталья Леонидовна Трауберг, ведь где-то на пороге Царства Божия (кому дадут к нему приблизиться), надо стереть, эти темные пятна, сжечь даже и малейшие крупницы ада, от которых не очистишься здесь, в земной жизни. У Бога нет никакой тьмы. И поблизости нет.

А в нас, во мне?

Любовь к Богу бывает невыносимо горяча, но мы прячем ее в дорогие сосуды, укрываем куполами, укладываем в хранилища формул, с которых сдуваем пылинки, в коробочки святых правил с вышитой плеткой наверху, а тот, кто попроще, эту любовь норовит упаковать в тяжелый сундук своей национальности, родимости, «нашествия», которые превыше всего. И подобный любовный сурогат как-то само собой начинает совпадать с нашими государственными границами. Или теми границами, что мы сами и провели.

Да и правду сказать, не только в нашей лукавости дело, ведь любовь к Богу прячется своей наготы. Она ищет во что одеться, земное, дорогое, красивое, как-то

греющее... Словно хочет во что-то себя вложить, нуждается в каком-то посредничестве.

«Любишь ли ты Меня...» – каждодневно допрашивает меня Христос, с тех пор как однажды Он мелькнул передо мной, и мне показалось, что я узнал Его. И уже проведя меня через множество таких «вопрошающих» дней, преклонив к пожилому возрасту, Он велел мне: «паси, впрягайся». Я, было, не услышал, долго не понимал, хотел – как бы сказать? – реализовать свое призвание в картинке «я и престол», «я и Евхаристия», «я и чин пресвитерский...» Оставь свое «я» себе на память, чинами пей и закусывай, был жесткий ответ. Мне ты нужен для дела, вот здесь и теперь, в этом месте, в этом городе, о котором ты узнал лишь тогда, когда в него приехал, нужен со всем литургическим строем за твоей спиной. Пусть это все заговорит через тебя, будет донесено людям, которых прежде никогда не встречал, любить кого не собирался, даже на языке их не говоришь.

Но раз любишь Меня, полюби их. Молись с ними, молись за них, принимай их души в свою. Просто будь с ними рядом. Сделай из прихода семью, где все знают, у кого какая беда, проблема, надежда. У кого нет ни работы, ни крыши над головой, кому нужен хороший врач или бесплатный адвокат. А кому-то очень важно знать, когда Бог вернет сына из плена и почему Он, Любящий, Всемогущий, не останавливает войну. Отныне твоя жизнь будет развернута не на писания и призвания, а на посильное дарение Меня, служение Мною – им. Лично не так уж ты им и нужен, им нужны Мое наследие, Мое слово, которое должно вселяться в них

твоими устами, нужна Моя любовь, которая руками твоими негодными будет совершаться. Пока справляешься ты с этим плохо, слабо, недостойно, спотыкаешься там и здесь, но и у Меня на сегодняшний день не нашлось для тебя замены, делай дело, пока есть день.

А день уже закатывается, и Библия, и здравый смысл говорят: пора уходить (сегодня мне 82 в аккурат), и другой (едва ли Калигула, всего лишь тромб, рак, «непоровный инвалид») отправит тебя «путем всея земли». Как говорит Экклезиаст, когда «зацветет миндаль, и отяжелеет кузнечик и рассыплется каперс, ибо отходит человек в вечный дом свой...»

29.09.2024. «КТО МОЙ БЛИЖНИЙ?»

Человек есть послание, каждый человек. Мы, в сущности, это знаем. Не ведая тропы, идем в разведку к другому, подспудно собирая о нем «сведения», которые даже не облечешь в слова. «Послание» звучит несколько высокопарно, в нашем языке оно завышено в цене. Больше подходит message по-английски или по-французски. Every man is a message. Мы всегда считываем, того, кого видим, не только по лицу, словам, жестам, одежде, выражению глаз, движенью рук, но больше по чему-то неуловимому, что собирает человека в единый образ. И растворяем его в себе. В любом из нас простирается галактика образов. Встречая другого, мы мгновенно воспринимаем его целиком; отсюда – и «любовь с первого взгляда», и «солнечный удар», и вообще загадка любви, которую мы не способны объяснить. Ведь чувственность, если ее не тормозить, готова бежать за каждой, любовь останавливается на одной.

Содержание посланий спрятано под нашим обыденным разумением, один человек другому посылается знаками, не только зрительными, эти знаки не переводятся ни на какие формулы, но записываются в нас.

Разум считывает только логическое и конкретное. Когда-нибудь, вероятно, считыванием другого человека займутся приборы, которые сейчас изобретаются и уже изобретены. Но они будут способны считывать людей как сумму, схему, как нами же построенный порядок ментальных конструкций. Едва ли смогут они погрузиться в бездну интуитивного ведения того человеческого существа, которое из кого-то становится тем, кого Евангелие называет ближним.

«А кто мой ближний»? Христос приводит притчу о добром самарянине, подчеркнуто дальнем, чужом по крови и вере. Взгляд самарянина сделал мгновенный снимок человека, попавшегося разбойникам, «считал» его раны, принял в себя его обиду и боль, и в самом сближении с ним стал «ближним». Ближним – в силу того, что поместил другого в себя, разделил его с собою. Но чтобы другого в себе поместить, надо освободить место. Что очень и очень непросто.

«Кто душу свою потеряет ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее». В западных переводах душа заменяется жизнью, т.е. указанием на мученичество, но в оригинале (который тоже есть перевод) глубже и шире – *psyche*, дыхание, душа. Потерять душу – значит всего себя отослать другому, ближнему. Поместить его в себе, что по заповеди о любви мы и призваны делать. Любовь в том, чтобы до конца узнать ближнего, от кого мы чаще всего отворачиваемся, душу свою сберегая (накапливая, богатствами заполняя, в надежных житницах храня...).

Христос бросает вызов этой падшей реальности. Он протягивает руку человеческой природе, как жертве разбойников, но оставляет свободу каждому принять Его руку или отвернуться. Однако отворачиваясь, мы вольно или невольно поворачиваемся к богу иному, влюбляясь в себя еще раз. Такая влюбленность считается сразу, она оставляет знаки повсюду, особенно же в том, что обычно нас восхищает: талант, образованность, успех, богатство, власть, даже и милосердие напоказ. И, мы сворачиваемся в себе как в колыбели истины и добра, отсекаем все, что кажется нам враждебным, а враждебное, заворачиваем в понятие, отсылая его в стан врагов, подлежащих уничтожению.

Мир людей, в сущности, состоит из таких отсечений чужого и противопоставлений ему. Артур Кестлер приводит пример: вот живут в Африке две стаи обезьян. Одна стая, поедая бананы, очищает их, другая съедает со шкуркой. Если бы они могли осмыслить этот процесс, то, создали бы отвлеченную концепцию врага, исходя из идеологии правильного потребления пищи. И попытались бы переделать все неправильное, вправить в свои правила других. Вот вам и предпосылка войны. Но весть Христа людям не в том ли была, чтобы убрать этот частокор разделений во имя своих представлений об истине и добре? Чтобы во всех чуждых и отсеченных узнать кровных и ближних?

А как их узнать? Общеизвестно и почти недоступно: за всеми знаками противопоставления научиться «считывать» всякого человека как послание Христа, обращенное к каждому.

2025*13.01.2025. ДВА ПРОЩАНИЯ*

Оба с 90-летними, о ком говорят «насытились днями».

Митрополит Хризостом. О нем многое довелось прочесть в последние дни. Крутой, часто гневный, порывистый, но добрый, отходчивый, очень искренний, жесткий, мягкий, дипломатичный, когда требовалось. Единственный из епископов, кто на заре свободных лет признался, что сотрудничал с КГБ и даже призвал других архиереев создать комиссию по расследованию. Услышан, понятно, не был. Но он и в несвободные времена говорил о том совершенно открыто, почти публично.

Среди прочих, говорил прямо под всеслышащим толком старого ОВЦС, когда собирался рукополагать меня во священство где-то в Курской области и чуть было не рукоположил. На дворе был 1981 год, я не стал скрывать, что я уже одной ногой наступил в диссидентство; не желая лукавить, принес ему свою статью о Шестове в Вестнике РХД, она была не под псевдонимом. При всей Хризостомовой смелости это было уже слишком. Но у Промысла на меня, видно, были другие планы, Ангел-Хранитель отвел владычну руку. К тому времени он уже рукоположил более сотни священников на пустующие Курско-Белгородские приходы.

Стиль его рукоположений был исключительно наступательный и военный, там и здесь зияла брешь, пустующий разоренный храм, с остатками какой-то общинки из доживавших старушек, а они повсюду стояли, он сначала рукополагал, а потом – невиданное тогда дело – просил уполномоченного о регистрации. Ставил перед

фактом. Не считал унижением пару часов просидеть в его приемной, хотя уполномоченный ни коньяком не брезговал, ни конвертов не отвергал, да и делать ему было особенно нечего, но ведь надо же было показать кто есть кто. Хризостом бросал людей на прорыв, за ценой не стоял, не взирал на потери и, кажется, гордился этим. Людей на такую должность было уже достаточно, тут и столичные интеллигенты набежали, даже и кандидаты наук (что было запрещено), вдобавок еще и нежелательной национальности, юные богоискатели, только что постриженные в монахи (от чего потом происходили всякие истории), даже и второбрачные. Одного такого, иерея недавно рукоположенного, когда местная ядовитая печать поймала на четырех браках, он тотчас вызвал к себе. Один вопрос: «Правда?» – «Но, владыка, два брака были фиктивные, я вам объясню...» – «Ничего не знаю, – заговорил металл в голосе, – крест на стол». И вот снова приход надо будет кем-то затыкать. Все, что угодно мог он потерпеть, но обмана не выносил.

Вообще от своих кандидатов ничего особого не требовал, кроме одного, но это требование было радикальным: «Кадилом махать всякий сможет, а ты храм восстанови, докажи, что мужик, что священник». Как доказать? Отца Марка Вольфсона, (оцените фамилию), со вчерашнего дня священника, посылает на службу в отдаленный деревенский приход перед самой Пасхой. – «Увольте, владыко, я же ничего не умею, как служить не знаю». – «Что значит, не умеете (с интеллигентами он был на “вы”)? Есть престол, книги есть, служите. Народу до ваших умений дела нет, людям праздник нужен». Словом, рядовой необученный, без разговоров и

в бой. Так он рукоположил математика о. Александра Геронимуса, потом ставшего прекрасным пастырем (покойного друга моего, начиная с моих пяти и 3 его лет), о. Георгия Эдельштейна, лингвиста, обоих братьев Волгиных (покойный о. Анатолий мой крестный), вспоминаю лишь тех, кого лично знал, но за ними – целая рота. Об о. Анатолии Волгине, помню, о. А. Мень сказал: «Вот за одно это рукоположение многое можно простить Хризостому, вот здесь настоящее призвание было».

Всего не расскажешь. Но вот факт, уже почти забытый: в январе 1991 года он, будучи митрополитом Литовским публично протестовал против кровавого захвата телецентра в Вильнюсе. Вместе с молодым иеромонахом о. Иларионом Алфеевым из Каунаса, кстати.

Станислав (о. Стефан) Красовицкий. Мало, кто найдется здесь, кто мог бы вспомнить о нем в 60-е годы. Разве давнишний мой друг о. Владислав Свешников, но его нет в Фейсбуке. Так что просто обязан помянуть, хотя воспоминаний о нем почти нет. Помню мой первый визит в его дом в начале 60-х, он недавно женился, жена ждала ребенка. Жил он в какой-то деревянной избушке, на окраине Москвы, они еще сохранились тогда, кажется, съемной; был беден, как и все тогда. «А не заварить ли нам чайку?» – говорил он тогда с какой-то своей чаёвной чинной интонацией, от которой сразу вокруг теплело, обращаясь к супруге. В том чае проступала верность «старинному чину», чаёк был обрядом гостеприимства, по обряду совершалось и все вокруг. К чайку же ничего, кроме сушек, не было.

Поэзия его в то время, которую многие тогда находили первой в табели о поэтических рангах, была им

уже отринута, но, казалось, вся атмосфера была пропитана его ранними строками: «Я сижу порой на выставке один / С древнерусския стихи пишу картин, / А в окошке от Москвы до Костромы / все меняется, меняемся и мы». Певучая интонация здесь была важнее слов. В настоящей поэзии поэт свободен по отношению к словам и их смыслу, он дает им сказаться, как им свободно сказывается, и они забирают с собой то, что не до конца выговариваемо и звучит поверх смысла.

История литературы считает, что Красовицкий был поэтом из «Группы Черткова». Для меня не совсем вразумительно «быть поэтом из группы». С Леонидом Чертковым я сдружился потом лет через десять. Как и Красовицкий, Чертков никогда о своей поэзии не говорил. Говорил об «общественном».

По церковной линии Красовицкий уже вступил в «парад нетерпимостей», даже возглавил этот парад, стал священником в США в Зарубежной Церкви, потом ушел из нее, отсекая, анафематствуя все, на чем находил следы пятен на белизне истинного исповедания. С некоторым любопытством изредка я следил за этим со стороны. Мне было не дано понять, как во имя Христа, сведенного к отточенным правилам веры в Него, сформулированных человеческим нашим разумом, можно отсекал все то, что поистине Христово в других. Пытался понять, но не смог. Что касается покойного о. Стефана, то произвольно и, вероятно, не мне одному, просится на ум сравнение с Гоголем (даже и внешне на него похожим), похоронившим свой поразительный дар под пеплом от сожженных «Мертвых душ», но потом решившим откопать его через годы, чтобы переложить стихами свои «Выбранные места».

Но Бог сохраняет все, читает сожженное и даже не-написанное. И принимает к Себе, терпимых и нетерпимых, но прежде всего ревностных и горячих.

22.02.2025. «ИЗБЕРИ ЖИЗНЬ»

В подлиннике:

ἦν τὸ φῶς τὸ ἀληθινὸν ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον.

Свет истинный, просвещающий каждого человека, где подлинно Ты? Ищу в себе, ищу в других: откликнись! У того же евангелиста сказано: «Свет пришел в мир; но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы». Приняли Свет, а тьму возлюбили, как уразуметь? Иоанн Златоуст предостерегает: «Ты слышал, что бе Свет истинный. Зачем же понапрасну усиливаешься обнять своим умом эту жизнь бесконечную? ... Для чего исследуешь неисследимое?»

Но как не исследовать? Христос говорит: «Да знают тебя единого Бога и посланного Тобой Иисуса Христа». Свет неисследим, но исследим, хоть и не до конца, человек. Отцы же, чей авторитет неколебим (Кирилл Александрийский, Симеон Новый Богослов, Феофан Затворник и др.), единодушны: Свет истинный – есть Сын Божий. До них о том же и ап. Павел: «Или вы не знаете самих себя, что Иисус Христос в вас?» (2 Кор 13:5). Но вот где? Невидимое открывается через видимое, через человеческое. Свет же Христов, если мы и видим Его иногда, то далеко, далеко не во всяком.

Но не того или иного человека просвещает Свет, но каждого: и злодея и экумениста. Иным словом: Бог одаряет человека Собой. Когда именно и как? Не знаем, но вера эту одаренность приоткрывает. Одаренность живет не в этом времени, не в каких-то измеримых едини-

цах мерности. Однако секрет человека, его потаенная суть – в при-частности Божественному. Оно ближе к нам, чем мы сами и вместе с тем, честно сказать, дальше всего. При этом в нашей одаренности Светом заложен как бы и вызов, дар присутствия Божия всегда ставит перед выбором, и необходимость выбирать определяет положение человека в мире. Одаренность Светом – это и оснащенность к деланию добра, но и готовность «возлюбить» тьму, которая как раз и выявляется Светом.

Почтенная православная традиция говорит нам, что адрес, по которому проживает Свет – сердце наше. Где-то там, в телесном органе или за ним? Но что есть сердце? Духовно: место обитания Божия и самоопределения человека. Физиологически это орган, обеспечивающий циркуляцию крови. Но что важнее: мотор вращения или кровь, которую он вращает? Скорее все же кровь, сок жизни, но искать наличие Света в крови – все равно, что стараться увидеть Бога, как Он есть, в тучах над головой. В нашей телесной природе никаким анализом Свет истинный обнаружить не удастся. В крови есть множество разных веществ, от которых зависит жизнь на земле. Но где же Свет, нас просветивший? В самой жизни? В ее даре, ее сотворенности, ее приобщенности? И куда девается Свет, когда гаснет жизнь?

Та, что бьется на пороге как бы двойного бытия. Бытия вместе со Светом и всегдашней склонности к выбору тьмы. Во влюбленности в нее. Даже и без «как бы». И жизнь, и смерть обладают своим зовом и притяжением. «Жизнь и смерть предложил Я тебе, – говорит Моисей, передавая слова Господа на заре Откровения, – благословение и проклятье. Избери жизнь...» (Второзаконие 30:19).

Избери жизнь...

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	4

Прот. Михаил Аксёнов-Меерсон Благодарение отцу Александру	7

Владимир Илюшенко Великий ученик Христа	12

Свящ. Иоанн Грузинов Проповедь. 22 января 2025 г.	15

НАСЛЕДИЕ ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ

Наталия Большакова-Минченко Обесценивание гуманистических идей и поправление ценностей.....	19

Прот. Игорь Прекуп Человек новозаветного духа	27

Михаил Мень Сегодняшние размышления на тему статьи отца Александра Меня «Демократия и толпа»	36

Свящ. Владимир Зелинский Слово как миссия и молчание как опыт	42

Евгений Рашковский

Прот. А. Мень: время нашей свободы / бремя
нашей свободы 48

Иеромонах Иоанн (Гуайта)

Миротворчество Александра Меня 59

Архим. Зинон (Теодор)

Миссия отца Александра Меня 69

Андрей Десницкий

По следам «Сына Человеческого» 73

ПИСЬМА ОТЦА АЛЕКСАНДРА МЕНЯ**Наталия Большакова-Минченко**

Продолжение «взгляда» 99

Письма отца Александра Меня 101

**ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ АЛЕКСАНДРЕ МЕНЕ****Наталья Комарова**

Он навсегда остаётся с нами 221

Михаил Мень

Памятник погибшим за веру 281

Павел Мень

Наши праздники 285

ПАМЯТИ БРАТА РОЖЕ ШЮТЦА

Свящ. Владимир Лапшин

Брат Роже: Жить миром и радостью 297

ФРАГМЕНТЫ ЖИЗНИ

Свящ. Владимир Зелинский

Избери жизнь..... 315

TABLE DES MATIÈRES

De la part des éditeurs	4

Archiprêtre Mikhail Axionov-Meyerson

Notre reconnaissance envers le père Alexandre	7

Vladimir Iliouchenko

Un grand disciple du Christ	12

Prêtre Ioann Grouzinov

Homélie du 22 janvier 2025	15

L'HÉRITAGE DU PÈRE ALEXANDRE MEN

Natalia Bolchakova-Mintchenko

La dépréciation des idées humanistes et le piétinement des valeurs	19

Archiprêtre Igor Prékoup

L'homme qui avait l'esprit du Nouveau Testament	27

Mikhail Men

Une réflexion actuelle sur le thème de l'article du père Alexandre Men : la démocratie et la foule	36

Prêtre Vladimir Zélinisky

La Parole comme mission et le silence comme expérience.....	42

Evguéni Rachkovsky

Père Al. Men : Le temps de notre liberté
et le fardeau de notre liberté..... 48

Hiéromoine Ioann (Guaita)

Le père Alexandre Men comme artisan de paix 59

Archimandrite Zinon (Teodor)

La mission du père Alexandre Men 69

Andreï Desnitsky

Sur les traces de Jésus de Nazareth,
le Fils de l'Homme 73

LETTRES DU PÈRE ALEXANDRE MEN**Natalia Bolchakova-Mintchenko**

La suite du « regard »..... 99

Lettres du père Alexandre Men 101

SOUVENIRS SUR LE PÈRE ALEXANDRE MEN**Natalia Komarova**

Il demeure toujours avec nous..... 221

Mikhail Men

Un monument à ceux qui sont morts pour la foi 281

Pavel Men

Nos fêtes..... 285

À LA MÉMOIRE DU FRÈRE ROGER SCHUTZ

Prêtre Vladimir Lapchine

Frère Roger : Vivre dans la paix et la joie..... 297

FRAGMENTS D'UNE VIE

Prêtre Vladimir Zélinisky

Choisis la vie... 315

CONTENTS

From Editorial Board	4

Archpriest Mikhail Aksyonov-Meerson Gratitude to Fr. Alexander	7

Vladimir Ilyushenko A great disciple of Christ	12

Priest Ioann Gruzinov Sermon. January 22, 2025	15

THE LEGACY OF FR. ALEXANDER MEN’

Natalia Bolshakova-Minchenko The devaluation of humanistic ideas and trampling of values	19

Archpriest Igor Prekup The man of the New Testament spirit	27

Mikhail Men’ Today’s reflection on Fr. Alexander Men’s article “Democracy and the crowd”	36

Priest Vladimir Zelinsky Word as mission and silence as experience	42

Evgeny Rashkovsky

Archpriest Alexander Men': the time of our freedom/ the burden of our freedom.....	48

Hieromonk Ioann (Guaita)

The peacemaking of Alexander Men'	59

Archimandrite Zinon (Theodore)

The Mission of Fr. Alexander Men'	69

Andrey Desnitsky

In the footsteps of "The Son of Man"	73

FR. ALEXANDER MEN'S LETTERS**Natalia Bolshakova-Minchenko**

Continuation of the "gaze"	99

Fr. Alexander Men's letters	101

**MEMORIES ABOUT
ALEXANDER MEN'****Natalia Komarova**

He stays with us forever	221

Mikhail Men'

Monument to those who died for the faith	281

Pavel Men'

Our celebrations	285

IN MEMORY OF BROTHER ROGER SCHUTZ**Priest Vladimir Lapshin**

Brother Roger: to live for peace and joy 297

LIFE FRAGMENTS**Priest Vladimir Zelinsky**

Choose life. 315

**Международным Благотворительным Обществом
имени Александра Меня
(Рига, Латвия)
изданы (1991–2025)**

Альманах «Христианос» – выпуски I – XXXIV
Альманах «Отчий Дом»

Книги:

Протоиерей Александр Мень
«Практическое руководство к молитве»

«Апокалипсис» –
Комментарий протоиерея Александра Меня

«Крестный Путь».
Молитвенные размышления и молитвы
Вселенского Патриарха Варфоломея

Архимандрит Зинон (Теодор) «Беседы иконописца»

Владимир Френкель «Время пустыни». Стихи

Малая сестра Магдалена Иисуса
«По следам брата Шарля» (Зеленая тетрадь)

Иеромонах Габриэль Бунге «Скудельные сосуды» –
практика личной молитвы по преданию Святых Отцов

София Рукова «Отец Александр Мень»

Протоиерей Александр Мень «Истоки религии»
(«Reliģijas pirmsākumi») на латышском языке

Артуро Каттанео «Брак: дар и служение»

Иеромонах Габриэль Бунге

«Другой Утешитель. Икона Пресвятой Троицы
преп. Андрея Рублева»

Светлана Домбровская «Пастырь»

(Повесть об отце Александре Мене)

Иеромонах Габриэль Бунге

«Вино дракона и хлеб ангельский» –
учение Евагрия Понтийского о гневе и кротости

Священник Владимир Лапшин

«Деяния Святых Апостолов» – Комментарии

Иеромонах Габриэль Бунге

«Акедия» – духовное учение Евагрия Понтийского
об унынии

Наталия Большакова

«Христианство осуществимо на земле»
(История создания и жизнь монастыря
Покрова Пресвятой Богородицы в Бюси-ан-От
(Франция))

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Коринфянам,
Послание к Галатам – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:
Послания к Фессалоникийцам,
Послание к Римлянам – Беседы»

Наталия Большакова

«Жизнь и служение
епископа Кампанского Мефодия (Кульмана)»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Филиппийцам,

Послание к Колоссянам, Послание к Филимону,

Послание к Ефесеям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Читая апостола Павла:

Послание к Титу,

Послания к Тимофею,

Послание к Евреям – Беседы»

Священник Владимир Лапшин

«Давайте задумаемся!»

Статьи. Проповеди. Беседы

Священник Владимир Лапшин

«Вы будете Мне свидетелями...»

Проповеди

Протоиерей Александр Мень

«Магизм и единобожие» («Maģisms un viendievība»)

на латышском языке

Участие в издании:

Протоиерей Александр Мень

«Благослови молитву мою» («Svētī manu lūgšanu») на

латышском языке в сотрудничестве с изд-вом

«KALA Raksti» (Rīga)

Протоиерей Александр Мень

«Сын Человеческий» («Cilvēka Dēls») на латышском

языке в сотрудничестве с изд-вом «KALA Raksti»

(Rīga)

**Alexander Men’
International Charity Society**

Riga Latvia

Phone: +371 29147350

E-mail: amenfond@gmail.com

www.hristianos.com